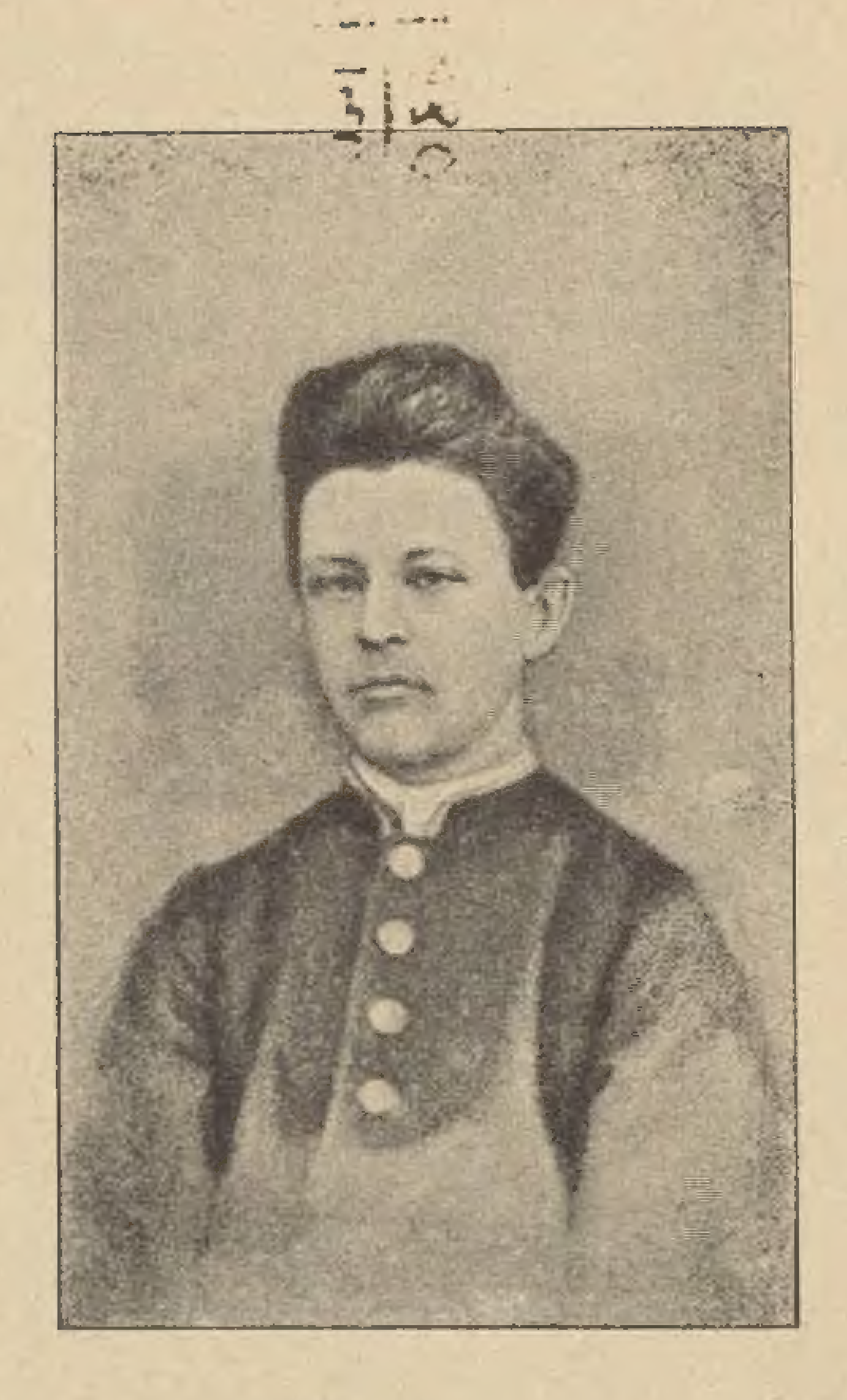

U 140
680

ВЪ НАЧАЛѢ ЖИЗНИ

Н. А. МОРОЗОВЪ.

Въ началѣ жизни.

Н. Морозов

1872.

Николай Морозовъ

Въ началѣ жизни

Какъ изъ меня
вышелъ революціонеръ
вмѣсто ученаго

ИЗДАНІЕ В. М. САБЛИНА
Москва. — 1907

Обложка работы Э. Э. Лисснера.

Большинство рисунковъ этой книги сняты съ видовъ имѣнья Боронъ А. И. За—вымъ.

Изд.

Типографія В. М. Саблина.

Москва, Петровка, д. Обидиной. Тел. 131-34.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ДОРОГОМУ ДРУГУ И ТОВАРИЩУ
НА СВОБОДѢ И ВЪ ЗАКЛЮЧЕНІИ

ВѢРѢ НИКОЛАЕВНѢ
ФИГНЕРЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Исторія эта написана не для публики, а для друга. За два года до отправленія Вѣры Николаевны Фигнеръ въ ссылку изъ Шлиссельбургской крѣпости, я спросилъ ее однажды, черезъ заборъ, раздѣлявшій наши крошечныя клѣтки-огородики на крѣпостномъ дворѣ:

— Что бы такое мнѣ сдѣлать тебѣ въ подарокъ къ Новому году?

— Напиши что-нибудь изъ своей жизни. Ничего другого я не хочу.

Этотъ рѣшительный отвѣтъ сначала очень меня огорчилъ. Писать о своей жизни въ добычу окружающимъ насъ тюремщикамъ мнѣ не хотѣлось и, кромѣ того, это отнимало часть времени отъ моихъ физико-математическихъ работъ, которымъ я придавалъ несравненно болѣе значенія, чѣмъ разсказамъ изъ своей личной жизни. Я все надѣялся когда-нибудь, при счаст-

ливомъ для меня стеченіи обстоятельствъ, передать ихъ на волю, между тѣмъ какъ относительно мемуаровъ на это не было тогда никакой надежды. Но въ чемъ состояла бы дружба, подумалъ я, если бъ мы не жертвовали по временамъ своими собственными планами для друга, если бъ иногда не сворачивали для него съ заранѣе намѣченной дороги?

И я написалъ ей о первыхъ годахъ моей сознательной жизни.

Передъ своимъ отъѣздомъ Вѣра Николаевна переписала этотъ разсказъ съ замѣной всѣхъ именъ псевдонимами и захватила съ собой въ числѣ своихъ собственныхъ рукописей.

Но, какъ я и предсказывалъ ей, разсказъ мой, вмѣстѣ съ остальными ея бумагами литературнаго характера, не доѣхалъ съ нею до Архангельской губерніи. Черезъ полгода пришелъ ко мнѣ въ крѣпость условленный знакъ, недоступный для нашихъ тюремщиковъ, но увѣдомившій меня, что Удавъ Boa Constrictor, или какъ мы звали нашего коменданта, подчеркнулъ въ моихъ воспоминаніяхъ всѣ свободолюбивыя мѣста, чтобы обратить на нихъ вниманіе Департамента полиціи, какъ на доказательство нераскаянности Вѣры Николаевны и автора рукописи, и послалъ по начальству. Департа-

ментъ полиціи конфисковалъ всѣ литературныя рукописи Вѣры Николаевны.

Мнѣ это показалось ничѣмъ не вызваннымъ враждебнымъ дѣйствіемъ противъ Вѣры Николаевны, потому что комендантъ могъ просто возвратить ей всѣ тѣ бумаги, которыя считалъ для себя неудобными, и предоставить ей самой рѣшеніе брать или не брать ихъ.

Значитъ, надо ихъ передать собственными силами помимо него, подумалъ я. Взявъ черновики моей рукописи, я пошелъ въ переплетную камеру и смазалъ всѣ листы жидкимъ растворомъ желатина. Затѣмъ я сложилъ ихъ четырьмя пачками и крѣпко зажалъ подъ прессомъ. Вся рукопись превратилась въ четыре листа плотнаго картона, разслоить который обычными способами не было никакой возможности, а разсмотрѣть рентгеновыми лучами, что это картонъ искусственный, было тоже нельзя по причинѣ значительной прозрачности карандашныхъ строкъ для рентгеновыхъ лучей.

Затѣмъ я переплелъ въ этотъ картонъ двѣ изъ моихъ работъ по физикѣ и, черезъ нѣсколько лѣтъ при своемъ освобожденіи 28 октября 1905 года, вывезъ вмѣстѣ съ собой на свободу.

Пріѣхавъ домой, я оборвалъ съ своихъ тетрадей корки переплета и положилъ на нѣсколь-

ко дней въ горячую воду. Скрѣплявшій желатинъ постепенно разбухъ и растворился, всѣ листы отдѣлились другъ отъ друга и оказались вполнѣ удобными для чтенія.

Но это еще не все. Сильный порывъ освободительной борьбы въ Россіи, выбросившій меня со всѣми товарищами изъ Шлиссельбургской крѣпости, выбросилъ также изъ Департамента полиціи и всѣ бумаги Вѣры Николаевны. Ей ихъ выдали по просьбѣ вліятельныхъ родныхъ. Она отдала свою копію съ моего разсказа въ редакцію „Русскаго Богатства", гдѣ онъ, въ нѣсколько сокращенномъ видѣ, и былъ напечатанъ въ майской и іюньской книжкахъ 1906 г.

Настоящая же книжка напечатана съ вывезенныхъ мною листовъ.

28 октября 1906.

I.

Дѣдушка и бабушка.

Отецъ и Мать.

Первые годы жизни.

Для того, чтобы исторія раннихъ лѣтъ моей жизни была понята, какъ слѣдуетъ, мнѣ необходимо начать съ дѣдушекъ и бабушекъ, потому что именно въ нихъ и находятся истинные корни всего, что произошло впослѣдствіи, несмотря на то, что двоихъ изъ нихъ я ни разу не видалъ.

Мой дѣдушка по отцу, Алексѣй Петровичъ, былъ блестящій артиллерійскій офицеръ, а бабушка—свѣтская женщина. По выходѣ дѣдушки въ отставку, они оба поселились въ своемъ имѣніи N—го уѣзда,

гдѣ дѣдушка былъ выбранъ предводителемъ дворянства и прожилъ въ этомъ званіи нѣсколько лѣтъ, давая балы мѣстному обществу и занимаясь, главнымъ образомъ, псовой охотой и другими видами спорта.

Ему предстояла блестящая карьера, такъ какъ по матери своей, Екатеринѣ Алексѣевнѣ Нарышкиной, онъ находился въ родствѣ съ Петромъ Великимъ. Но его

жизнь была рано прервана неожиданной катастрофой. Онъ былъ взорванъ на воздухъ вмѣстѣ съ большей частью своего дома.

О причинахъ этого событія и его подробностяхъ отецъ мой хранилъ все время своей жизни глубокое молчаніе, а немногія другія лица, помнившія о немъ во время моего дѣтства, говорили мнѣ различно. Моя

мать, уроженка отдаленной губерніи, слышала, что причиной взрыва было жестокое обращеніе дѣдушки со своими крѣпостными крестьянами: онъ заставлялъ ихъ рыть многочисленныя канавы для осушенія принадлежавшихъ ему болотъ. И, дѣйствительно, въ низменной части нашего имѣнія, гдѣ въ доисторическія времена еще бушевали волны могучей Волги, отступившей теперь отъ этого мѣста на три версты къ востоку, и до сихъ поръ можно видѣть дѣдушкины канавы, раздѣляющія четыреугольниками каждую десятину луговой земли и видныя съ прилегающихъ холмовъ на далекое разстояніе по растущимъ вдоль нихъ рядамъ ивъ. Недовольство этой насильственной канализаціей, охватившее все мѣстное крестьянство, нашло, по словамъ матери, отголосокъ въ сердцѣ дѣдушкина дворецкаго, рѣшившагося въ сообществѣ съ молодымъ камердинеромъ отомстить дѣдушкѣ за притѣсненія и взорвавшаго его вмѣстѣ съ домомъ.

Другой (и болѣе романтическій) варіантъ той же самой исторіи я слышалъ отъ своей няньки Татьяны, жившей въ этой самой

 мѣстности.

Любимымъ камердинеромъ дѣдушки, говорила она, былъ очень молодой человѣкъ, воспитанный въ Петербургѣ и начитавшійся романовъ до того, что влюбился безумно въ одну молоденькую уѣздную барышню, которая ничего и не подозрѣвала объ этомъ.

Въ одинъ прекрасный день, когда дѣдушка съ семействомъ пріѣхалъ къ себѣ въ имѣнье и давалъ тамъ большой балъ, этому молодому человѣку, избавленному отъ обычной застольной службы, пришлось, за недостаткомъ захлопотавшихся лакеевъ, разносить за обѣдомъ какой-то соусъ въ присутствіи этой самой барышни. Это такъ его сконфузило, что онъ вылилъ половину блюда на подолъ какой-то важной дамы.

— Пошелъ вонъ, дуракъ! закричалъ на него дѣдушка и, схвативъ за шиворотъ, вышвырнулъ изъ столовой.

Это униженіе въ присутствіи предмета обожанія привело юношу въ такое отчаяніе, что онъ, по словамъ няньки, сначала хотѣлъ убить себя, а затѣмъ рѣшилъ убить обидчика и, сговорившись съ дворецкимъ, ненавидѣвшимъ дѣдушку по другимъ причинамъ, подкатилъ черезъ нѣ-

сколько дней подъ спальную дѣдушкина дома большой боченокъ пороху, вложилъ его въ отверстіе подъ печкой, завалилъ выходъ большими камнями и, вставивъ въ боченокъ свѣчку, зажегъ и ушелъ.

Въ полночь произошелъ страшный взрывъ, гулъ котораго разбудилъ мою няньку (въ то время еще дѣвочку) на разстояніи пяти верстъ отъ дома. Бóльшая часть зданія разрушилась, упавшая печка раздавила дѣдушку и бабушку, а трое ихъ дѣтей—мой отецъ и двѣ его сестры, спавшія въ боковой пристройкѣ, — уцѣлѣли, хотя стѣна ихъ комнаты отвалилась, и для того, чтобы достать ихъ, пришлось приставлять лѣстницу.

Начавшееся дознаніе выяснило виновниковъ. Прежде всего замѣтили, что дворецкій и камердинеръ поблѣднѣли и зашатались, когда настала ихъ очередь подходить къ открытому гробу для послѣдняго прощанія съ умершими и цѣлованія имъ рукъ. Но это еще не вызвало у нихъ сознанія, и только потомъ, уже въ N—мъ острогѣ, одинъ полицейскій, подсаженный къ нимъ въ видѣ товарища по заключенію, вывѣдалъ отъ нихъ всю правду. Обо-

ихъ судили, высѣкли плетьми, какъ тогда полагалось, и сослали въ Сибирь на каторгу, гдѣ они и затерялись безъ слѣда.

Отцу моему и теткамъ назначили опекуномъ ихъ дядю, Николая Петровича Щепочкина, который помѣстилъ потомъ дѣвочекъ въ институтъ, а мальчика—въ кадетскій корпусъ. Оттуда отецъ вышелъ начитавшимся Пушкина и Лермонтова, наполовину съ аристократическими, наполовину съ демократическими взглядами и инстинктами, переплетавшимися у него удивительнымъ образомъ другъ съ другомъ: онъ былъ сторонникъ освобожденія крестьянъ, но безъ земли, и съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы дворянство было вознаграждено за это парламентомъ на англійскій манеръ—съ двумя палатами и монархомъ, „царствующимъ, но не управляющимъ".

Въ молодости онъ былъ стройнымъ, высокимъ брюнетомъ, очень красивымъ, съ замѣчательнымъ самообладаніемъ и умѣньемъ держать себя во всякомъ обществѣ.

Знавшіе его въ молодости, находили въ чертахъ его лица замѣтное сходство съ портретами Петра I, и самъ онъ, повиди-

мому, очень гордился въ душѣ этимъ сходствомъ, какъ доставшимся ему въ наслѣдство отъ Нарышкиныхъ. Онъ относился къ Петру I всегда съ какимъ-то особеннымъ благоговѣніемъ, тогда какъ къ остальнымъ царямъ былъ равнодушенъ или отзывался о нихъ прямо недоброжелательно. По выходѣ изъ корпуса онъ тотчасъ же попалъ въ какую-то, повидимому, любовную исторію (кажется, съ женой своего полковника) и двадцати лѣтъ былъ приглашенъ уйти въ отставку. Это его нисколько не огорчило, и онъ, собравъ пожитки, отправился обозрѣвать свои большія имѣнія въ Ярославской и Новгородской губерніяхъ, гдѣ жили нѣсколько тысячъ крестьянъ и крестьянокъ.

Мой дѣдушка и бабушка по матери были совершенно другого общественнаго положенія. Это были богатые крестьяне въ одномъ изъ имѣній моего отца.

Какимъ образомъ мой дѣдушка со стороны матери, Василій Николаевичъ, по профессіи кузнецъ, научился читать, писать и пріобрѣлъ элементарныя свѣдѣнія по ариѳметикѣ, исторіи, географіи; какимъ образомъ онъ пріохотился къ чтенію и

откуда добылъ себѣ значительное количество книгъ по русской литературѣ? Мать говорила мнѣ, что все это передалъ ему его отецъ, Николай Андреевичъ, замѣчательный человѣкъ, выучившійся самостоятельно у дьячковъ всевозможнымъ наукамъ и ремесламъ и положившій начало благосостоянію ихъ дома.

Такимъ образомъ, и тотъ и другой представляли собою первые ростки той крестьянской интеллигенціи, которой суждено пышно развиться только въ будущей свободной Россіи при всеобщемъ и обязательномъ обученіи по цѣлесообразной программѣ.

Все это отозвалось и на моей матери. Хотя она и доросла почти до шестнадцати лѣтъ безъ всякаго правильнаго обученія, но природныя способности, любознательность, а также и окружавшая ее болѣе интеллигентная среда наложили на нее свой яркій отпечатокъ. Главными подругами ея молодости были дочери священника въ одномъ селѣ, гдѣ она жила у своего дѣда по матери, такъ какъ ея овдовѣвшій отецъ женился вторично, и родственники не хотѣли оставлять ее одну

при мачехѣ, опасаясь со стороны послѣдней недоброжелательнаго отношенія къ падчерицѣ.

Въ результатѣ, когда мой отецъ объѣзжалъ свои владѣнія, онъ вдругъ встрѣтилъ въ нихъ дѣвушку шестнадцати лѣтъ, блондинку съ синими глазами, чрезвычайно стройную, изящную, совершенно не въ русскомъ массивномъ стилѣ. Она его поразила своей красотой и интеллигентнымъ выраженіемъ лица. Онъ въ нее влюбился съ перваго же взгляда, а она въ него.

Родные матери, замѣтивъ начинающійся романъ, стали прятать ее по сосѣднимъ деревнямъ, и она сама пряталась отъ моего отца, чтобы пересилить свое чувство, но отецъ вездѣ разыскивалъ ее и, наконецъ, увезъ къ себѣ въ главное свое имѣніе въ другую губернію. Онъ выписалъ ее изъ крестьянокъ, приписалъ къ мѣщанкамъ, и они поселились затѣмъ въ усадьбѣ, гдѣ потомъ родился я.

Мать получила въ свои руки завѣдываніе всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ и прислугой, а отецъ предался, по примѣру дѣдушки, псовымъ охотамъ съ сосѣдними помѣщиками и другимъ родамъ спорта.

Онъ выписалъ лучшіе изъ тогдашнихъ литературныхъ журналовъ, устроилъ значительную домашнюю библіотеку и обучалъ мать нѣкоторымъ извѣстнымъ ему наукамъ. Мать даже пробовала потомъ научиться и французскому языку, но не могла осилить носовыхъ звуковъ и сама отказалась отъ этого, такъ какъ вычитала въ какомъ-то романѣ, что коверканіе иностранныхъ словъ производитъ на другихъ смѣшное впечатлѣніе. Изъ опасенія быть смѣшной, она дала себѣ зарокъ никогда не употреблять словъ иностраннаго происхожденія, пока не убѣждалась, что понимаетъ ихъ правильно. Этой простотой разговорнаго языка, нарушавшейся въ молодости только любовью вставлять въ разговоры цитаты изъ басенъ Крылова и стихотвореній Пушкина, особенно юмористическаго содержанія, она рѣзко отличалась отъ всѣхъ лицъ въ ея положеніи, какихъ мнѣ приходилось встрѣчать потомъ при своихъ странствованіяхъ по свѣту.

Отецъ мой одѣвалъ ее, какъ куклу, по послѣднимъ модамъ, и нашилъ ей полный гардеробъ различныхъ платьевъ. Но это ее нисколько не испортило, и она оста-

лась навсегда очень скромной, мягкой и привѣтливой со всѣми окружающими. Она постоянно заступалась передъ отцомъ за прислугу при различныхъ мелкихъ провинностяхъ. Насъ, дѣтей, она любила безъ ума, чрезвычайно заботилась о насъ, никогда не забывала на ночь перекрестить уже спящихъ и страшно безпокоилась при малѣйшей нашей болѣзни. Она же первая научила меня очень рано читать, писать и четыремъ правиламъ ариѳметики.

Такъ какъ бракъ моихъ родителей не былъ признанъ церковью, то первые годы ихъ семейной жизни сложились совершенно своеобразно. Отецъ былъ слишкомъ завидный женихъ, чтобы родители взрослыхъ дочекъ не пробовали время отъ времени простирать на него свои виды. Изъ знакомыхъ только мужчины были представляемы моей матери, какъ хозяйкѣ дома, и она сама принимала, угощала и занимала ихъ, а мѣстныя дамы почти всѣ держались первые годы въ сторонѣ, продолжая упорно считать моего отца холостымъ человѣкомъ.

Все это вызывало рядъ неудобствъ, такъ какъ, при значительныхъ сборищахъ гостей обоего пола по различнымъ торжествен-

нымъ днямъ и на балахъ, которые отецъ считалъ для себя обязательнымъ давать раза два въ годъ, —моей матери приходилось оставаться на своей половинѣ. Сюда къ ней время отъ времени являлись изъ присутствующихъ гостей лица, „знакомыя по семейному", между тѣмъ какъ гости, знакомые „исключительно съ отцомъ", держались въ парадныхъ комнатахъ дома. Я же и сестры, какъ маленькіе, жили особо во флигелѣ и были знакомы лишь съ дѣтьми и женами двухъ-трехъ ближайшихъ друзей отца. Меня почему-то одѣвали всегда въ шотландскій костюмъ, съ голыми колѣнками. Крошечныя старшія сестры ходили въ кринолинчикахъ и кружевныхъ панталончикахъ, и всѣ мы были вручены попеченію няни Ульяны, а потомъ Татьяны — замѣчательной разсказчицы всевозможныхъ удивительныхъ сказокъ, которыми она наполняла наше воображеніе.

Когда мнѣ было лѣтъ восемь (въ первой половинѣ 60-хъ годовъ), для меня съ сестрой была взята гувернантка, которая и принялась насъ обучать французскому языку и всевозможнымъ „манерамъ и реверансамъ". А вскорѣ затѣмъ совершилась

и рѣзкая перемѣна въ нашей семейной обстановкѣ.

Къ одному изъ помѣщиковъ сосѣдняго уѣзда, Зайцеву, вернулась изъ какого-то петербургскаго института восемнадцати-лѣтняя дочка, очень красивая и бойкая, и, къ тому же, прекрасная наѣздница. Не прошло и недѣли, какъ къ намъ явилась блестящая кавалькада, во главѣ которой была эта дѣвушка, въ черной бархатной амазонкѣ, на гладко вычищенномъ, блестящемъ и горячемъ англійскомъ скакунѣ съ коротко подстриженнымъ хвостомъ.

Зайцевы были знакомы только съ отцомъ и потому были приняты имъ въ парадныхъ комнатахъ, а вслѣдъ затѣмъ они умчались, захвативъ съ собою и отца. Черезъ нѣсколько дней повторилось то же самое; затѣмъ вновь. Моя мать начала плакать у себя въ спальной. Всѣмъ было ясно, что на отца имѣютъ виды, и отецъ тоже это понималъ, но онъ любилъ попрежнему мою мать и не имѣлъ ни малѣйшаго желанія заводить вторую семью. А между тѣмъ, отказывать такой милой барышнѣ поскакать съ ней немного верхомъ черезъ поля и овраги не было никакой возможности,

не впадая въ грубость или неделикатность, тѣмъ болѣе, что отецъ считался лучшимъ наѣздникомъ въ уѣздѣ.

Почувствовавъ, что нужно сдѣлать что-нибудь рѣшительное для того, чтобы заставить всѣхъ признать свое семейное положеніе, отецъ воспользовался для этого днемъ своихъ именинъ, когда, по обыкновенію, къ намъ съѣзжался, какъ выражалась прислуга, „весь уѣздъ". До обѣда этого дня я занимался у себя въ дѣтской, ничего не подозрѣвая и не предчувствуя, какъ вдругъ является къ намъ отецъ и говоритъ мнѣ:

— Коля, одѣнься и причешись, ты будешь сегодня обѣдать съ гостями наверху. Я пришлю за тобой Лешку.

Черезъ полчаса приходитъ „Лешка" (одинъ изъ лакеевъ), въ новыхъ бѣлыхъ перчаткахъ, и говоритъ, что „папаша велѣли итти въ столовую".

Я явился туда съ трепетомъ въ душѣ и расшаркался при входѣ, какъ меня научила гувернантка. Гости стояли группами у маленькихъ столиковъ съ закусками по стѣнамъ залы.

 — Вотъ Коля!—спокойно сказалъ гостямъ

отецъ, махнувъ на меня рукой, и, положивъ въ ротъ сардинку, пригласилъ всѣхъ садиться за большой обѣденный столъ, посреди залы.

Нѣсколько мужчинъ и двѣ-три дамы, уже „знакомые по семейному“, подошли поздороваться со мной за руку, и затѣмъ я скромно сѣлъ на указанное мнѣ мѣсто, противъ отца, единственный маленькій человѣкъ среди этого блестящаго общества взрослыхъ. Едва усѣвшись на своемъ стулѣ, я сейчасъ же началъ украдкой разглядывать незнакомыхъ мнѣ дамъ и нѣсколькихъ расфранченныхъ барышень, совершенно и не подозрѣвая того эффекта, который должно было произвести среди нихъ мое внезапное появленіе въ роли Пьера Безухаго изъ романа „Война и Миръ“.

Съ этого момента всѣ поняли, что если кто желаетъ сохранить съ отцомъ хорошія отношенія, тотъ долженъ признать его семейнымъ человѣкомъ. Виновница же всѣхъ этихъ и безъ того назрѣвавшихъ перемѣнъ, m-lle Зайцева, тотчасъ же уѣхала обратно въ Петербургъ и черезъ годъ вышла замужъ за какую-то очень важную особу.

Въ слѣдующіе два-три мѣсяца большинство сосѣдей, познакомившись съ моей матерью, уже стали возить къ намъ въ гости своихъ дѣтей и приглашать насъ къ себѣ.

Съ тѣхъ поръ жизнь нашей семьи пошла обычнымъ путемъ, ничѣмъ особен-

нымъ не отличаясь отъ жизни остальныхъ помѣщиковъ, кромѣ тѣхъ чисто внѣшнихъ признаковъ, которые зависѣли отъ большой величины нашихъ тогдашнихъ владѣній и усадьбы, требовавшей значительной

 прислуги, и отъ исключительнаго богатства

и вкуса во внутреннемъ убранствѣ нашихъ комнатъ.

Всѣ зданія нашей усадьбы, главный домъ, флигель, кухня и другія строенія, были разбросаны среди деревьевъ большого парка въ англійскомъ вкусѣ, состоявшаго, главнымъ образомъ, изъ березъ, съ маленькими рощицами липъ, елей и съ отдѣльно разбросанными повсюду кленами, соснами, рябинами и осинами; съ лужайками, холмами, тѣнистыми уголками, полузапущенными аллеями, бесѣдками и озеркомъ-прудомъ, на которомъ мы любили плавать по вечерамъ на лодкѣ. Большія Каменныя Ворота стояли одиноко въ полѣ, какъ древняя феодальная руина, и показывали поворотъ дороги въ нашу усадьбу.

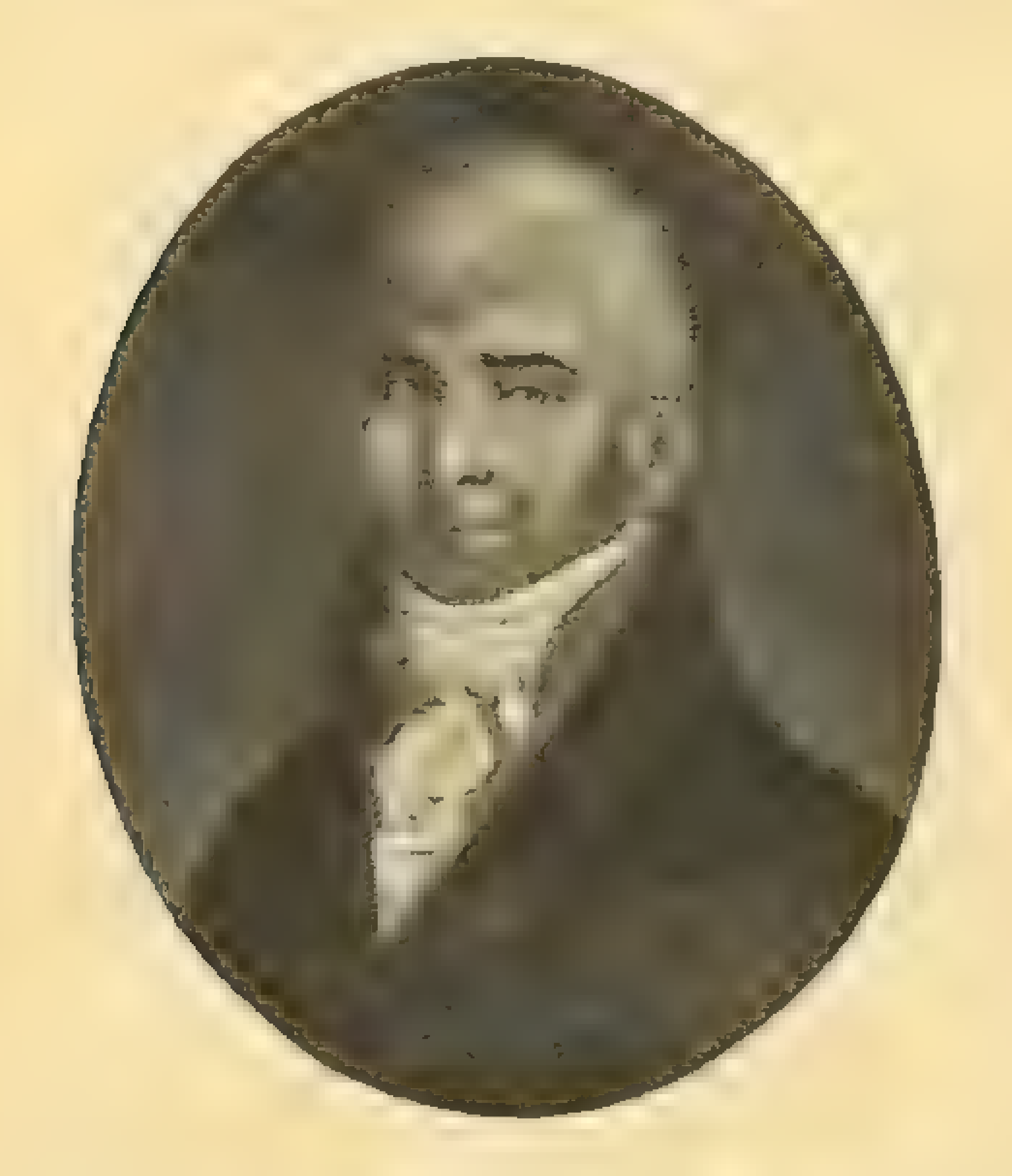
„Бальная зала" во всю длину дома, парадныя комнаты „на верху", т.-е. во второмъ этажѣ, блестѣли большими отъ пола до потолка зеркалами, бронзовыми люстрами, свѣшивавшимися съ потолковъ, и картинами знаменитыхъ художниковъ въ золоченныхъ рамахъ, занимавшими всѣ промежутки стѣнъ. Подъ ними — мраморные столики съ инкрустаціями и всякими изваяніями, мягкіе диваны, кресла или

стулья съ рѣзными спинками въ готическомъ вкусѣ. Къ залѣ примыкала комната съ фортепіано и другими музыкальными инструментами. Въ нижнихъ же комнатахъ, кромѣ жилыхъ помѣщеній, находилась будничная (семейная) столовая, большая билліардная зала, гдѣ мнѣ постоянно приходилось потомъ сражаться кіемъ съ гостями, и оружейная комната вся увѣшанная средневѣковыми рыцарскими доспѣхами, рапирами, мѣдными охотничьими трубами, черкесскими кинжалами съ золотыми надписями изъ Корана, пистолетами, револьверами и большой коллекціей ружей всевозможныхъ системъ, отъ старинныхъ арбалетовъ до послѣднихъ скорострѣльныхъ.

Прямо надъ спальней отца и рядомъ съ большой залой находилась также комната съ портретами предковъ въ золоченыхъ рамахъ, куда прислуга не рѣшалась ходить по ночамъ въ одиночку изъ суевѣрнаго страха.

Меня особенно пугалъ тамъ прадѣдъ „Петръ Григорьевичъ“ своимъ жесткимъ и высокомѣрнымъ видомъ. Отецъ мнѣ говорилъ, что онъ былъ черкесскаго происхожденія, и сама его фамилія „Щепочкинъ“

была передѣлана на русскій ладъ изъ какой-то созвучной ей кавказской фамиліи. Его портретъ, напоминавшій мнѣ древняго до-революціоннаго маркиза, былъ сдѣланъ

такъ живо какимъ-то старинымъ художникомъ, его взглядъ былъ такъ мизантропически жестокъ и онъ такъ назойливо смотрѣлъ вамъ искоса прямо въ лицо, что каждый разъ, когда я вечеромъ или ночью

долженъ былъ проходить одинъ въ темнотѣ или при лунномъ свѣтѣ, врывавшемся косыми полосами въ два окна этой комнаты, какой-то неопредолимый страхъ охватывалъ меня, и холодъ пробѣгалъ по спинѣ и затылку.

Я рано началъ бороться съ этими суевѣрными ощущеніями, навѣянными на меня „страшными разсказами“ нянекъ о портретахъ, выходящихъ по ночамъ изъ своихъ рамъ, русалкахъ, танцующихъ при лунномъ свѣтѣ на берегахъ озерка-пруда въ нашемъ паркѣ и о мертвецахъ, сидящихъ по ночамъ на своихъ могилахъ, начиная съ полуночи и вплоть до того часа, когда пропоютъ пѣтухи...

Чтобъ освободиться отъ этихъ инстинктивныхъ ощущеній, не проходившихъ и послѣ того, какъ я окончательно избавился отъ дѣтскихъ суевѣрій и началъ стыдиться ихъ уже съ десяти лѣтъ, я нарочно началъ посѣщать одинъ по ночамъ всѣ „страшныя мѣста“ въ нашемъ имѣніи и его окрестностяхъ. Проходя одинъ со свѣчкой мимо дѣдушкина портрета, я нарочно поднималъ свѣчу высоко надъ головой, чтобъ было лучше видно, остана-

вливался передъ портретомъ и съ минуту смотрѣлъ на него въ мертвой тишинѣ ночи, хотя волосы шевелились у меня на головѣ. Затѣмъ я медленно шелъ въ сосѣднюю темную залу и спускался, наконецъ, по парадной лѣстницѣ въ нижній жилой этажъ.

Точно также я нарочно ходилъ по ночамъ одинъ на берега нашего озерка въ паркѣ, медленно обходилъ его кругомъ, смотря въ черную таинственную глубину его водъ, гдѣ отражалась полная луна, и возвращался такъ же медленно домой.

Только на страшную лѣсную рѣчку Хохотку, гдѣ, по словамъ окрестныхъ крестьянъ и крестьянокъ, часто раздавался по ночамъ таинственный хохотъ надъ многочисленными омутами и трясинами ея пустынныхъ окрестностей, да въ болотистый „Таравосскій лѣсъ", гдѣ лѣшій водилъ по ночамъ и въ туманѣ всякаго путника, пока не завлекалъ его въ трясину съ блуждающими надъ ней огоньками, — я ни разу не ходилъ послѣ заката солнца, несмотря на страстное желаніе испытать и тамъ свои силы.

Всякій разъ, когда вечерній туманъ на-

чиналъ застилать своимъ бѣлымъ низкимъ покрываломъ отдаленныя низины нашихъ владѣній, когда вершины деревьевъ однѣ поднимались надъ нимъ, какъ островки надъ огромными разлившимися озерами, — мнѣ страстно хотѣлось побывать въ глубинѣ этого ночного тумана и пройти въ выступающій изъ него таинственный лѣсъ или къ скрывающейся подъ бѣлымъ покровомъ, почти по другую сторону нашихъ холмовъ, таинственной Хохоткѣ, чтобы посмотрѣть, что на ней дѣлается при лунномъ свѣтѣ.

Ко всѣмъ этимъ дѣтскимъ страхамъ примѣшивалась и значительная доля любопытства. Вѣдь все необыкновенное, чуждое нашему обычному міру, такъ интересно, а опасность такъ привлекательна.

— Если увидишь ночью привидѣніе, — предупреждала меня нянька, — бѣги безъ оглядки и ни за что не оборачивайся назадъ, что ни услышалъ бы сзади себя!

— А если оглянусь?

— Тогда всему конецъ! Оно вскочитъ на тебя и удушитъ!

И вотъ, наоборотъ, идя въ одиночку по „мѣстамъ съ привидѣніями", я нарочно

украдкой оглядывался, но, увы! никогда ничего не видалъ и не слыхалъ, кромѣ криковъ совъ, да отдаленнаго воя волковъ. Но, кромѣ привидѣній, въ нашихъ краяхъ водились и дикіе звѣри.

Волки были тогда многочисленны въ лѣсныхъ и мало населенныхъ окрестностяхъ нашего имѣнія, по направленію къ Волгѣ, а изрѣдка появлялись и медвѣди. Вотъ почему возможны были и недоразумѣнія.

Разъ, возвращаясь домой при лунномъ свѣтѣ, я вдругъ явственно увидѣлъ шагахъ въ десяти отъ себя, у самой тропинки, гдѣ мнѣ нужно было проходить, большого медвѣдя, ставшаго на заднія лапы и машущаго передними. Волосы зашевелились на моей головѣ, мелькнула трусливая мысль свернуть съ дороги въ сторону, но что-то другое, болѣе сильное, чѣмъ я, подсказало мнѣ, что выраженіе трусости здѣсь только ухудшитъ дѣло, и я, ни увеличивая ни уменьшая шага, продолжалъ свой путь по тропинкѣ, прямо мимо звѣря, не спуская съ него взгляда. И вдругъ почти въ тотъ самый мигъ, когда я поравнялся съ нимъ, онъ внезапно обра-

тился въ молодую кустистую сосенку съ двумя вѣтвями, падающими внизъ, какъ заднія лапы, и двумя другими, приподнятыми вверхъ и качающимися, какъ двѣ медвѣжьи лапы.

Это было единственное привидѣніе, видѣнное мною внѣ своего дома.

Другое было въ самомъ дому, когда въ отсутствіи отца я ночевалъ первый разъ въ его спальнѣ за несгораемымъ денежнымъ шкафомъ, обязательнымъ притономъ всякой нечистой силы, занимавшимъ средину комнаты и поднимавшемся почти до потолка. Тамъ у меня случилось что-то въ родѣ галлюцинаціи.

Чтобы побороть преодолѣвавшій меня, благодаря разсказамъ прислуги, суевѣрный страхъ, я ночью всталъ съ постели и рѣшилъ обойти кругомъ этотъ шкафъ. Но не успѣлъ я сдѣлать и полуоборота, какъ, очутившись передъ письменнымъ столомъ отца, я увидѣлъ огромную черную собаку, выходящую изъ-подъ него и направляющуюся прямо ко мнѣ. Я простоялъ нѣсколько секундъ передъ нею, а она передо мной, смотря мнѣ прямо въ глаза, затѣмъ она заворчала и пошла въ темноту угла,

а я повернулъ обратно, и, не въ силахъ продолжать своего кругового путешествія, повернулъ назадъ, легъ въ постель и съ головой закутался въ одѣяло.

Такъ я и лежалъ не помню сколько времени, не шевелясь ни однимъ членомъ, пока, наконецъ, не заснулъ.

Проснувшись утромъ, я нарочно осмотрѣлъ всю комнату, но въ ней никого не было, а дверь была заперта мною еще съ вечера на ключъ. Я осмотрѣлъ ее, стараясь представить, какъ ее могли бы отворить и снова запереть снаружи, но убѣдился, что это было невозможно.

Въ это время мнѣ уже было лѣтъ четырнадцать, и я уже не вѣрилъ въ сверхъестественныя явленія, но привитый въ дѣтствѣ суевѣрный страхъ, какъ бы превратившійся въ инстинктъ, еще сильно давалъ мнѣ чувствовать себя, когда я находился въ родномъ имѣніи. Но интересно, что онъ сильно уменьшался и даже совершенно исчезалъ, когда у меня находилось въ рукахъ огнестрѣльное оружіе: тогда я готовъ былъ встрѣтиться съ кѣмъ угодно, даже съ привидѣніями, хотя мнѣ и твердили въ дѣтствѣ, что противъ нихъ без-

сильно всякое оружіе, за исключеніемъ „крестнаго знаменія“, да восклицанія: „Святъ, святъ, святъ Господь Богъ Саваоѳъ, исполнена земля славы твоея!“

Но стоило только мнѣ уѣхать въ какое другое-либо мѣсто, какъ всякое суевѣріе у меня тотчасъ пропадало. Оно цѣликомъ было связано съ родными краями.

Мать моя очень хорошо вошла въ роль хозяйки нашей большой усадьбы. Она съ успѣхомъ угощала, занимала и смѣшила гостей и очень скоро заслужила общую симпатію.

Мою гувернантку вскорѣ предоставили сестрамъ, а мнѣ назначили гувернера, полу-француза Верморелля, который приготовилъ меня во второй классъ гимназіи. Потомъ взяли для сестеръ двухъ новыхъ гувернантокъ, очень молодыхъ дѣвушекъ, изъ которыхъ одну скоро сманили сосѣди. Въ другую же я тотчасъ влюбился, храня, какъ святыню, случайно попадавшіе мнѣ въ руки, обрывки ея ленточекъ, кусочки кожи отъ ея башмаковъ, вѣтки подаренныхъ мнѣ ею цвѣтовъ и все, что ей когда-нибудь принадлежало. Я тайно ставилъ ей на окно букеты изъ васильковъ и

другихъ полевыхъ цвѣтовъ и готовъ былъ отдать за нее свою жизнь.

Ближайшіе друзья дома, еще до моего оффиціальнаго появленія въ обществѣ, расхваливали отцу мою мать и уговаривали его совершить формальности, требуемыя церковью, чтобы прекратить ея неопредѣленное положеніе въ обществѣ. Отецъ соглашался, что это нужно рано или поздно сдѣлать, но по какой-то инертности все откладывалъ дѣло годъ за годомъ.

Что же касается до самой матери, то она никогда, ни единымъ словомъ, не намекала отцу о церковномъ бракѣ, изъ характеризовавшей ее своеобразной гордости опасаясь, что это можетъ быть принято за простое желаніе попасть въ привиллегированное положеніе.

Однако, безпокойство за необезпеченное положеніе дѣтей часто овладѣвало ею, и она начала по временамъ впадать въ меланхолію. Однажды, во время особенно сильнаго припадка недуга, когда мой отецъ заботливо разспрашивалъ ее о причинахъ ея нездоровья, мать призналась ему въ своемъ безпокойствѣ о нашемъ будущемъ въ случаѣ его неожиданной

смерти, и отецъ, собравъ своихъ знакомыхъ, сейчасъ же составилъ свое завѣщаніе. Всѣ его денежныя суммы и благопріобрѣтенное недвижимое имущество дѣлилось по этому завѣщанію на двѣ равныя части, одна изъ которыхъ должна была итти въ раздѣлъ между его сыновьями, а другая между дочерьми, тогда какъ вся внутренняя обстановка жилищъ завѣщалась матери.

Все это случилось, когда мнѣ, старшему сыну, было лѣтъ десять, а сестрамъ и брату еще менѣе того.

Отецъ былъ мало экспансивенъ въ своихъ родительскихъ чувствахъ. Онъ, кажется, немного стыдился ихъ выказывать, какъ признакъ слабости. Наши дѣтскія интимныя отношенія съ нимъ ограничивались поцѣлуями утромъ и вечеромъ, да нѣсколькими шутливыми вопросами съ его стороны за обѣдомъ и чаемъ, или при его ежедневныхъ посѣщеніяхъ нашей классной комнаты во время уроковъ на четверть часа. Маленькіе случайные подарки, служащіе въ глазахъ дѣтей мѣриломъ родительской любви, были съ его стороны очень

 рѣдки, и потому мнѣ казалось, что онъ къ

намъ довольно равнодушенъ, хотя на самомъ дѣлѣ этого не было. Это была только манера вести себя, неумѣнье со стороны взрослаго человѣка войти въ дѣтскую душу.

На именины и дни рожденья онъ намъ всегда что-нибудь дарилъ: сестрамъ—куклы или шляпки, а мнѣ—различные предметы спорта, сначала дѣтское оружіе и деревянныхъ верховыхъ коней, затѣмъ настоящіе пистолеты и маленькаго пони для пріученья къ верховой ѣздѣ, потомъ отличное охотничье ружье и т. д. Для пріученія къ спорту, онъ часто водилъ меня съ собой на охоту или стрѣлять въ цѣль изъ штуцеровъ, или играть на билліардѣ, въ нашей билліардной комнатѣ гдѣ я скоро сталъ его обыгрывать и этимъ отбилъ у него охоту играть со мною. Онъ также часто бралъ меня проѣзжать рысаковъ, до которыхъ былъ страстный охотникъ. У насъ ихъ было до полутораста, и содержались эти лошади, при которыхъ состояло десятка два конюховъ, исключительно для удовольствія.

Для лучшихъ изъ нихъ была построена роскошная „каменная конюшня“ а остальныя лошади содержались въ находившей-

ся за нею въ полѣ „деревянной конюшнѣ“. Время отъ времени нѣкоторые изъ нихъ посылались въ Петербургъ или Москву на состязанія, гдѣ

они брали призы и часто продавались тамъ за большія цѣны. Каждый рысакъ имѣлъ свой спеціальный дипломъ на пергаментѣ, обведенномъ золотыми рамками, гдѣ стояло названіе нашего завода, имя рысака и время его рожденія. Здѣсь же перечислялись всѣ его родоначальники и предки до десятаго поколѣнія, а затѣмъ слѣдовала подпись и печать отца съ его гербами.

На окружающихъ людей отецъ производилъ очень сильное впечатлѣніе, благода-

ря твердому характеру и умѣнью, безъ всякаго замѣтнаго по внѣшности усилія, поставить себя съ каждымъ въ такія отношенія, какихъ онъ самъ желалъ. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ онъ былъ выбранъ предводителемъ дворянства въ нашемъ уѣздѣ, и его время начало проходить въ постоянныхъ переѣздахъ изъ города въ деревню и обратно.

Мнѣ было лѣтъ десять, когда я впервые ясно понялъ отсутствіе въ нашей семьѣ тѣхъ формальныхъ связей, которыя сковываютъ вмѣстѣ всѣхъ членовъ другихъ семействъ, независимо отъ ихъ собственной воли, и происходящую отсюда неопредѣленность общественнаго положенія моей матери, которую я сильно любилъ.

Въ это время у меня уже появились религіозныя сомнѣнія, главнымъ образомъ изъ-за того, что не оказалось надъ землей кристаллическаго небеснаго свода или тверди, которую, по словамъ Библіи, создалъ Богъ во второй день творенія, чтобы раздѣлить верхнія воды отъ нижнихъ, да и самихъ верхнихъ водъ тоже не оказалось.

Эти сомнѣнія стали меня сильно мучить, тѣмъ болѣе, что мнѣ рѣшительно не съ кѣмъ было подѣлиться ими. Мои сверстники и товарищи дѣтства всѣ были ниже такихъ размышленій, а взрослые не захотѣли бы говорить о нихъ со мной серьезно. Точно также мнѣ стали приходить въ голову различные вопросы въ родѣ того, справедливо ли, что одинъ живетъ, благодаря простой случайности рожденія, въ богатствѣ и роскоши, а другой—въ нищетѣ и голодѣ?

Размышляя о томъ, что отецъ не обвѣнчался съ моей матерью, я пришелъ къ совершенно справедливому заключенію, что и онъ нисколько не вѣритъ въ церковныя таинства. Однако, видя, что это огорчаетъ мать, и вспомнивъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ я видалъ ее тайно плачущей у себя въ комнатѣ, я въ первый разъ отнесся къ отцу съ неодобреніемъ.

— Если мать во все это вѣритъ, и это ее волнуетъ, почему бы не сдѣлать ей удовольствія?—думалъ я.

Понемногу я началъ становиться замкнутымъ передъ отцомъ относительно всего,

что касалось моей внутренней жизни, началъ замѣчать и преувеличивать слабыя стороны его характера и даже давать въ душѣ превратныя толкованія мотивамъ тѣхъ или другихъ его поступковъ.

Я зналъ, какъ и всѣ остальные, о духовномъ завѣщаніи отца, гдѣ почти все имущество оставлялось матери и намъ, но эта матеріальная часть очень мало меня интересовала, и я сталъ по временамъ мечтать о томъ, что, когда я выросту большимъ, я не воспользуюсь этимъ завѣщаніемъ, и самъ пробью себѣ дорогу въ жизни исключительно своими личными усиліями, безъ всякой посторонней помощи.

Однако, если кто-нибудь подумаетъ, что эта анормальная сторона, о которой я такъ много говорю теперь, клала какой-либо постоянный отпечатокъ на нашу обыденную семейную жизнь, тотъ очень сильно ошибется.

Мы жили, какъ и всѣ другія семьи, главнымъ образомъ, впечатлѣніями текущаго дня, его радостями и заботами, рѣдко вспоминая о вчерашнемъ или думая о завтрашнемъ днѣ. Отецъ просматривалъ счета или занимался спортомъ, мать все-

цѣло отдавалась заботамъ о дѣтяхъ и домашнемъ хозяйствѣ или съ жадностью читала романы, на которыхъ она, наконецъ, испортила себѣ зрѣніе. Мы, дѣти, готовили свои уроки. Въ сношеніяхъ со знакомыми не чувствовалось никакой натянутости, и по торжественнымъ днямъ къ намъ собирались гости съ женами и дѣтьми, и мы

всѣ прыгали, танцовали, играли въ жмурки, въ прятки и возились по всему дому.

Для анализа „собственной души и ея отношеній къ Богу и къ окружающимъ", какъ выразился бы Левъ Толстой, оставались въ году лишь отдѣльные часы раздумья.

Въ будничные дни, послѣ уроковъ, мы, маленькіе, разбѣгались по парку, дѣлали

себѣ пирожки изъ глины и песку, пускали воздушныхъ змѣевъ, отправляли плавать въ прудъ кораблики на бумажныхъ парусахъ, забирались черезъ манежъ, прилегавшій къ одной изъ трехъ нашихъ конюшенъ, въ каретный сарай, гдѣ стояло штукъ двадцать всевозможныхъ экипажей, отъ колясокъ и каретъ до простыхъ бѣговыхъ санокъ и дрожекъ, и съ большимъ увлеченіемъ изображали въ нихъ путешественниковъ, усиленно раскачиваясь на рессорахъ.

Отецъ сначала съ увлеченіемъ предавался охотѣ. Съ восхода солнца отправлялся онъ въ хорошую погоду блуждать со мной и егеремъ Иваномъ по прилегающимъ къ берегу Волги болотистымъ мѣстамъ нашего имѣнья, переполненнымъ несмѣтными роями мошекъ и комаровъ.

Взлеталъ бекасъ...

Бацъ! раздавался выстрѣлъ отца...

Бацъ! раздавался мой выстрѣлъ...

И если при этомъ отецъ и я не попадали въ него, изъ за нашей спины раздавался выстрѣлъ егеря, бекасъ падалъ, а егерь утверждалъ, что убилъ его я...

Но, впрочемъ, это бывало рѣдко.

Отецъ также держалъ большую псарню съ нѣсколькими десятками гончихъ и борзыхъ, но потомъ, когда мнѣ было лѣтъ десять, уничтожилъ это учрежденіе, послѣ того какъ собаки одного нашего сосѣда растерзали на его глазахъ крестьянина, попавшаго случайно на линію охоты и бросившагося бѣжать несмотря на то, что отецъ и всѣ остальные кричали ему:

— Не бѣги—разорвутъ!

Сильно пораженный этимъ несчастнымъ случаемъ, отецъ больше не ѣздилъ на псовую охоту, а потому и я не имѣю о ней никакого понятія, такъ какъ послѣ упомянутаго случая этотъ видъ спорта въ нашемъ уѣздѣ совсѣмъ прекратился. Помню только, какъ въ раннемъ дѣтствѣ я не разъ вскакивалъ на разсвѣтѣ со своей постели, при доносившихся сквозь стекла звукахъ охотничьихъ роговъ, и видѣлъ въ полутьмѣ изъ окошка своей дѣтской, какъ конюхи приводили къ главному подъѣзду осѣдланныхъ лошадей. Гончія собаки на сворахъ потягивались и зѣвали, широко раскрывая свои длинныя, тонкія морды. Затѣмъ на подъѣздъ выходилъ отецъ и гости, всѣ садились въ сѣдла, и одинъ за дру-

гимъ исчезали, при звукахъ трубъ, за деревьями парка.

II.

Въ отцовскомъ домѣ.
Гимназія.
Общество естество-испытателей и что изъ него вышло.

Вопросы „почему и отчего“ волновали меня съ самаго дѣтства, но я почти никогда не получалъ на нихъ отвѣта ни отъ отца, ни отъ матери и ни отъ кого изъ окружающихъ. Они такъ сильно привлекали меня къ себѣ, что многіе изъ этихъ вопросовъ во всей ихъ обстановкѣ и самыя слова отвѣтовъ на нихъ до сихъ поръ остались у меня въ памяти, хотя нѣкоторые изъ нихъ были, очевидно, сдѣланы въ самомъ раннемъ дѣтствѣ.

— Изъ чего состоитъ золото?—спросилъ я разъ свою старую няню Татьяну, которая тогда казалась мнѣ несравненно мудрѣе матери и отца, и ясно помню, что при этомъ я сидѣлъ посреди большой комнаты нашего флигеля на полу и выстругивалъ столовымъ ножомъ изъ лучины что-то въ

родѣ стрѣлы для лука или крыла для вѣтряной мельники, а нянька вязала чулокъ у окна на стулѣ.

— Изъ золота,—отвѣтила она.

— А серебро?

— Изъ серебра...

— А почему же хлѣбъ состоитъ изъ муки?

— А хлѣбъ состоитъ изъ муки,—также невозмутимо отвѣчала она.

— Какъ произошло солнце?—спрашиваю я въ другой разъ, вѣроятно, значительно позже.

— Богъ сотворилъ.

— А Бога кто сотворилъ?

— Никто. Онъ существовалъ и будетъ существовать вѣчно.

Это слово „вѣчно" производило на меня во все время дѣтства чрезвычайно сильное впечатлѣніе и вызывало мысли о безпредѣльности времени и пространства. И въ этотъ разъ произошло то же самое, а вмѣстѣ съ тѣмъ невольно явилась мысль: если Богъ существовалъ всегда, то почему же не могли бы всегда существовать вмѣстѣ съ нимъ и солнце, и земля, и звѣзды? Вѣдь Богу

 было бы скучно летать, невѣдомо съ ка-

кихъ поръ, одному въ пустотѣ и непроглядной тьмѣ, какъ мнѣ говорили объ этомъ старшіе.

Но я уже не задавалъ болѣе нянѣ этихъ вопросовъ, такъ какъ къ тому времени очевидно научился понимать, что мнѣ ихъ никто не разъяснитъ.

Этотъ складъ ума, очевидно, постепенно подготовлялъ у меня почву и для послѣдующихъ занятій естественными науками. Любовь къ природѣ была у меня прирожденной. Видъ звѣзднаго неба ночью всегда вызывалъ во мнѣ какое-то восторженное состояніе. Пробужденіе природы раннимъ утромъ или при первомъ появленіи весны, глубокое безмолвіе зимняго лѣса въ тихій морозный вечеръ, волнующаяся даль безпредѣльной равнины въ жаркій лѣтній день, — все это какъ-будто звало меня куда-то далеко, далеко, и казалось проявленіемъ какой-то, всюду скрывающейся таинственной жизни.

Это одухотвореніе природы доходило у меня въ дѣтствѣ до такой степени, что, выбѣгая утромъ въ паркъ, я мысленно здоровался съ каждымъ предметомъ, который попадался мнѣ на глаза: съ рѣчкой,

пригоркомъ, облачкомъ, деревомъ, галкой, солнцемъ, зарей и т. д., а по вечерамъ не забывалъ и попрощаться со всѣми окружающими меня предметами. И мнѣ казалось, что всѣ они меня вполнѣ понимаютъ. Это со временемъ такъ вошло у меня въ плоть и кровь, что даже и теперь почти всякій разъ, какъ мнѣ приходится увидать луну или звѣзды, поочередно проходящія въ высотѣ передъ моимъ окномъ въ Шлиссельбургской крѣпости *), я машинально говорю имъ, какъ это дѣлалъ въ дѣтствѣ,

— Здравствуй, луна! Здравствуйте, звѣзды! хотя и понимаю, что для другихъ это должно казаться большой наивностью.

Когда мнѣ попалась первая популярная книжка по естествознанію—брошюрка о пищевареніи, дыханіи и кровообращеніи—она мнѣ показалась какимъ-то откровеніемъ. Двѣ старинныя астрономіи Перевощикова и Зеленого (лекціи морского училища) я перечитывалъ не разъ до тринадцати лѣтъ, какъ только гувернеръ успѣлъ познакомить меня съ элементарными основаніями физи-

*) Эти мемуары писаны въ Шлиссельбургской крѣпости въ 1902 г.

ческой географіи. Почти всю нематематическую часть этихъ книгъ я понялъ и запомнилъ, а таинственный видъ формулъ и чертежей вызвалъ у меня страстное желаніе учиться математикѣ и затаенное опасеніе, что я никогда не буду въ силахъ понять такой премудрости.

Большинство видныхъ представителей русской литературы, Пушкина, Лермонтова, Жуковскаго, Кольцова, Гоголя, и особенно Некрасова, всегда производившаго на меня вмѣстѣ съ Лермонтовымъ особенно сильное впечатлѣніе, и часть иностранныхъ, главнымъ образомъ англійскихъ писателей, въ русскихъ переводахъ, я зналъ еще до гимназіи, такъ какъ ихъ произведенія имѣлись въ нашей домашней библіотекѣ.

Никакого выбора чтенія отецъ для меня не дѣлалъ, и я бралъ всякую книгу, заглавіе которой казалось для меня интереснымъ. Майнъ-Ридъ, Эмаръ, Куперъ, и особенно Габріель Ферри, своимъ романомъ „Лѣсной бродяга“, сильно развили романтическую сторону моей натуры и наполнили воображеніе всевозможными приключеніями, такъ что впослѣдствіи, по посту-

пленія въ гимназію, я тоже, какъ и многіе мальчики моего времени, не избѣжалъ „сборовъ къ индѣйцамъ“ и одно время спеціально и детально изучалъ съ этой цѣлью географію Сѣверной Америки. Съ этой же цѣлью я долго практиковался съ однимъ товарищемъ въ метаніи дротиковъ, стрѣльбѣ изъ сарбакановъ, въ путешествіяхъ по незнакомымъ лѣсамъ съ помощью компаса и въ прочихъ полезныхъ пріемахъ лѣсной жизни.

Никакихъ книгъ по общественнымъ наукамъ, кромѣ скучной исторіи Карамзина да статей въ журналахъ, не было въ отцовской библіотекѣ, а потому въ до-гимназическій періодъ моего дѣтства мнѣ приходилось довольствоваться лишь собственными размышленіями, когда разговоры взрослыхъ побуждали меня задумываться о тѣхъ или иныхъ общественныхъ отношеніяхъ.

Отъ кого впервые услыхалъ я, что, кромѣ монархій, существуютъ и республики; какимъ путемъ непосредственныхъ размышленій убѣдился я, что республиканскій строй, какъ основанный на постоянномъ

 проявленіи всенародной воли, справедли-

вѣе монархическаго, основаннаго на случайности рожденія; какимъ образомъ узналъ я затѣмъ, что, кромѣ абсолютныхъ монархій и республикъ, есть еще и конституціонныя монархіи, и сразу отнесъ ихъ къ разряду палліативовъ,—ничего этого я уже не могу припомнить. По всей вѣроятности, все это совершилось у меня въ періодѣ между двѣнадцатью и тринадцатью годами и легло въ основу моего дальнѣйшаго развитія.

Девизъ старинныхъ французскихъ республиканцевъ—свобода, равенство и братство—сразу покрылся въ моихъ глазахъ ореоломъ, но только я прибавлялъ къ нему еще слово наука, понимая подъ нею, главнымъ образомъ, естествознаніе, которое, по моему убѣжденію, одно могло разсѣять суевѣрія и предразсудки, помрачающіе человѣческіе умы.

Въ какое время и какимъ образомъ я узналъ, что симпатичный для меня по соображеніямъ отвлеченной справедливости, республиканскій образъ правленія былъ достигнутъ въ иностранныхъ государствахъ путемъ тяжелой борьбы? Отъ кого я услыхалъ впервые, или прочелъ гдѣ-ни-

будь, что въ Россіи были декабристы, пытавшіеся добиться того же и для насъ, но погибшіе въ тюрьмахъ и въ Сибири? Кто мнѣ разсказалъ, можетъ быть, со спасительной цѣлью устрашенія, что существуетъ Петропавловская крѣпость, и наполнилъ мое воображеніе ужасными картинами жестокостей, которыя тамъ творятся надъ всѣми, любящими свободу, а мое сердце—жалостью и сочувствіемъ къ заключеннымъ въ ней узникамъ? Этого я тоже уже не въ состояніи припомнить.

По всей вѣроятности, все это относится къ первымъ годамъ моей гимназической жизни, а все то, что мнѣ приходилось слышать о такихъ предметахъ ранѣе, не оставляло въ моей головѣ никакого прочнаго слѣда или не возбуждало серьезныхъ размышленій.

Но несомнѣнно, что такіе разговоры окружающихъ или замѣтки въ прочитанныхъ мною романахъ и книгахъ рано вызвали во мнѣ потребность познакомиться съ исторіей періодовъ общественной борьбы, хотя къ обычной исторіи, съ ея безконечной перипетіей войнъ, пограничныхъ и династическихъ измѣненій, безъ указа-

нія какихъ-либо законовъ общественнаго развитія, я никогда не имѣлъ особенной склонности и, подобно большинству, предпочиталъ знакомиться съ жизнью человѣчества непосредственно по романамъ.

Но книги по исторіи революціонныхъ періодовъ я бралъ время отъ времени уже со среднихъ классовъ гимназіи, и до восемнадцати лѣтъ перечиталъ, вѣроятно, все, что имѣлось по этому предмету въ русской литературѣ. Такимъ образомъ, несмотря на свое постоянное увлеченіе естественными науками, я передумалъ по общественнымъ вопросамъ почти все, что было передумано и перечитано большинствомъ современной мнѣ развитой молодежи.

Когда, впослѣдствіи, весной 1874 года, я впервые познакомился съ „радикалами" (какъ называли себя въ то время тѣ, кому въ обществѣ давали кличку „нигилистовъ"), то оказалось, что почти вся цитируемая ими въ разговорахъ легальная литература была мнѣ хорошо извѣстна.

Но главной моей пищей въ періоды отдыха или переутомленія всегда были романы, и имъ, несомнѣнно, принадлежитъ

главная роль въ развитіи моихъ симпатій и антипатій въ области человѣческихъ отношеній. „Одинъ въ полѣ не воинъ“ и „Загадочныя натуры“ Шпильгагена; „Девяносто третій годъ“ и другіе романы Виктора Гюго; „Что дѣлать?“ Чернышевскаго; романы изъ дѣятельности карбонаровъ, какъ, напримѣръ, „Докторъ Антоніо“, и остальные въ этомъ родѣ вызывали во мнѣ глубокое негодованіе противъ всякаго угнетенія и настоящую потребность пожертвовать собою для блага и свободы человѣчества. Благодаря этому, первая же встрѣча съ людьми, занимающимися подобной дѣятельностью, неизбѣжно должна была подѣйствовать на меня чрезвычайно сильно.

Однако, никакихъ такихъ людей я еще не встрѣчалъ. Вплоть до девятнадцати лѣтъ я думалъ, что, кромѣ меня да нѣсколькихъ друзей изъ моихъ товарищей-гимназистовъ, не было въ Россіи никого, раздѣляющаго эти мнѣнія и чувства. Изъ двухъ путеводныхъ звѣздъ—науки и свободы, которыя свѣтили для меня въ туманной дали будущаго, я почти цѣликомъ отдавался первой.

Во все время моей гимназической жизни,
 еще со второго или третьяго класса, я по

цѣлымъ днямъ и ночамъ просиживалъ надъ естественно-научными книгами, ища въ нихъ не однихъ сухихъ знаній, часть которыхъ давала мнѣ и гимназія, но больше всего разъясненія мучившихъ меня почти съ двѣнадцати лѣтъ вопросовъ: какъ начался окружающій меня міръ? Чѣмъ онъ кончится? Въ чемъ сущность человѣческаго сознанія, и что такое наша жизнь, которая въ одно и то же время есть мгновеніе, въ сравненіи съ вѣчностью, и цѣлая вѣчность, въ сравненіи съ однимъ мгновеніемъ?.. Стоитъ ли жить или не стоитъ? Такъ ли чувствуютъ другіе люди, какъ я, или каждый на свой ладъ, и потому никто другъ друга не понимаетъ, а только воображаетъ, что понимаетъ?

Я не хочу сказать, чтобы эти вопросы составляли всю мою жизнь. Нѣтъ! Какъ у всякаго другого, они прерывались у меня и посторонними впечатлѣніями. окружающей жизни.

Стоило увидѣть хорошенькое личико дѣвушки, и у меня сейчасъ же появлялся къ ней порывъ симпатіи, и я чувствовалъ полную готовность въ нее влюбиться, и, наконецъ, въ шестнадцать лѣтъ я нашелъ

свой идеалъ, какъ уже упоминалъ, въ гувернанткѣ моихъ младшихъ сестеръ, только-что вышедшей изъ института, очень моло-денькой и славной дѣвушкѣ... Стоило увидѣть студента съ особенно серьезнымъ видомъ и нѣкоторыми признаками бороды, и я сейчасъ же начиналъ чувствовать къ нему чрезвычайное благоговѣніе и готовъ былъ итти для него, куда угодно.

Все это было въ младшихъ и среднихъ классахъ гимназіи. На взрослыхъ людей, какъ я заключаю теперь по множеству ихъ отдѣльныхъ фразъ, оставшихся въ моей памяти, я производилъ впечатлѣніе юноши болѣе развитого, чѣмъ это полагалось по моему возрасту, хотя какая-то, никогда не оставлявшая меня, стыдливость выставлять на показъ другимъ свои знанія заставляла меня прямо прятать ихъ отъ болѣе взрослыхъ, особенно, если старшіе чѣмъ-нибудь обнаруживали, что смотрятъ на меня покровительственно, сверху внизъ. Тогда— всему конецъ! Въ ихъ присутствіи я положительно замыкался въ себѣ, говорилъ очень мало и весь сосредоточивался въ слухѣ. Среди товарищей и сверстниковъ я пользовался всегда большой любовью и

сочувствіемъ, быть можетъ, благодаря моей всегдашней готовности помогать всякому въ его затрудненіяхъ и неприготовленныхъ урокахъ.

Всякій разъ, когда я приходилъ въ гимназію и приближался къ тому уголку, гдѣ собирался нашъ классъ въ общей залѣ, нѣсколько десятковъ рукъ уже протягивалось въ моемъ направленіи, и всѣ лица прояснялись улыбками. А затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ бѣглыхъ фразъ, я садился на корточки, окруженный со всѣхъ сторонъ товарищами, и начиналъ переводить имъ латинскіе уроки или объяснять математическія задачи на этотъ день.

Еще со второго или третьяго класса моя страсть къ естественнымъ наукамъ начала увлекать многихъ изъ болѣе выдающихся по способностямъ товарищей по классу, и скоро у насъ образовалось тайное общество съ цѣлью занятій естествознаніемъ.

Помню курьезный эпизодъ при основаніи этого общества. Для него я написалъ уставъ, въ которомъ говорилось, что каждый изъ насъ обязуется заниматься естественными науками, не щадя своей жизни; затѣмъ указывалось, что отъ процвѣтанія

и развитія этихъ наукъ зависитъ все счастіе человѣчества, потому что онѣ позволятъ человѣку облегчить свой физическій трудъ, и этимъ самымъ дадутъ ему возможность посвятить свободное время умственному и нравственному совершенствованію. Безъ этого же человѣкъ всегда останется рабомъ. Словомъ, уставъ нашъ былъ очень хорошъ даже и не для полудѣтей, какими мы тогда были. Но вотъ и чисто-дѣтская черта! Поднялся вопросъ, какъ назвать общество. Я предложилъ: „Общество естествоиспытателей второй московской гимназіи". Но одному изъ товарищей, Шарлю Вермoрелю, брату моего бывшаго гувернера, а теперь репетитора, это названіе показалось слишкомъ эффектнымъ.

— Нужно проще,—сказалъ онъ,—чтобы не показалось кому-нибудь изъ взрослыхъ хвастовствомъ. Назовемъ лучше: „Общество Зоологическихъ Коллекцій" (мы собирали, главнымъ образомъ, коллекціи насѣкомыхъ и окаменѣлостей).

Мнѣ это названіе очень не понравилось съ эстетической точки зрѣнія, но я не любилъ спорить изъ-за словъ и потому сейчасъ же согласился.

Мнѣ, какъ умѣвшему немного гравировать, было поручено вырѣзать изъ грифельной доски печать для общества съ надписью О. З. К. (общество зоологическихъ коллекцій), и я тутъ же принялся ее гравировать концомъ перочиннаго ножика, дѣлая сажей на бумагѣ пробные оттиски по мѣрѣ воспроизведенія мною каждой буквы на печати отдѣльно.

Первая буква О, какъ симметричная, вышла удачно на оттискѣ, но зато вторая буква З отпечаталась на бумагѣ въ обратномъ видѣ, какъ Ɛ, потому что я выгравировалъ ее на печати машинально въ обычномъ, не вывернутомъ наизнанку видѣ. Что тутъ дѣлать?

Шарль, подумавъ, сказалъ:

— У насъ уже есть семь ящиковъ коллекцій, и теперь мы собираемъ восьмую. Можно просто передѣлать неудачное изображеніе З на цифру 8, и тогда выйдетъ: „Общество 8-ой Зоологической Коллекціи“.

У меня заскребло на душѣ отъ такого названія, но бросить начатую печать было жалко. Я докончилъ ее, какъ онъ говорилъ, и мы начали всѣ коптить ее на свѣчкѣ и прикладывать на листѣ бумаги. Скоро весь

листъ покрылся оттисками, и мы обступили его, любуясь своими произведеніями.

Въ эту минуту входитъ старшій Верморель, не репетиторъ мой, а другой его братъ, студентъ Жозефъ, очень желчный и саркастическій человѣкъ. Его я не любилъ за постоянныя насмѣшки надъ нашими естественно-научными занятіями, которыя онъ считалъ простымъ мальчишествомъ.

— Что такое значатъ эти буквы?—спрашиваетъ онъ.

— Общество 8-ой Зоологической Коллекціи,—отвѣтилъ Шарль съ серьезнымъ, дѣловымъ видомъ.

— Это, вѣроятно, то самое общество, которое сидитъ у васъ на булавкахъ въ 8-ой коллекціи?—иронически спросилъ Жозефъ.

Я былъ такъ глубоко обиженъ этой „насмѣшкой надъ изученіемъ природы", надъ нашимъ любимымъ занятіемъ которое считалъ самымъ святымъ и высокимъ дѣломъ въ своей жизни, что тотчасъ же всталъ и гордо вышелъ изъ комнаты, не сказавъ ни слова.

 Но общество все же состоялось, хотя и

не подъ этимъ, а подъ моимъ прежнимъ названіемъ.

Я нарочно пишу всѣ эти мелочи, относящіяся, повидимому, еще къ третьему или даже второму классу гимназіи. Именно здѣсь находятся первые проблески всѣхъ тѣхъ идеальныхъ стремленій, которыя впослѣдствіи привели меня въ Шлиссельбургскую Крѣпость. Достаточно было въ это время кому-нибудь насмѣшливо отнестись къ нашимъ занятіямъ естественными науками, или, еще хуже, къ самимъ этимъ наукамъ, и я уже не могъ ни забыть, ни простить тому человѣку, какъ вѣрующій не прощаетъ насмѣшки надъ своимъ божествомъ, или влюбленный —надъ предметомъ своей любви. Но за то всякое недовѣріе къ моимъ личнымъ качествамъ или способностямъ не возбуждало во мнѣ ничего, кромѣ огорченія. Я самъ еще не могъ опредѣлить, несмотря на ежегодныя награды, получаемыя мною въ гимназіи, что̀ я такое? Способный человѣкъ или еще не разгаданный никѣмъ идіотъ?—Иногда, когда мнѣ удавалось одолѣть въ наукахъ что-нибудь особенно трудное, мнѣ казалось:

— Да! у меня есть способности! Я могу принести пользу наукѣ!

И я радовался. А въ другое время, когда я натыкался на неразрѣшимые вопросы, мнѣ казалось, что я совсѣмъ идіотъ.

Разъ, кажется, въ четвертомъ классѣ, я познакомился съ однимъ студентомъ, исчезнувшимъ потомъ съ моего горизонта, неизвѣстно куда. Зайдя къ нему, я съ восторгомъ увидѣлъ у него значительную библіотеку по естественнымъ наукамъ. Я попросилъ у него физіологію Фохта, продержалъ дней восемь, прочелъ всю, сдѣлалъ нѣсколько выписокъ, перерисовалъ съ десятокъ рисунковъ, а затѣмъ прибѣжалъ къ нему возвратить и взять другую книгу. Онъ угостилъ меня кофе и началъ разговоръ съ похвалъ книгѣ, очевидно, не довѣряя, что я ее прочелъ. Я это отлично видѣлъ, и такъ какъ не былъ увѣренъ, что все помню, что въ ней было, то очень трусилъ, какъ бы не осрамиться въ разговорѣ съ нимъ.

Однако, студентъ ограничился лишь общими мѣстами, хотя все-таки успѣлъ повернуть дѣло такъ, что я цѣлую недѣлю ходилъ унылый, считая себя безнадеж-

нымъ глупцомъ, а его и всѣхъ ему подобныхъ — геніями.

— Для того, чтобы извлечь полную пользу изъ чтенія такихъ книгъ, нужно умѣть обобщать прочитанное, — сказалъ онъ.—Скажите, когда вы читали, напримѣръ, о пищевареніи и питательныхъ веществахъ, приходило вамъ что-нибудь въ голову объ ирландскомъ народѣ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я съ отчаяніемъ въ душѣ, но спокойнымъ тономъ.—Ничего не приходило.

— Я такъ и думалъ!—покровительственно улыбаясь, сказалъ онъ. — А между тѣмъ, тутъ прямое соотношеніе! Вспомните только, что въ картофелѣ большая часть — малопитательный крахмалъ, а въ Ирландіи питаются, главнымъ образомъ, картофелемъ, и вы придете къ выводу, что ирландскій народъ долженъ вырождаться...

Уходя отъ него, я былъ въ такомъ отчаяніи за необыкновенную узкость своего ума, что даже теперь мнѣ жалко себя вспомнить въ тѣ дни. Почему я такой несчастный, узкоголовый, безъ всякихъ самостоятельныхъ идей! Вотъ они, настоящіе люди! Онъ читаетъ о картофелѣ въ физіо-

логіи Фохта, а его умъ носится въ это время по всѣмъ областямъ знанія и вдругъ направляется — куда бы вы думали? — въ Ирландію! и тотчасъ опредѣляетъ будущія судьбы ирландскаго народа! Никогда я не выработаю себѣ такой широты мысли... Но въ такомъ случаѣ стоитъ ли мнѣ заниматься науками? Не лучше ли просто умереть, чѣмъ жить такимъ идіотомъ?!..

Съ начала пятаго класса гимназіи (въ которомъ я былъ оставленъ на второй годъ ненавидѣвшимъ меня за свободомысліе учителемъ латинскаго языка, несмотря на то, что я считался лучшимъ знатокомъ этого предмета, и всѣ товарищи обращались ко мнѣ за разъясненіями темныхъ мѣстъ) мое воспоминаніе рисуетъ наше „Общество Естествоиспытателей" развившимся и окрѣпшимъ, а насъ самихъ—уже почти взрослыми юношами.

Изъ первоначальныхъ основателей остался въ это время только я, а остальные члены постепенно обновлялись, и вновь вступившіе уже ничего не знали о прежнемъ уставѣ.

Вся формальная сторона совершенно исчезла, но цѣли и стремленія этого дру-

жескаго кружка остались тѣ же самыя. Свобода, равенство и братство и ихъ осуществленіе въ жизни путемъ реорганизаціи общественнаго строя, думали мы, важны и необходимы только съ точки зрѣнія справедливости, но они не принесутъ человѣчеству, взятому цѣликомъ, никакихъ матеріальныхъ выгодъ. Это то же, что привести въ новый порядокъ перепутанную мебель въ своемъ жилищѣ, но, какъ бы мы ее ни перераспредѣляли, отъ того не прибавится ни одного новаго стула, ни одной новой кровати... Только изученіе законовъ природы и обусловливаемая знаніемъ истины власть человѣка надъ ея силами могутъ увеличить общую сумму жизненныхъ благъ, и, снявъ съ человѣчества всю тяжесть физическаго труда, превратить его въ простое развлеченіе, въ одно изъ удовольствій, подобныхъ танцамъ и играмъ, котораго ни кто не захочетъ чуждаться, а наоборотъ, всѣ будутъ къ нему стремиться наперерывъ.

Каждое новое открытіе въ области естествознанія, — проповѣдывалъ я тогда при всякомъ случаѣ, — это то же, что прибавка новой мебели въ жилищѣ и по-

ваго окна для большаго доступа въ него воздуха и свѣта. Вотъ почему работа естествоиспытателя не менѣе важна, чѣмъ и работа революціонера или реформатора... Въ такомъ именно смыслѣ я сдѣлалъ даже спеціальный докладъ на одномъ изъ собраній нашего кружка, и всѣ товарищи согласились съ моей формулировкой.

Труженики науки рисовались въ моемъ воображеніи такими же героями, какъ и борцы за свободу. Передъ тѣми и другими я готовъ былъ сейчасъ же стать на колѣни, взамѣнъ отвергнутыхъ христіанскихъ святыхъ ранняго дѣтства.

До сихъ поръ помню, какъ будто это случилось только вчера, свой неописуемый восторгъ и умиленіе, когда одинъ изъ такихъ героевъ (извѣстный популяризаторъ и педагогъ того времени, Ѳедоръ Ѳедоровичъ Резенеръ) подарилъ мнѣ на память только-что переведенную имъ книгу: „Микроскопическій міръ“ Густава Эгера, и я прочелъ на первой страницѣ надпись, сдѣланную спеціально для меня: „на память отъ переводчика“.

У меня буквально закружилась голова отъ восторга:

— *Мнѣ отъ переводчика!!!* Можетъ ли быть что-нибудь на свѣтѣ выше такого счастья!

Но мой восторгъ достигъ своей кульминаціонной точки, когда я прочелъ первыя строки этой книги, гдѣ возвеличивается званіе натуралиста и говорится, между прочимъ, что въ скромномъ человѣкѣ, собирающемъ растенія съ котомкой за плечами или уединенно наблюдающемъ звѣзды въ обсерваторіи, скрывается побѣдитель міра!

Все это такъ соотвѣтствовало моему собственному настроенію, что начало книги Эгера до сихъ поръ осталось въ моей памяти, какъ заученное стихотвореніе.

Въ это время я жилъ въ зданіи московскаго вокзала Рязанской желѣзной дороги съ товарищемъ по гимназіи и по обществу, Печковскимъ, братъ котораго былъ инженеромъ на этой самой дорогѣ. Перешелъ я къ нему самовольно, не спросясь отца, который, впрочемъ, уже предоставлялъ мнѣ тогда извѣстную долю самостоятельности въ выборѣ жилища, съ тѣмъ единственнымъ условіемъ, чтобы окружающіе меня люди не были дурного тона, т.-е. очень бѣдные и грубые.

Какъ разъ тогда отецъ рѣшилъ пріобрѣсти домъ или два въ Петербургѣ, и, по окончаніи гимназіи, мнѣ предназначалось поступить въ Петербугскій Университетъ.

Съ Печковскимъ,—очень добрымъ и даровитымъ юношей, увлекавшимся, главнымъ образомъ, физикой и относившимся ко мнѣ, благодаря тому, что былъ на два года моложе меня, какъ къ авторитету по естественно-научнымъ вопросамъ,—я занималъ въ зданіи вокзала отдѣльное помѣщеніе въ три комнаты, съ особымъ выходомъ, исключительно для насъ двоихъ. Съ квартирой его женатаго брата эта часть соединялась только посредствомъ перегороженнаго дверью коридора и комнатъ для прислуги, состоявшей изъ нѣсколькихъ человѣкъ. Въ нашемъ распоряженіи былъ лакей, который чистилъ намъ сапоги и платье и носилъ обѣдъ, завтракъ и чай, на заграничный манеръ, т.-е. совершенно особо отъ брата инженера и его жены, благодаря чему и мы, и они, могли свободно принимать кого угодно, не стѣсняя другъ друга.

Общіе обѣды были лишь по торжественнымъ днямъ.

80· Лакею за услуги я приплачивалъ три

рубля въ мѣсяцъ, а сколько платилъ самому инженеру за содержаніе—теперь не помню. Помню лишь одно, что онъ не хотѣлъ брать съ меня трехсотъ рублей за зиму, какъ я раньше платилъ Верморелямъ, на томъ основаніи, что издержки на мое продовольствіе, по счетамъ его жены, не достигали этой суммы, а онъ не желалъ имѣть спеціальнаго дохода отъ моего пребыванія, которое доставляло удовольствіе его брату. Отъ этого къ моимъ карманнымъ деньгамъ прибавлялась еще нѣкоторая сумма, и я цѣликомъ употреблялъ ее на покупку естественно-научныхъ книгъ.

Конецъ этого періода моей жизни, продолжавшагося вплоть до знакомства съ „радикалами", какъ называли себя тогдашніе революціонеры, въ отличіе отъ мирныхъ либераловъ, былъ ознаменованъ наиболѣе кипучей умственной дѣятельностью, и все мое жилище скоро приняло самый ученый видъ. Стѣна надъ кроватью въ моей комнатѣ была уставлена сотнями двумя естественно-научныхъ книгъ, часть которыхъ были очень рѣдкія изданія. Стѣна напротивъ — вся увѣшана витринами съ коллекціями собранныхъ мною насѣкомыхъ.

Этажерка въ углу была наполнена связками гербаріевъ, тетрадями съ выписками и замѣтками по естествознанію и цѣлой кипой сдѣланныхъ мною рисунковъ, большею частью переснятыхъ изъ книгъ. Въ другомъ углу комнаты стояло другъ на другѣ съ десятокъ очень большихъ плоскихъ ящиковъ. Половина изъ нихъ содержала палеонтологическія коллекціи, частью собранныя мною въ окрестностяхъ родного имѣнія и подъ Москвой, а частью составленныя изъ вымѣненныхъ въ Московскомъ Университетѣ окаменѣлостей.

Въ университетъ я началъ постоянно бѣгать еще съ 1871 года, накидывая на себя пледъ и надѣвая кожаную фуражку, по обычаю тогдашнихъ студентовъ, не имѣвшихъ еще формы. Другая часть моихъ ящиковъ была наполнена большимъ количествомъ раковинъ. На окнѣ стоялъ микроскопъ, нѣсколько лупъ и рядъ склянокъ съ настоями для инфузорій.

Самъ я въ это время мечталъ только объ одномъ—быть профессоромъ университета или великимъ путешественникомъ.

Послѣдняя профессія, по моимъ соображеніямъ, не требовала такихъ необычныхъ

умственныхъ способностей, какъ первая, и могла мнѣ пригодиться, думалъ я, на тотъ случай, если я окажусь лишеннымъ научнаго творчества и умственной инииціативы, а потому негоднымъ въ профессора или ученые. Въ ожиданіи же этого будущаго счастья, я весь отдавался своимъ наукамъ, предоставивъ гимназической латыни и остальной классической схоластикѣ (которую я теперь возненавидѣлъ изъ-за вышеупомянутаго добровольнаго шпіона-латиниста) какъ можно меньше времени,—лишь бы не получать дурныхъ отмѣтокъ.

Конечно, находилось время и для чтенія романовъ, до которыхъ я былъ и теперь большой охотникъ, но это служило всегда какъ бы отдыхомъ.

Каждую субботу происходило очередное засѣданіе нашего общества, естество-испытателей въ которомъ насчитывалось пятнадцать или двадцать членовъ. Это происходило очень торжественно. Въ одной изъ нашихъ комнатъ раскрывался длинный столъ, вокругъ котораго чинно устанавливался рядъ мягкихъ стульевъ. На столѣ въ большихъ подсвѣчникахъ зажигались двѣ стеариновыхъ свѣчи, а четыре другихъ

свѣчки разставлялись по угламъ комнаты. Передъ столомъ выдвигалась настоящая, какъ во всѣхъ аудиторіяхъ, черная доска для писанія мѣломъ чертежей и формулъ. На столѣ же находились чернильницы, карандаши и листы бумаги для замѣтокъ; и все это отражалось въ огромномъ зеркалѣ, занимавшемъ противоположную стѣну комнаты.

Понятно, что при такой обстановкѣ мы, члены, должны были вести себя въ высшей степени серьезно. Каждый разъ, когда я замѣчалъ, что кто-нибудь сойдетъ во время засѣданія съ своего мѣста и развалится на диванѣ, я приходилъ въ самое сильное огорченіе, видя въ этомъ признакъ несерьезнаго отношенія къ дѣлу. Моя физіономія принимала тогда настолько укоризненное выраженіе, что неглижирующій членъ обыкновенно чувствовалъ упрекъ безъ словъ и возвращался на мѣсто.

Доклады обыкновенно происходили въ видѣ чтенія заранѣе приготовленныхъ статей, которыя нерѣдко демонстрировались коллекціями и, въ общемъ, представляли недурныя популяризаціи. При окончаніи
 каждаго засѣданія подимался вопросъ о

чтеніяхъ на слѣдующій разъ, и безъ нѣсколькихъ докладовъ не проходило ни одного засѣданія. Въ концѣ же каждаго засѣданія являлся нашъ лакей съ подносомъ, уставленнымъ стаканами съ чаемъ и булками, и вечеръ оканчивался дружеской болтовней, длившейся иногда за полночь.

Изъ своихъ собственныхъ лекцій я припоминаю, между прочимъ, одну, которая произвела большой фуроръ. Въ ней, исходя изъ гипотезы Лапласа, я доказывалъ, что, если количество атомовъ въ каждой звѣздной системѣ ограничено, то должно быть ограничено и число ихъ комбинацій въ пространствѣ. Но всякій звѣздный міръ, съ механической точки зрѣнія, сводится къ комбинаціямъ атомовъ, и вся его дальнѣйшая жизнь, до послѣднихъ мелочей, опредѣляется этими комбинаціями. Изъ одинаковаго развивается одинаковое, а въ такомъ случаѣ исторія одной міровой системы должна въ точности повторяться въ безчисленномъ количествѣ другихъ системъ, прошлыхъ, настоящихъ и будущихъ, такъ что въ безконечности времени міры должны смѣняться мірами, какъ волны въ океанѣ. Такимъ образомъ, черезъ то или другое

число квадрильоновъ лѣтъ послѣ нашей смерти, закончилъ я свою рѣчь, мы можемъ вновь оказаться сидящими въ этой самой комнатѣ и обсуждающими эти самые вопросы, не подозрѣвая того, что мы уже здѣсь были и обсуждали все это, какъ мы ничего не подозрѣваемъ и теперь о томъ, что было съ нами до рожденія, -все въ жизни природы должно совершаться періодически...

Когда наступала весна или когда мы съѣзжались въ гимназію осенью, почти каждый праздничный день былъ посвящаемъ у насъ экскурсіямъ въ окрестности Москвы, главнымъ образомъ, съ палеонтологическими цѣлями. Геологію,—особенно юрской и каменноугольной эпохъ,—я зналъ тогда несравненно лучше, чѣмъ теперь. Больше всего ѣздилъ я съ однимъ изъ моихъ товарищей — Шанделье (классомъ моложе меня) и добылъ съ нимъ десятка два очень цѣнныхъ окаменѣлостей, которыя, вѣроятно, и до сихъ поръ хранятся въ московскомъ университетскомъ музеѣ.

Особенный фуроръ произвели тамъ среди геологовъ челюсти ящура Polyptychodon interruptus, которыя мы первые нашли въ

Юрской системѣ, между тѣмъ какъ до тѣхъ поръ его считали характернымъ для послѣдующей, мѣловой. За него намъ предоставили выбирать въ геологическомъ кабинетѣ любыя окаменѣлости для пополненія своихъ коллекцій изъ имѣющихся тамъ дубликатовъ.

Камень съ челюстями тотчасъ же былъ тщательно перерисованъ на полулистѣ и помѣщенъ, кажется, въ университетскихъ извѣстіяхъ вмѣстѣ съ краткимъ описаніемъ находки и съ именами нашедшихъ. Ректоръ университета, геологъ Щуровскій, сейчасъ же поскакалъ въ своей коляскѣ вмѣстѣ съ Шанделье, который одинъ оказался налицо въ университетѣ, на мѣсто нахожденія, но ничего не нашелъ новаго. Да и трудно было найти, такъ какъ мы сами обыскали уже все это мѣсто несравненно тщательнѣе его.

Мы лазили и карабкались при всѣхъ нашихъ изысканіяхъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, какъ кошки, по огромнымъ береговымъ обрывамъ Москвы-рѣки, падали внизъ, расцарапывали въ кровь руки, разрывали платье и доводили себя часто до такой степени изнеможенія и усталости, что ва-

лились на землю, гдѣ попало, не будучи въ силахъ пройти и десяти шаговъ. Благодаря этому, мы и находили всегда больше интереснаго, чѣмъ пожилые, солидные люди, дорожащіе своими членами и сюртуками.

Въ обоихъ музеяхъ, геологическомъ и зоологическомъ, мы скоро стали своими людьми, и я каждую недѣлю аккуратно занимался тамъ по вечерамъ часа по четыре и болѣе. Особенно подружились мы съ хранителемъ перваго—профессоромъ Мелашевичемъ. Онъ былъ чахоточный и, вѣрно, давно уже умеръ. Но тогда это былъ замѣчательно простой и симпатичный человѣкъ. По временамъ я бѣгалъ также заниматься со знакомыми медиками въ анатомическій театръ и, желая изобразить изъ себя завзятаго „анатома“, тамъ же и ужиналъ хлѣбомъ съ колбасой, которую разрѣзывалъ своимъ скальпелемъ, впрочемъ, тщательно вытирая его передъ этимъ.

На лекціи мнѣ тоже ужасно хотѣлось ходить, но, такъ какъ онѣ совпадали съ урочнымъ временемъ въ гимназіи, то мнѣ пришлось побывать на нихъ лишь нѣсколько разъ за все время гимназической
 жизни.

Моему обычному товарищу по геологическимъ экскурсіямъ, Шанделье, судьба, казалось, всегда готовила какія-нибудь приключенія. Разъ, въ концѣ августа, подъ селомъ Троицкимъ, онъ чуть не утонулъ на моихъ глазахъ въ Москвѣ-рѣкѣ, гдѣ мы захотѣли выкупаться отъ жары. Ниже насъ по теченію почти весь фарватеръ былъ занятъ огромными плотами изъ бревенъ, которыя гнали въ Москву, но почему-то оставили на якоряхъ въ этомъ мѣстѣ. Они, казалось, были довольно далеко, и потому Шанделье, не обратилъ на нихъ вниманія. Онъ вздумалъ мнѣ показывать, какъ хорошо плаваетъ, и поплылъ на спинѣ внизъ по теченію, не догадываясь, что рѣка и безъ того несетъ его прямо на плоты. Я началъ ему кричать:

— Шанделье, утонешь, утонешь!

А у него уши въ водѣ—ничего не слышитъ. Я попробовалъ бѣжать къ нему, но бѣжать въ водѣ оказалось совсѣмъ невозможно. Я бросился на берегъ, но едва лишь выскочилъ, какъ увидѣлъ съ ужасомъ, что Шанделье уже ударился головой о бревно, и теченіе тотчасъ же подвернуло его прямо подъ плоты. Я бѣжалъ къ нему

изо всѣхъ силъ, но мнѣ казалось, что все теперь кончено. Однако, не прошло и секунды, какъ, къ моему невыразимому облегченію, изъ воды показались его руки и схватились за край бревна. Вслѣдъ за руками вынырнула и голова, и раньше, чѣмъ я успѣлъ добѣжать до него, Шанделье уже сидѣлъ на плоту, схвативши́сь обѣими руками за голову.

— Въ первую минуту мнѣ показалось,— сказалъ онъ,—что это ты швырнулъ мнѣ камнемъ въ голову.

На этотъ разъ, однако, дѣло окончилось только огромной шишкой на темени.

Второй разъ было хуже.

Подъ впечатлѣніемъ похвалъ со стороны Мелашевича и Щуровскаго по поводу обилія нашихъ палеонтологическихъ находокъ, а также и собственнаго увлеченія, мы дошли, наконецъ, до того, что даже въ зимніе праздники уѣзжали изъ Москвы въ окрестныя каменоломни и выдалбливали тамъ окаменѣлости изъ непокрытыхъ снѣгомъ обрывовъ и изъ большихъ глыбъ, оторванныхъ камнетесами, или прямо разрывали снѣгъ.

 Въ одну изъ такихъ поѣздокъ высади-

чись мы вечеромъ на полустанкѣ Рязанской желѣзной дороги въ сорока верстахъ отъ Москвы, чтобы поѣхать въ славящееся своими каменоломнями село Мячиково, верстъ за десять отъ этого мѣста Но едва мы успѣли отойти въ полутьмѣ сотни двѣ шаговъ отъ полустанка, направляясь параллельно полотну въ сосѣднюю деревню, къ возившему насъ уже нѣсколько разъ крестьянину, какъ сзади раздался громкій свистъ локомотива, а вслѣдъ за нимъ отчаянный крикъ:

— Берегись, берегись!

Я шелъ сзади, въ десяти шагахъ отъ Шанделье, и только-что успѣлъ обернуться назадъ, какъ вижу прямо на меня мчится во весь духъ тройка перепуганныхъ лошадей, запряженныхъ въ большія сани. Все, что я успѣлъ сдѣлать, это крикнуть:

— Шанделье!

Затѣмъ я подпрыгнулъ и, схватившись обѣими руками за верхъ сосѣдняго забора, поджалъ свои ноги, чтобы ихъ не обломало санями, отводы которыхъ какъ разъ скребли по этому самому забору. Въ то же мгновеніе и лошади, и сани промчались подо мной, и я, вися въ высотѣ, съ ужасомъ увидѣлъ, какъ мой товарищъ бро-

сился прямо впередъ, но тутъ же былъ сбитъ съ ногъ лошадьми, подмятъ подъ ихъ ноги и выброшенъ кувыркомъ изъ-подъ саней на нѣсколько шаговъ въ сторону отъ дороги...

Я думалъ, что онъ убитъ, бросился къ нему и поднялъ его съ земли. Шанделье, не обнаруживалъ никакихъ признаковъ жизни, и всѣ члены его висѣли, какъ плети. Его тѣло выскальзывало у меня изъ рукъ, и я почти не въ силахъ былъ нести его.

Въ полутьмѣ показался въ сторонѣ мужикъ, и я закричалъ ему:

— Помогите! Сейчасъ задавили человѣка!

Но онъ, услыхавъ эти слова, бросился бѣжать со всѣхъ ногъ и тотчасъ же скрылся въ темнотѣ, оставивъ меня одного съ моей ношей. Напрягая всѣ свои силы и останавливаясь послѣ каждыхъ десяти шаговъ, я тащилъ, какъ могъ, Шанделье на станцію и, только подходя къ ней, почувствовалъ, что онъ шевелится у меня на рукахъ и хватается со стономъ за голову, еще не понимая, что съ нимъ.

Но мало-по-малу къ Шанделье возвра-

тилось сознаніе, и онъ, шатаясь, попробовалъ съ моей помощью войти на станцію.

Оказалось, что, благодаря большой мягкости снѣга, онъ, по словамъ вызваннаго для насъ начальникомъ станціи мѣстнаго фельдшера, не получилъ никакихъ переломовъ. Лошади перескочили черезъ него, и только одна сильно ударила его при этомъ копытомъ по головѣ, почему онъ и лишился чувствъ. Кромѣ нѣсколькихъ другихъ слабыхъ ушибовъ, онъ получилъ лишь сильный ударъ по бедру толкнувшимъ его передкомъ саней.

Послѣднее мое впечатлѣніе,—разсказывалъ Шанделье,—было воспоминаніе изъ одного романа Диккенса о томъ, какъ поѣздъ налетѣлъ и расшвырялъ по кускамъ какого-то очень сквернаго человѣка. Мнѣ вдругъ показалось, что я и есть этотъ самый человѣкъ, а затѣмъ все для меня потемнѣло и исчезло.

Мы стали обсуждать, какъ теперь намъ быть.

Полустанокъ былъ совсѣмъ холодный. Ближайшій поѣздъ въ Москву долженъ былъ пройти только на слѣдующее утро, а болѣе всего удручало насъ сознаніе не-

удавшейся экскурсіи (какъ мы называли всѣ наши поѣздки съ научными цѣлями). Это послѣднее чувство такъ преобладало у насъ обоихъ надъ всѣмъ остальнымъ, что едва Шанделье почувствовалъ, что его кости цѣлы, и онъ еще можетъ кое-какъ двигаться, хотя бы и съ посторонней поддержкой, онъ сейчасъ же самъ предложилъ мнѣ не отказываться изъ-за этого случая отъ начатой экскурсіи, тѣмъ болѣе, что впереди представлялось два или три праздничныхъ дня,—событіе, которое встрѣчается не каждый мѣсяцъ.

— Сдѣлаемъ такъ, сказалъ онъ.—Поѣдемъ оба въ Мячиково. На саняхъ и сѣнѣ мнѣ не будетъ больнѣе, чѣмъ на постели, а затѣмъ я лягу у Ивановыхъ (нашихъ знакомыхъ крестьянъ), а ты будешь въ это время искать окаменѣлости, и все, что найдешь, мы раздѣлимъ пополамъ.

Это меня чрезвычайно растрогало, такъ какъ вполнѣ соотвѣтствовало тому параграфу нашего первоначальнаго устава, по которому каждый изъ насъ долженъ заниматься естественными науками, „не щадя своей жизни". Правда, что такихъ краснорѣчивыхъ параграфовъ уже давно не су-

ществовало въ нашемъ позднѣйшемъ обиходѣ, но чувство, вызвавшее эту фразу лѣтъ пять тому назадъ, когда мы были еще дѣтьми, осталось и теперь въ полной силѣ.

Сказано—сдѣлано. Я побѣжалъ къ нашему обычному возницѣ, наложилъ обильно въ сани сѣна, и мы тотчасъ понеслись въ полумракѣ зимней ночи по назначенію.

Однако, дѣло оказалось совсѣмъ не такимъ легкимъ. Чуть не съ каждой минутой опухоль на ногѣ и затылкѣ Шанделье вздувалась все болѣе и болѣе, а страданія становились сильнѣе. При каждомъ раскатѣ и сугробѣ у несчастнаго начали вырываться стоны, и, когда я довезъ его до Мячкова, онъ уже снова находился въ полубезчувственномъ состояніи. Снова вызвали мѣстнаго фельдшера и наложили компрессы на обѣ главныя опухоли. На затылкѣ скоро выросла шишка величиной съ кулакъ, а нога раздулась сплошь, какъ бревно— страшно было смотрѣть.

Вся ночь и слѣдующій день прошли въ стонахъ и ежеминутныхъ просьбахъ повернуть его на кучѣ сѣна на другой бокъ. Только на третій день боль стала уменьшаться, и мнѣ удалось пойти съ молоткомъ

и долотомъ въ ближайшія каменоломни и кое-что добыть для обоихъ, а затѣмъ я перевезъ его обратно на мою квартиру, которая находилась, къ счастью, какъ разъ на вокзалѣ этой самой желѣзной дороги.

Здѣсь онъ пролежалъ еще дней десять, прежде чѣмъ получилъ возможность переѣхать домой, а для успокоенія родителей послалъ имъ записку, говоря, что поскользнулся у меня на лѣстницѣ и слегка вывихнулъ ногу. Мать пріѣхала его навѣстить, но такъ ничего и не узнала о дѣйствительныхъ причинахъ болѣзни, пока онъ совсѣмъ не выздоровѣлъ.

Я не буду описывать подробно всѣхъ этихъ экскурсій и приключеній. Намъ часто приходилось ночевать на сѣновалахъ, мокнуть подъ дождемъ и подъ грозою и даже подвергаться серьезной опасности сломать себѣ шею. Масса отдѣльныхъ эпизодовъ ничего не прибавила бы къ моему разсказу, кромѣ пестроты. Достаточно сказать, что за послѣдніе два года моей гимназической жизни не проходило почти ни одного праздника, разсвѣтъ котораго не заставалъ бы меня въ окрестностяхъ Москвы, нерѣдко верстъ за сорокъ отъ нея, съ тѣмъ или

другимъ товарищемъ, судя по роду экскурсіи, такъ какъ я интересовался и собиралъ коллекціи не по одной палеонтологіи, но и по другимъ наукамъ, между тѣмъ какъ остальные члены были болѣе односторонни. Могу только сказать, что никогда въ другое время моя жизнь не была полна такой кипучей дѣятельности и оживленія, какъ въ этотъ періодъ, когда мнѣ было около восемнадцати лѣтъ.

Хотя я и бѣгалъ еженедѣльно разъ или два на нѣсколько часовъ въ московскій университетъ, но съ тогдашними революціонерами совершенно не былъ знакомъ и даже не подозрѣвалъ, что нѣчто подобное существуетъ въ университетѣ. Только въ началѣ семьдесятъ четвертаго года мнѣ впервые пришлось столкнуться съ ними совершенно неожиданнымъ образомъ, благодаря тому же „Обществу естествоиспытателей", постепенно пріобрѣтавшему, подъ вліяніемъ отравлявшаго нашу жизнь классическаго мракобѣсія, все болѣе и болѣе революціонный характеръ.

Какъ случилось это послѣдовательное революціонизированіе, я не могъ бы разсказать. Все было такъ постепенно и неза-

мѣтно, и такъ вели къ этому всѣ условія русской жизни... Когда я впервые прочелъ Писарева и Добролюбова, мнѣ казалось, что они выражаютъ лишь мои собственныя мысли.

Прежде всего нужно сказать, что, не довольствуясь нашими субботними засѣданіями, мы рѣшили завести рукописный журналъ, въ которомъ помѣщались наши естественно-научныя работы и рефераты, а также лирическія стихотворенія, которыя писалъ одинъ изъ насъ —Гимелинъ—и статьи по политическимъ и общественнымъ вопросамъ, всегда радикальнаго направленія. Ихъ писалъ исключительно я, да еще одинъ молодой человѣкъ, Михайловъ, сынъ зажиточнаго пробочнаго торговца, разошедшійся со своимъ отцомъ изъ-за чтенія радикальныхъ журналовъ. Познакомился я съ нимъ совершенно случайно, когда ѣхалъ послѣ экзаменовъ въ Петербургъ, вызванный отцомъ для того, чтобы развлечься и побывать съ нимъ въ концертахъ и въ театрахъ, а также осмотрѣть различныя художественныя галлереи, выставки, Зимній дворецъ, Петергофъ и другія петербургскія достопримѣчательности.

При первомъ знакомствѣ съ Михайловымъ меня нѣсколько покоробила аффектированность его манеръ и страсть вставлять въ разговоръ латинскія выраженія въ родѣ „qui pro quo", которое онъ произносилъ притомъ же не такъ, какъ вездѣ учатъ, а на французскій манеръ „ki pro ko", чѣмъ сразу обнаруживалъ, что такія фразы онъ вставлялъ претенціозно. Потомъ я понялъ, что это объяснялось обстоятельствами его воспитанія. Я догадался, что онъ получилъ лишь начальное образованіе, вѣроятно, въ городскомъ училищѣ, но, какъ недюжинный человѣкъ, старался, наперекоръ старомодной семьѣ, достигнуть болѣе высокаго умственнаго развитія путемъ усерднаго чтенія.

Въ этомъ отношеніи онъ, безспорно, добился очень многаго и перечиталъ всѣ передовые журналы шестидесятыхъ годовъ. Но ложный стыдъ, что у него нѣтъ никакихъ оффиціальныхъ дипломовъ, заставлялъ его прибѣгать именно къ этому неестественному языку, чтобы показать, что онъ человѣкъ образованный. А на дѣлѣ это только портило первое впечатлѣніе при знакомствѣ съ нимъ до такой степени, что я не

рѣшился даже представить его моимъ товарищамъ со всѣми его „кресчендо“, „ultimo ratio“, „tant pis pour eux“ (при чемъ tant съ неумѣреннымъ носовымъ звукомъ и вся фраза съ замѣтнымъ напряженіемъ въ голосѣ). Я держалъ знакомство съ нимъ про себя, пользуясь его прекрасной библіотекой, гдѣ собраны были всѣ лучшіе русскіе журналы, и получая отъ него для своего сборника статейки политико-беллетристическаго содержанія и стихотворенія. Большинство изъ нихъ были недурны, хотя и страдали недостатками литературной отдѣлки.

Кромѣ того, Михайловъ занимался пропагандой среди рабочихъ, преподавая имъ, вмѣстѣ съ общественными науками, основы географіи, исторіи и даже математики. Когда я потомъ встрѣтился у него съ однимъ изъ такихъ рабочихъ, то пришелъ въ неописанный восторгъ, слыша, какъ простой фабричный очень правильно толкуетъ о современныхъ политическихъ и экономическихъ вопросахъ. Однако, эта пропаганда была совершенно одиночна, и внѣ всякой связи съ остальнымъ движеніемъ 70-хъ годовъ, такъ какъ самъ Михайловъ желалъ

оставаться въ сторонѣ. Потомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, онъ совсѣмъ разочаровался въ своей дѣятельности и, женившись по смерти отца, обратился въ простого семейнаго человѣка въ обломовскомъ родѣ.

Рабочіе же его, получивъ образованіе, превратились, какъ онъ говорилъ мнѣ потомъ, въ простыхъ лавочниковъ въ своихъ деревняхъ.

Меня лично его дѣятельность, какъ я уже сказалъ, поразила и привела въ восторгъ. Однако, она не вызвала во мнѣ никакого стремленія къ подражанію. Я былъ слишкомъ романтиченъ, и эти занятія азбукой, географіей и ариѳметикой со взрослыми рабочими казались мнѣ слишкомъ мелкимъ и прозаичнымъ дѣломъ въ сравненіи съ дѣятельностью профессора, передъ которымъ находится аудиторія несравненно болѣе подготовленныхъ умовъ и болѣе пылкихъ къ наукѣ сердецъ. При томъ же и идеи, которыя можно было проповѣдывать въ высшемъ учебномъ заведеніи, казались мнѣ болѣе широкими и глубокими. Что же касается утвержденія, будто начальное образованіе, даваемое простому народу, полезнѣе въ общественномъ смыслѣ, чѣмъ сред-

нее и высшее, то я объ этомъ еще ничего не слыхалъ въ то время, да едва ли и согласился бы съ этимъ.

Ко всѣмъ безграмотнымъ и полуграмотнымъ людямъ я относился въ то время совершенно отрицательно. „Сѣрая народная масса“ представлялась мнѣ вѣчной опорой деспотизма, объ инертность которой разбивались всѣ величайшія усилія человѣческой мысли, и которая всегда топтала ногами и предавала на гибель своихъ истинныхъ друзей. Если-бъ меня спросили въ то время, въ комъ я думаю найти самаго страшнаго врага идеаловъ свободы, равенства, братства и безконечнаго умственнаго и нравственнаго совершенствованія человѣка, то я, не задумываясь, отвѣтилъ бы: „въ русскомъ крестьянствѣ“, понимая подъ этимъ именемъ только тогдашнее крестьянство семидесятыхъ годовъ, такъ какъ я привыкъ мечтать о будущихъ поколѣніяхъ человѣчества, какъ стоящихъ на еще большей степени умственнаго и нравственнаго развитія, чѣмъ самые образованные люди современности, и всю массу будущаго народа представлялъ себѣ ничѣмъ

не отличающейся отъ интеллигентныхъ людей.

Я помню, какъ однажды стоялъ я со своимъ семействомъ въ нашей приходской церкви во время какого-то праздника. Прислонившись плечомъ къ стѣнѣ, я наблюдалъ окружающую публику и не молился. Одна крошечная старушка въ черномъ платьѣ и платкѣ посмотрѣла на меня, какъ мнѣ показалось, съ укоризной.

— Что думаетъ обо мнѣ эта добрая, усердная старушка? -пришло мнѣ въ голову. Что она сказала бы, если бы узнала всѣ мысли, которыя меня мучатъ, всѣ мои сомнѣнія и колебанія—вѣрить или не вѣрить, гдѣ правда и гдѣ ложь, и справедливо ли все то, что существуетъ кругомъ?

— Она, отвѣтилъ я самъ себѣ, сочла бы за грѣхъ даже слушать все это и строго осудила бы меня. И также строго осудили бы меня и всѣ окружающіе мужички и всѣ другіе, стоящіе теперь по церквамъ во всей Россіи, и почти никто изъ нихъ не понялъ бы моихъ чувствъ, мыслей и желаній, какъ не поняла бы несчастная

 кляча на улицѣ, по какимъ мотивамъ за-

щищаютъ ее отъ побоевъ члены общества покровительства животныхъ. Только съ народомъ, пришло мнѣ въ голову, было бы несравненно хуже: кляча не оказала бы своимъ защитникамъ никакого сопротивленія, а эти несчастные, навѣрно, приписали бы имъ какіе-нибудь своекорыстные мотивы и постарались бы нарочно испортить имъ все дѣло.

Всѣ эти мысли у церковной стѣны и образъ самой старушки, которая ихъ вызвала, почему-то очень ярко сохранились у меня въ памяти, и я привожу ихъ теперь исключительно для того, чтобы показать, что не приписываю себѣ безсознательно въ настоящее время такихъ взглядовъ и чувствъ, какихъ у меня не было въ то время. Я даже задалъ себѣ тогда вопросъ:

Очень ли огорчило бы меня такое всеобщее осужденіе?

И, въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, я почувствовалъ, что нисколько не огорчился бы, что мнѣніе всѣхъ неразвитыхъ людей мнѣ было бы совершенно безразлично.

Однако, если бы кто-нибудь подумалъ изъ этихъ признаній, что у меня было

презрѣніе къ „простому народу“, то въ высшей степени ошибся бы. Еще съ четырнадцати или пятнадцати лѣтъ я задавалъ себѣ вопросы о современныхъ общественныхъ условіяхъ и рѣшалъ ихъ вполнѣ опредѣленно.

— Чѣмъ, — думалъ я, — отличается простой мужикъ отъ князя или графа?

— На анатомическомъ столѣ,—отвѣчалъ я мысленно,—лучшій профессоръ не былъ бы въ состояніи отличить одного отъ другого, какъ бы онъ ни разрѣзалъ ихъ мозги или внутренности. Значитъ, все дѣло только въ образованіи и широтѣ взглядовъ, которую доставляетъ образованіе. А само умственное развитіе заключается вовсе не въ дипломахъ, а въ одной наличности этого развитія. Кольцовъ былъ погонщикомъ воловъ, а, между тѣмъ, его стихи больше трогаютъ меня, чѣмъ стихи Пушкина, а знакомство и дружбу съ нимъ я предпочелъ бы дружбѣ съ любымъ княземъ. Значитъ, думалось мнѣ, зачѣмъ же употреблять эти безсмысленныя названія: дворяне, духовенство, крестьяне, рабочіе, мѣщане? Не лучше ли просто раздѣлить всѣхъ на образованныхъ и не-

вѣждъ, и тогда все стало бы сразу ясно, и всякій невѣжда, позанявшись и подучившись немного, сейчасъ же присоединялся бы къ образованному классу...

О „сословныхъ интересахъ“, о „борьбѣ классовъ“, какъ главномъ двигателѣ исторіи, въ то время не было у меня даже и малѣйшаго представленія. Всѣ эти условныя и имущественныя различія я смѣло и рѣшительно относилъ въ область человѣческой глупости и не желалъ даже заниматься ими.

III.

Ко́нецъ гимназической жизни.

Первое знакомство съ революціонерами.

НАСТУПИЛА зима. Начался семьдесятъ четвертый годъ, и съ его началомъ дѣла нашего общества естествоиспытателей блеснули, наконецъ, такимъ ослѣпительнымъ свѣтомъ, что часть членовъ должна была, такъ сказать, зажмурить глаза и объявить, что не можетъ его вынести. Случилось это событіе, повернувшее всю мою жизнь совсѣмъ въ иномъ направленіи, слѣдующимъ образомъ.

Шанделье, который былъ сынъ инженернаго генерала, состоявшаго начальникомъ московской пробирной палаты, вдругъ почувствовалъ въ душѣ нѣкоторую зависть по поводу того, что всѣ засѣданія общества, и при томъ въ такой торжественной обстановкѣ, происходили всегда у меня и Печковскаго. Онъ захотѣлъ имѣть ихъ

также и въ своемъ домѣ. Воспользовавшись предлогомъ прочесть намъ большую лекцію о юрскихъ окаменѣлостяхъ и тѣмъ, что для демонстрированія этихъ предметовъ ему необходимо было имѣть подъ рукой всю его огромную коллекцію, онъ попросилъ своего отца предоставить намъ на субботніе вечера залу для ученыхъ засѣданій, находившуюся въ пробирной палатѣ.

Эта просьба была охотно удовлетворена его отцомъ, уже давно знавшимъ о нашемъ обществѣ.

До сихъ поръ въ этомъ семействѣ бывалъ только я одинъ, и мнѣ часто приходилось ночевать тамъ, когда мы съ Шанделье возвращались, утомленные и измученные, со своихъ экскурсій. Я даже заслужилъ, не знаю чѣмъ, особое благоволеніе его матери, пышной барыни, лѣтъ сорока и самыхъ либеральныхъ взглядовъ. Она называла меня не иначе, какъ monsieur Cold, что по англійски означаетъ холодный, и прожужжала мнѣ уши всевозможной болтовней. Когда мнѣ приходилось оставаться у нихъ обѣдать, она даже начала выбирать меня посредникомъ при

своихъ перекорахъ съ мужемъ и не разъ по моему адресу велись приблизительно такіе разговоры:

— Вотъ, monsieur Cold обращалась она ко мнѣ, кивнувъ головой на своего мужа,—полюбуйтесь на него, какой онъ у меня вертопрахъ! Весь сѣдой, а волочится за горничными!

— Вздоръ, Николай Александровичъ— отвѣчаетъ генералъ. Все это—одна безсмысленная ревность!

— Какъ, ревность? Нѣтъ! Вы послушайте только, monsieur Cold! Иду я вчера по корридору на кухню и можете себѣ представить! застаю его облапившимъ Машу на площадкѣ черной лѣстницы и лѣзущимъ къ ней съ поцѣлуями! Та отбивается отъ него, и, увидавъ меня, вырвалась совсѣмъ и убѣжала!

Можно себѣ представить, каково было мнѣ, восемнадцатилѣтнему юношѣ, при такихъ обращеніяхъ! Куда глядѣть, кромѣ какъ въ свою тарелку, что дѣлать, какъ не пытаться перевести какимъ-нибудь случайнымъ замѣчаніемъ подобный разговоръ на посторонній предметъ?

Но возвращаюсь къ дѣлу.

5

Съ наступленіемъ назначенной субботы, зала для ученыхъ засѣданій была для насъ приготовлена и роскошно освѣщена, а швейцаръ получилъ приказаніе провожать прямо въ нее приходящихъ членовъ нашего общества. Когда я туда явился, часть ихъ уже была въ сборѣ, и Шандельс ходилъ среди нихъ, отъ группы къ группѣ, весь сіяющій. Въ ожиданіи прибытія остальныхъ, я пошелъ въ гостиную, находившуюся черезъ нѣсколько комнатъ отъ этой залы, чтобы поздороваться съ хозяевами и поблагодарить генерала отъ имени членовъ за предоставленіе зала.

Вхожу и вижу, что у нихъ полная комната гостей. Одну ихъ часть—медика четвертаго курса и пожилого кандидата естественныхъ наукъ съ женой—я уже встрѣчалъ здѣсь ранѣе. Изъ остальныхъ три или четыре расфранченныя барыни были мнѣ совершенно незнакомы. Не успѣлъ я подойти, madame Шандельс уже говоритъ мнѣ со своего мѣста:

— Ахъ, monsieur Cold! А мы только что разговаривали о васъ. Нельзя ли намъ присутствовать въ качествѣ публики на засѣданіи вашего общества?

У меня сердце сильно стукнуло въ груди. Переконфузимся, -думаю, мы всѣ, дѣлая свои доклады при этой публикѣ! Какъ бы еще на кого не нашелъ столбнякъ среди рѣчи! Вотъ будетъ срамъ-то! Однако, забравъ себя мысленно въ руки, отвѣтилъ спокойнымъ по внѣшности тономъ:

-- Отчего же нельзя, если это доставитъ вамъ удовольствіе! Даже очень рады!

— Нѣтъ, вы лучше пойдите и спросите всѣхъ: можетъ быть, кто-нибудь не пожелаетъ.

Я пошелъ съ тоской въ душѣ обратно въ „залу для ученыхъ засѣданій", но при первыхъ же словахъ о публичности всѣ члены (мы были въ возрастѣ отъ семнадцати до девятнадцати лѣтъ) пришли въ паническій страхъ. Нѣсколько человѣкъ, приготовившихъ рефераты на этотъ день, отказались наотрѣзъ читать ихъ публично.

— Лучше умереть! говорили они;—или, еще проще, разойтись всѣмъ по домамъ до начала засѣданія!

Съ большимъ трудомъ удалось мнѣ уговорить товарищей не дѣлать скандала уходомъ.

— Реферировать, сказалъ я, будемъ только я и Шанделье, да еще кто-нибудь посмѣлѣе пусть прочтетъ маленькую замѣтку. Всѣ остальные освобождаются на этотъ вечеръ отъ всякихъ дебатовъ.

Уладивъ кое-какъ дѣло, я возвратился въ гостиную и пригласилъ въ залу публику отъ имени всѣхъ. Мы усѣлись на стульяхъ для членовъ, а публика на креслахъ, отведенныхъ для почетныхъ посѣтителей.

Засѣданіе тотчасъ началось длинной лекціей Шанделье, состоявшей изъ обзора множества юрскихъ окаменѣлостей, которыя тутъ же демонстрировались имъ на образчикахъ и описывались во всѣхъ подробностяхъ. Изложеніе пестрило латинскими названіями и потому страдало, какъ и большинство читавшихся у насъ рефератовъ, значительной сухостью и отсутствіемъ общей идеи, проходящей черезъ все изложеніе. Къ концу лекціи публика явно начала утомляться, и у нѣкоторыхъ дамъ появились признаки зѣвоты. Затѣмъ одинъ товарищъ, кажется, Печковскій прочелъ маленькую вещицу по физикѣ, и наступила моя очередь.

 Въ отличіе отъ другихъ, я рѣдко бралъ

для своихъ чтеній чисто спеціальныя темы. Такъ и въ данномъ случаѣ у меня былъ заготовленъ рефератъ о значеніи естественныхъ наукъ для умственнаго, нравственнаго и экономическаго прогресса человѣчества. Онъ отличался юношеской восторженностью и былъ иллюстрированъ многими примѣрами изъ исторіи науки.

Въ концѣ концовъ, доказывалось, что безъ естественныхъ наукъ человѣчество никогда не вышло бы изъ состоянія, близкаго къ нищетѣ, а, благодаря имъ, люди со временемъ достигнутъ полнаго могущества надъ силами природы, и только тогда настанетъ на землѣ длинный періодъ такого счастья, котораго мы въ настоящее время даже и представить себѣ не можемъ.

Этотъ рефератъ я прочелъ почти весь по своей тетрадкѣ съ замѣтками, такъ какъ нѣсколько волновался. Но онъ замѣтно оживилъ публику, и засѣданіе окончилось рукоплесканіями и поздравленіями.

Всѣ члены нашего общества были приглашены хозяевами къ чаю, но, выпивъ по стакану, поспѣшили разойтись по домамъ подъ предлогомъ поздняго времени.

Торжественность обстановки имъ такъ не понравилась, что они, по словамъ Печковскаго, клялись и божились никогда болѣе не переступать черезъ порогъ этого зданія для своихъ ученыхъ засѣданій. Я же остался по обыкновенію ночевать, и потому весь вечеръ вмѣстѣ съ Шанделье пожиналъ лавры.

Кандидатъ естественныхъ наукъ увелъ меня въ уголокъ и почтилъ долгой серьезной бесѣдой, ведя разговоръ явно „на равной ногѣ", безъ всякаго покровительственнаго оттѣнка, и это сразу чувствовалось. Затѣмъ медикъ вручилъ мнѣ свой адресъ и просилъ зайти на дняхъ къ нему на квартиру „потолковать о разныхъ предметахъ" и принести также какой - нибудь номеръ издаваемаго нами журнала.

Дня черезъ два я уже сидѣлъ у него за кофе. При уходѣ онъ далъ мнѣ адресъ нѣкоего Блинова, студента малоросса, у котораго находилась тайная студенческая библіотека, а въ ней, по словамъ медика, было много всякихъ книгъ и по научнымъ, и по общественнымъ вопросамъ, какъ русскихъ, такъ и заграничныхъ. Онъ добавилъ, что уже рекомендовалъ меня въ

библіотекѣ и получилъ полное согласіе на принятіе меня въ число пользующихся книгами, съ тѣмъ, конечно, условіемъ, что я это буду держать въ секретѣ, а иначе дѣло можетъ кончиться гибелью многихъ.

Я, конечно, сейчасъ же обѣщалъ все, и на другой день явился по указанному адресу. Я познакомился съ Блиновымъ и съ содержаніемъ библіотеки и взялъ съ собой нѣсколько естественно-научных книгъ. На слѣдующій день мнѣ уже были предложены и заграничныя запрещенныя изданія: номеръ журнала „Впередъ", издававшагося Лавровымъ, и „Отщепенцы" Соколова.

Можно себѣ представить, съ какимъ восторгомъ возвращался я домой, неся въ рукахъ эту связку! При встрѣчѣ съ каждымъ городовымъ на улицѣ мнѣ дѣлалось одновременно и жутко, и радостно, и я мысленно говорилъ ему:

— Если бы ты зналъ, пріятель, что такое у меня въ этой связкѣ, что бы ты тогда заговорилъ!

Съ величайшей жадностью набросился я на чтеніе этихъ еще не виданныхъ мною изданій и обѣ книжки проглотилъ въ одинъ вечеръ.

Мнѣ казалось, что цѣлый новый міръ отрылся предъ моими глазами, и сколько въ немъ было чудеснаго и неожиданнаго! „Отщепенцы“, книжка, полная поэзіи и восторженнаго романтизма, особенно нравившагося мнѣ въ то время, возвеличивавшая самоотверженіе и самопожертвованіе во имя идеала, унесла меня на седьмое небо. Во „Впередъ“ особенно понравились мнѣ не тѣ мѣста, гдѣ излагались факты,— мнѣ казалось, что почти то же можно найти и въ газетахъ, — а какъ разъ тѣ прокламаціонныя мѣста, гдѣ были воззванія къ активной борьбѣ за свободу. Эти страницы я перечитывалъ по нѣскольку разъ и почти заучилъ наизусть. Ихъ смѣлый и прямой языкъ, сыплющій укоры земнымъ царямъ, казался мнѣ проявленіемъ необыкновеннаго, идеальнаго геройства.

— Вотъ люди, мечталъ я,—за которыхъ можно отдать душу! Вотъ что дѣлается и готовится въ тайнѣ кругомъ меня, а я все думалъ до сихъ поръ, что кромѣ нашего кружка нѣтъ въ Россіи никого, раздѣляющаго наши взгляды!..

Мѣста тогдашнихъ соціально-революціонныхъ изданій, гдѣ возвеличивался „сѣ-

рый простой народъ", какъ чаша, полная совершенства, какъ скрытый отъ всѣхъ непосвященныхъ идеалъ разумности, простоты и справедливости, къ которому мы должны стремиться, казались мнѣ чѣмъ-то въ родѣ волшебной сказки. Все здѣсь противорѣчило моимъ собственнымъ юношескимъ представленіямъ и впечатлѣніямъ изъ окружающей деревенской жизни, и все между тѣмъ было такъ чудно-хорошо! Читая эти мѣста, мнѣ невольно хотѣлось позабыть о моихъ собственныхъ глазахъ и ушахъ, которые, увы!—не помогли мнѣ вынести изъ моихъ случайныхъ соприкосновеній съ крестьянами никакихъ высокихъ идей, кромѣ нѣсколькихъ непристойныхъ фразъ, невольно прилипшихъ къ ушамъ вслѣдствіе повсемѣстнаго употребленія... Мнѣ страстно хотѣлось вѣрить, что все въ простомъ народѣ такъ хорошо, какъ говорятъ авторы этихъ статей и что „не народу нужно учиться у насъ, а намъ у него".

Нѣсколько дней я ходилъ, какъ опьяненный. Я читалъ эти книжки или, лучше сказать, ихъ избранныя мѣста моимъ остальнымъ товарищамъ и былъ страшно пора-

женъ, что эти мѣста, повидимому, не вызывали у нихъ такого необычайно сильнаго душевнаго отклика, какъ у меня. Всѣ они вполнѣ сочувствовали этимъ идеямъ, но говорили, что едва ли онѣ осуществимы въ жизни.

— Для милліоновъ современнаго намъ поколѣнія, говорили они, идеалы и стремленія современной интеллигенціи должны быть совершенно непонятны.

Я самъ это чувствовалъ, но это не только не уменьшало моего энтузіазма, а даже увеличивало его!

Развѣ не хорошо погибнуть за истину и справедливость?—думалось мнѣ.—Къ чему же тутъ разговоры о томъ, откликнется народъ или не откликнется на нашъ призывъ къ борьбѣ противъ религіозной лжи и политическаго и общественнаго угнетенія? Развѣ мы карьеристы какіе, думающіе устроить такъ же и свои собственныя дѣла, служа свободѣ и человѣчеству? Развѣ мы не хотимъ погибнуть за истину?

Когда я отнесъ, черезъ нѣсколько дней, обѣ книги въ библіотеку, Блиновъ сказалъ мнѣ:

 — Съ вами хотѣли бы познакомиться

нѣкоторые люди, занимающіеся революціонной дѣятельностью, но только вы должны держать эти знакомства въ строгой тайнѣ, потому что иначе все погибнетъ.

Я ничего никому не скажу,—тотчасъ же отвѣтилъ я, и, дѣйствительно, я чувствовалъ, что никакія пытки не вырвали бы у меня подобнаго секрета.

— Въ такомъ случаѣ приходите на слѣдующій день въ библіотеку, когда будетъ смеркаться...

— Я непремѣнно приду, -отвѣтилъ я.

Въ назначенное время я былъ уже тамъ. За мной явился какой-то человѣкъ студенческаго вида. Онъ отвелъ меня на другую квартиру, но ея хозяина не оказалось дома, а была какая-то дѣвушка, которой онъ препоручилъ меня и ушелъ. Съ ней мы перекинулись только нѣсколькими незначительными фразами, а затѣмъ просидѣли съ четверть часа молча, такъ какъ она принялась читать какую-то книгу. Наконецъ, дверь отворилась, и въ комнату къ намъ вошли два человѣка. Одинъ съ густой темной бородой,—оказавшійся потомъ Николаемъ Алексѣевичемъ Саблинымъ, — поздоровался со мной безъ объявленія

своего имени и очень серьезно предупредилъ меня опять:

— Мѣсто, куда мы теперь пойдемъ, вы должны держать въ самомъ строгомъ секретѣ, иначе погибнетъ много хорошихъ людей...

Затѣмъ оба незнакомца повели меня куда-то по бульварамъ въ совершенно незнакомую часть Москвы.

Всѣ эти таинственные переходы изъ одного неизвѣстнаго мѣста въ другое, еще болѣе скрываемое, наполнили мою душу такимъ восторженнымъ трепетомъ, что я въ буквальномъ смыслѣ не чувствовалъ подъ собою ногъ.

Наконецъ, мы пришли ко входу въ большой бѣлый домъ, вошли въ подъѣздъ и, не поднимаясь вверхъ по начинавшейся тутъ парадной лѣстницѣ, направились въ небольшой корридоръ направо и вошли въ маленькую переднюю, гдѣ сняли пальто и калоши. Затѣмъ меня ввели въ большую комнату въ родѣ гостиной, съ роялемъ у одной изъ стѣнъ, съ мягкой мебелью и нѣсколькими окнами, завѣшенными драпировками. Направо въ полуотворенную дверь виднѣлась часть другой, тоже освѣ-

щенной комнаты. На лѣвой же сторонѣ, противъ двери, стоялъ большой эллипти-

ческій столъ съ диваномъ за нимъ и стульями кругомъ.

На диванѣ сидѣла чудно красивая, и очень стройная молодая женщина лѣтъ двадцати двухъ, въ красной блузѣ и съ двумя огромными темнорусыми косами, перекинутыми на плечи и свѣшивавшимися ей на грудь. По бокамъ ея сидѣли двѣ бѣлокурыя дѣвушки, тоже очень стройныя и хорошенькія, напомнившія мнѣ двухъ Маргаритъ въ Фаустѣ. Молодая женщина оказалась потомъ „Линой" Алексѣевой, женой богатаго тамбовскаго помѣщика, безнадежно сошедшаго съ ума на третьемъ году ея замужества и находившагося въ это время въ домѣ умалишенныхъ. А двѣ Маргариты оказались впослѣдствіи Батюшковой и Дубенской.

Кромѣ нихъ, здѣсь находились еще нѣсколько дѣвушекъ, менѣе бросившихся мнѣ въ глаза, и десятка два мужчинъ въ возрастѣ между двадцатью и тридцатью годами, всевозможныхъ видовъ и во всевозможныхъ костюмахъ. Одинъ изъ нихъ сразу обратилъ на себя мое вниманіе. Это былъ высокій, крѣпко сложенный человѣкъ лѣтъ двадцати пяти, съ шапкой курчавыхъ волосъ на головѣ, небольшой курчавой же бородой съ усиками, съ огромнымъ

лбомъ и блестящими черными глазами. Казалось, какой-то великій художникъ вырубилъ въ минуту вдохновенья его голову простымъ топоромъ, да такъ и оставилъ ее недодѣланной. Впослѣдствіи онъ оказался однимъ изъ самыхъ выдающихся дѣятелей революціоннаго движенія семидесятыхъ годовъ Кравчинскимъ.

Молодая женщина съ темнорусыми косами встала при моемъ входѣ, подошла ко мнѣ и, не называя себя, крѣпко пожала мнѣ руку. Остальные сдѣлали то же самое, не спрашивая моей фамиліи и не называя своихъ. Едва я сѣлъ у столика на пододвинутый мнѣ стулъ, какъ хозяйка этой странной гостиной открыла ящикъ эллиптическаго столика и, вынувъ оттуда номеръ издававшагося мной рукописнаго журнала, показала мнѣ въ немъ мою собственную статью: „Въ память нечаевцевъ".

— Не можете ли вы сказать, — спросила она, — кто авторъ этой статьи?

Собравъ всѣ свои силы, чтобы не обнаружить волненія, я отвѣтилъ ей:

— Я...

— Но, знаете, вѣдь это очень хорошо написано! Просто и очень трогательно.

Мое сердце застучало, какъ молотокъ, отъ удовольствія, но, чувствуя, что дальнѣйшій разговоръ на эту тему долженъ будетъ совсѣмъ меня переконфузить, я сейчасъ же постарался перевести рѣчь на другой предметъ. Указывая въ томъ же номерѣ статью „О международной ассоціаціи рабочихъ" того самаго Михайлова, который любилъ неловко вставлять въ свою рѣчь иностранныя выраженія, я спросилъ ее:

— Ну, а эта статья, какъ вамъ нравится?

— Эта слишкомъ фразиста. Это не ваша?

— Нѣтъ, это одного изъ моихъ знакомыхъ.

Мнѣ предложили чаю, и разговоръ сдѣлался общимъ. Я имъ разсказалъ о нашемъ „Обществѣ естествоиспытателей", а они мнѣ сообщили, что въ настоящее время началось большое движеніе въ народѣ.

Я уже не помню всѣхъ перипетій этого разговора, но, черезъ полчаса или часъ, я застаю себя въ моемъ воспоминаніи уже стоящимъ посреди комнаты, облокотившись рукой на рояль, и вовлечен-

нымъ противъ моей воли въ споръ съ человѣкомъ лѣтъ двадцати пяти, съ маленькими бѣлокурыми усиками и бородкою, и съ прямолинейными чертами лица, напоминавшими мнѣ что-то Сенъ-Жюстовское. Отсутствіе одного изъ верхнихъ зубовъ, бросалось у него какъ то особенно въ глаза. Онъ мнѣ доказывалъ, что нечаевцы стояли на ложномъ пути, потому что вели пропаганду среди интеллигенціи, а интеллигенція, это—аристократія и буржуазія, испорченныя своимъ паразитизмомъ на трудящихся классахъ и ни на что негодная.

— Нужно сбросить съ себя это ярмо,— говорилъ онъ, — забыть все, чему насъ учили, и искать обновленія въ средѣ простого народа!

Это было то самое, что я уже читалъ въ журналѣ „Впередъ" и другихъ заграничныхъ изданіяхъ. Оно мнѣ нравилось, какъ поэзія, но на практикѣ казалось большимъ недоразумѣніемъ или ошибкой. Я собралъ всѣ свои силы и мужественно возражалъ ему, что пропаганда нужна во всѣхъ сословіяхъ, что хотя привилегированное положеніе должно, дѣйствительно, сильно портить интеллигентные классы въ

нравственномъ отношеніи, но за то наука даетъ имъ болѣе широкій умственный кругозоръ, и привычка къ мышленію развиваетъ въ нихъ болѣе глубокія чувства, а подчасъ и такіе великодушные порывы, которые совсѣмъ невѣдомы неразвитому человѣку.

Я былъ въ полномъ отчаяніи, что съ перваго же знакомства съ этими замѣчательными людьми, съ которыми мнѣ такъ хотѣлось сойтись, я долженъ былъ имъ противорѣчить и этимъ, казалось мнѣ, навсегда уронить себя въ ихъ мнѣніи. Кромѣ того, я никогда не былъ спорщикомъ ради спора и всегда старался находить и указывать всѣмъ, съ кѣмъ мнѣ приходилось сталкиваться въ жизни, пункты согласія между собою и ими, а не отмѣчать разнорѣчія, особенно съ перваго же знакомства. Мнѣ всегда казалось, что при дальнѣйшемъ сближеніи всякія частныя разнорѣчія сами собой какъ-нибудь сгладятся и устранятся постепенно.

— Но что же мнѣ остается дѣлать въ этомъ случаѣ? — думалось мнѣ. — Не могу же я лгать и притворяться передъ ними.

Всѣ остальные въ гостиной замолчали

при началѣ нашего спора, и я думалъ съ грустью, что всѣ они тоже противъ меня. Однако, оказалось, это не такъ. Мнѣ на помощь выступилъ вдругъ тотъ самый человѣкъ съ шапкой курчавыхъ волосъ на головѣ, оригинальная физіономія котораго такъ бросилась мнѣ въ глаза съ самаго начала, и сталъ говорить моему оппоненту, что въ моихъ словахъ много правды.

У меня отлегло немного на душѣ, и, воспользовавшись завязавшимся между ними споромъ, я незамѣтно ушелъ со своего видпаго мѣста и сѣлъ около одного изъ дальнихъ оконъ, подъ самыми драпировками. Хозяйка подошла ко мнѣ и спросила:

— Какъ они вамъ нравятся?

— Очень, — отвѣтилъ я. — Только неужели, въ самомъ дѣлѣ, вы отвергаете науки? Вѣдь безъ нихъ намъ никогда и въ голову не пришли бы тѣ вопросы, о которыхъ они теперь говорятъ!..

Она порывисто положила свою руку на рукавъ мой.

— Не придавайте этому никакого серьезнаго значенія. Они отвергаютъ только казенную, сухую науку, а не ту, о которой вы думаете.

— А!—отвѣтилъ я съ облегченіемъ.—Значитъ, это они говорятъ только о латыни и грекахъ, о Законѣ Божіемъ и тому подобномъ... Но такую науку я и самъ, конечно, отвергаю!..

— Ну, да! ну, да!.. — отвѣтила она мнѣ, успокоительно улыбаясь, и начала разспрашивать о моемъ семействѣ.

Тѣмъ временемъ споръ сдѣлался общимъ, и Кравчинскій, оставивъ собесѣдниковъ, тоже подсѣлъ ко мнѣ въ уголокъ:

— Нельзя ли устроить пропаганду и крестьяскую организацію въ имѣніи вашего отца, поступивъ туда въ видѣ рабочаго?

Я долженъ былъ отвѣтить ему съ огорченіемъ, что это совершенно невозможно.

— Имѣніе наше не въ деревнѣ, а совершенно особнякомъ, въ большомъ паркѣ. Съ окружающими деревнями у насъ нѣтъ никакихъ связей, а всѣ жители нашей усадьбы, отъ конюховъ до отца, связаны между собою въ одно цѣлое черезъ судомоекъ, лакеевъ, горничныхъ и другихъ слугъ. Все, что дѣлается въ одномъ концѣ усадьбы, скоро доходитъ до другого...

— Какъ это жаль! А я уже собирался поступить къ вамъ конюхомъ, — сказалъ

онъ улыбаясь... Значитъ, вашъ отецъ реакціонеръ?

— Нѣтъ! Мой отецъ находится въ сильной оппозиціи къ правительству, но, главнымъ образомъ, за то, что реформа 19 февраля сдѣлана, по его мнѣнію, какъ разбой. Онъ никогда не называетъ ее освобожденіемъ крестьянъ, а передачей ихъ въ крѣпостную зависимость становымъ и исправникамъ, и утверждаетъ, что все это было сдѣлано подъ вліяніемъ нигилистовъ. По своимъ взглядамъ онъ англофилъ, — закончилъ я свой разсказъ о нашей деревенской жизни и, я даже представить себѣ не могу, что онъ сдѣлаетъ, если узнаетъ, что въ его имѣніи завелись пропагандисты. Навѣрно, сейчасъ же вызоветъ военную команду изъ уѣзда...

Потомъ мы говорили съ нимъ о другихъ предметахъ и, къ моей величайшей радости, всегда и во всемъ соглашались. Черезъ полчаса разговора я уже почувствовалъ къ нему невообразимую дружбу.

Тѣмъ временемъ Алексѣева подошла къ роялю и, проигравъ на немъ какой-то бурный аллюръ, вдругъ запѣла чуднымъ и

сильнымъ контральто, какого мнѣ не приходилось слышать даже въ театрахъ:

„Бурный потокъ,
Чаща лѣсовъ,
Голыя скалы,—
Вотъ мой пріютъ“!

Далѣе я уже не помню теперь этой пѣсни, но что со мной было въ то время, нельзя выразить никакими словами!.. Хорошее пѣніе всегда дѣйствовало на меня чрезвычайно сильно, особенно когда пѣсня была „идейная“, съ призывомъ на борьбу за свѣтъ и свободу. А это было не только хорошее, но чудное пѣніе, и всѣ черты прекрасной пѣвицы и каждая интонація ея голоса дышали безпредѣльнымъ энтузіазмомъ и вдохновеніемъ.

Во время пѣнья она была воплощеніемъ одухотворенной красоты.

Мнѣ казалось, что я попалъ въ какое-то волшебное царство, что это всё во снѣ,— что я проснусь внезапно, окруженный снова обычной житейской прозой. Особенно безпокоила меня мысль, что, разочаровавшись во мнѣ изъ-за моихъ противорѣчій, эти люди болѣе не захотятъ со

мной видѣться, и мнѣ не кого будетъ винить, кромѣ себя...

— Ахъ, зачѣмъ я не былъ болѣе сдержанъ въ спорѣ!—думалъ я съ огорченіемъ, въ промежутки порывовъ своего энтузіазма.

А между тѣмъ, Алексѣева все пѣла новыя и новыя пѣсни въ томъ же родѣ. Я помню изъ нихъ теперь особенно хорошо „Утесъ Стеньки Разина“ и „Послѣднее прости“ умершаго въ Сибири на каторгѣ поэта Михайлова:

Крѣпко, дружно васъ въ объятья
Я бы, братья, заключилъ,
И надежды, и проклятья
Вмѣстѣ съ вами раздѣлилъ!

Но тупая сила злобы
Вонъ изъ братскаго кружка
Гонитъ въ снѣжные сугробы,
Въ тьму и холодъ рудника.

Но и тамъ, на зло гоненью,
Вѣру лучшую мою
Въ молодое поколѣнье
Въ сердцѣ свято сохраню.

Въ безотрадной мглѣ изгнанья
Буду жадно свѣта ждать
И души одно желанье,
Какъ молитву, повторять:

Будь борьба успѣшнѣй ваша,
Встрѣть въ бою побѣда васъ!
И минуй васъ эта чаша,
Отравляющая насъ!

При самомъ началѣ пѣнія я поднялся съ своего мѣста и снова всталъ у рояля противъ Алексѣевой, смотря съ восторгомъ на ея вдохновенное лицо и большіе, каріе, свѣтящіеся глаза. Вся моя собственная фигура, должно быть, выражала такой неподдѣльный восторгъ, что она улыбнулась мнѣ нѣсколько разъ во время пѣнья, и потомъ запѣла, прямо глядя мнѣ съ дружеской улыбкою въ глаза:

По чувствамъ братья мы съ тобой:
Мы въ искупленье вѣримъ оба...
И будемъ мы съ тобой до гроба
Служить странѣ своей родной!

Любовью къ истинѣ святой
Въ тебѣ, я знаю, сердце бьется,
И вѣрю я, что отзовется
Оно всегда на голосъ мой!

Когда-жъ наступитъ грозный часъ,
Возстанутъ спящіе народы—
Святое воинство свободы
Въ своихъ рядахъ увидитъ насъ!

Когда я вышелъ вмѣстѣ съ послѣдними гостями на улицу, у меня буквально кру-

жилось въ головѣ, и я не помнилъ, какимъ образомъ добрался до своего дома.

Я получилъ при уходѣ отъ Алексѣевой приглашеніе бывать у нея и впредь, и не забылъ замѣтить номеръ дома, который оказался большой гостиницей съ отдѣльными квартирами внизу, одну изъ которыхъ и занимала Алексѣева. Всю ночь я провелъ въ мечтахъ при свѣтѣ луны у окна своей комнаты, загасивъ лампу и смотря сквозь стекла до разсвѣта на занесенную снѣгомъ площадь предъ вокзаломъ и на окружающія эту площадь заборы и крыши зданій. Несмотря на дружеское прощаніе и на очень сильное рукопожатіе со стороны Алексѣевой и Кравчинскаго, я все еще боялся, что испортилъ дѣло тѣмъ, что съ перваго же знакомства сталъ противорѣчить и спорить.

А между тѣмъ, какъ я узналъ потомъ, произведенное мною впечатлѣніе вовсе не было особенно дурнымъ. Правда, были и неблагопріятныя мнѣнія. Изъ послѣдующихъ разговоровъ, когда я хорошо познакомился со всѣми, я узналъ, что кромѣ лицъ, которыхъ я здѣсь видѣлъ, были и другіе. Въ темномъ альковѣ, прилегающемъ

къ гостиной Алексѣевой, скрывался еще одинъ замѣчательный человѣкъ, Елыцинскій, разсматривавшій меня черезъ драпировку. Ему я не особенно понравился при этомъ первомъ дебютѣ... Когда на слѣдующій день, кромѣ меня, всѣ сошлись вмѣстѣ и начали обсуждать мою особу, онъ сказалъ:

— Въ немъ много самомнѣнія... Одна Аѳина-Паллада вышла изъ головы Зевса во всеоружіи...

Похожій на Сенъ-Жюста и оказавшійся потомъ Аносовымъ, говорилъ, что я слишкомъ привязанъ къ благамъ, которыя даетъ привилегированное положеніе, и потому ничего путнаго изъ меня не выйдетъ.

Кто-то обратилъ вниманіе даже на мой костюмъ и приписалъ мнѣ склонность къ франтовству—утвержденіе, которому едва-ли даже повѣрятъ тѣ, кто зналъ меня потомъ. Но дѣло въ томъ, что я жилъ съ Печковскимъ на полномъ попеченіи прислуги и лакея, чистившаго намъ аккуратно по утрамъ платье и сапоги и клавшаго на стулъ у нашихъ кроватей чистое бѣлье, когда это полагалось. Поэтому, какими замарашками мы съ Печковскимъ ни возвращались бы по вечерамъ со своихъ экс-

курсій, на слѣдующее утро мы оказывались всегда одѣтыми, какъ на балъ.

Въ противовѣсъ этимъ неблагопріятнымъ мнѣніямъ, Кравчинскій и затѣмъ еще одинъ изъ присутствовавшихъ, Шишко,—бывшій какъ и Кравчинскій, артиллерійскимъ офицеромъ и замѣчательно образованный человѣкъ,—стали рѣшительно за меня, особенно вслѣдствіе моей готовности отстаивать свои основныя убѣжденія, даже попавъ въ толпу совсѣмъ незнакомыхъ людей. Что же касается до дамъ, то я имъ всѣмъ понравился безъ исключенія, хотя, конечно, и не въ такой степени, въ какой понравились мнѣ онѣ сами...

Являться къ Алексѣевой на слѣдующій день я, какъ мнѣ ни хотѣлось этого, не рѣшился.

— Такъ, думалъ я, не принято въ обществѣ, а потому я долженъ выждать, по крайней мѣрѣ, дня два или три, чтобы не показаться не имѣющимъ понятія о приличіяхъ.

Но на четвертый день, еще задолго до назначеннаго времени, я уже ходилъ по сосѣднимъ бульварамъ, ежеминутно посматривая на часы. Я вошелъ минута въ

минуту и секунда въ секунду въ указанный мнѣ часъ, и первыя слова, которыя я услышалъ отъ улыбающейся мнѣ хозяйки, были:

– А мы думали, что вы совсѣмъ ужъ о насъ забыли!..

— Значитъ, мнѣ можно приходить и чаще?—спросилъ я.

— Конечно, хоть каждый день.

— Ну, такъ я буду приходить къ вамъ каждый день,—отвѣтилъ я.

И я сталъ бывать у нея ежедневно часовъ отъ восьми или девяти вечера и возвращался домой далеко за полночь. Ходить ранѣе мнѣ не дозволяли обычныя занятія, да я и не зналъ еще въ первое время, что этотъ своеобразный салонъ былъ полонъ посѣтителями съ утра до ночи...

Мало-по-малу я сталъ различать физіономіи различныхъ членовъ этого кружка. Быстро подружился съ Кравчинскимъ, Шишко и еще однимъ молоденькимъ безусымъ студентомъ, Александромъ Лукашевичемъ, замѣчательно симпатичнымъ, всегда улыбавшимся юношей, казавшимся лишь немного старше меня, такъ что въ первое время я былъ даже разочарованъ,

встрѣтивъ такого молодого человѣка въ этомъ серьезномъ обществѣ, гдѣ, кромѣ насъ двоихъ, не было ни одного безусаго и безбородаго.

Особенно сильное впечатлѣніе произвелъ на меня тогда Ельцинскій, котораго я встрѣтилъ здѣсь лицомъ къ лицу лишь черезъ нѣсколько дней. Въ это время ему было лѣтъ двадцать семь, но, судя по физіономіи и какой-то солидности и дѣловитости во всѣхъ манерахъ, разговорѣ и обращеніи, ему можно было дать не менѣе тридцати. Когда въ комнату къ намъ вошелъ однажды типическій симбирскій мужичекъ въ засаленной фуражкѣ, черномъ кафтанѣ нараспашку, подъ которымъ виднѣлась пестрядинная крестьянская рубаха на выпускъ, въ жилетѣ съ мѣдными пуговицами и въ синихъ полосатыхъ порткахъ, вправленныхъ въ смазные сапоги—я отдалъ бы голову на отсѣченіе, что это сельскій староста, только что вышедшій изъ своей деревни и совершенно чуждый всякой цивилизаціи. Все въ немъ, отъ желтоватаго цвѣта лица и окладистой бородки до рѣдкихъ прямыхъ волосъ, подстриженныхъ „скобкой“, по мужицки, и

плотно примазанныхъ постнымъ масломъ къ самой кожѣ головы, говорило за его принадлежность къ крестьянскому званію, и только огромный лобъ показывалъ, что этотъ мужичекъ долженъ быть очень умнымъ и дѣльнымъ въ своей средѣ.

Поздоровавшись со всѣми нѣсколько скрипучимъ крестьянскимъ говоромъ на о, онъ повелъ рѣчь о разныхъ предметахъ, и я замѣтилъ, что его слушали съ особеннымъ уваженіемъ.

— Какъ онъ вамъ понравился? — спросила меня лукаво Алексѣева, когда онъ ушелъ.

— Замѣчательно умный рабочій! — отвѣтилъ я.

— Да онъ вовсе и не рабочій! — разсмѣялась она. — Онъ даже не изъ народа. Это Ельцинскій. Онъ изъ привилегированнаго сословія. И кромѣ того, — прибавила она шепотомъ: — его болѣе полугода очень сильно разыскиваетъ полиція, его нужно особенно беречь. Никогда не говорите о немъ съ посторонними.

Черезъ нѣсколько дней я узналъ, что еще два человѣка изъ этой компаніи сильно разыскивались полиціей: Кравчинскій и

Шишко. Это обстоятельство заставило меня смотрѣть на нихъ троихъ съ особеннымъ благоговѣніемъ, какъ на необыкновенныхъ героевъ, и я, конечно, не обмолвился о нихъ ни единымъ словомъ ни одной живой душѣ.

— Вотъ,—думалъ я,—всѣ, кто попадется, бѣгутъ обыкновенно за границу, а они не хотятъ, и ничего не боятся. А полиція гоняется за ними повсюду, встрѣчаетъ ихъ постоянно на улицахъ и каждый разъ остается не при чемъ. Какъ это удивительно хорошо съ ихъ стороны!..

О томъ, что скоро будутъ также разыскивать и меня, мнѣ тогда даже и въ голову не приходило...

Теперь я долженъ перейти къ очень затруднительному мѣсту.

Въ послѣдующее время меня часто спрашивали:

— Кто были эти люди, а съ ними и всѣ участвовавшіе въ движеніи семьдесятъ четвертаго года: соціалисты, анархисты, коммунисты, народники, или что-либо другое?

И я всегда останавливался въ недоумѣніи и не зналъ, что отвѣчать...

Я говорю здѣсь только то, что самъ пе-

режилъ, что видѣлъ и слышалъ отъ окружающихъ. Вся волна этого движенія съ сотнями дѣятелей, какъ сейчасъ увидитъ читатель, прокатилась въ буквальномъ смыслѣ черезъ мою голову, и, оставаясь правдивымъ, я не могу причислить ихъ ни къ какой опредѣленной кличкѣ. Съ первыхъ же дней знакомства я пробовалъ заводить объ этомъ разговоры, но мало получалъ опредѣленнаго въ отвѣтъ. Однажды, когда зашла рѣчь о заграничныхъ изданіяхъ, уже цѣликомъ прочитанныхъ мною, гдѣ „Бакунисты“ причисляли себя къ анархистамъ, а „Лавристы“ къ простымъ соціалистамъ, гдѣ „Ткачевцы“ называли себя якобинцами, а другіе федералистами, я задалъ въ присутствіи всей компаніи вопросъ:

— Къ какой изъ этихъ партій должны причислять себя *мы?*

— Мы, — отвѣтила за всѣхъ Алексѣева, очевидно выражая настроеніе большинства—„радикалы“.

И дѣйствительно, никто никогда не называлъ себя при мнѣ въ то время никакой другой кличкой, а слова: „мы—радикалы“ мнѣ постоянно приходилось слы-

шать въ этотъ періодъ, и противопоставлялось это названіе слову „либералъ“, подъ которымъ понимались всѣ говорящіе о свободѣ и другихъ высокихъ предметахъ, но неспособные пожертвовать собою за свои убѣжденія, между тѣмъ какъ радикалами назывались всѣ люди дѣла. Къ числу либераловъ въ то время причислялись учащейся молодежью и всѣ передовые писатели легальной литературы, до сотрудниковъ „Отечественныхъ Записокъ“: Салтыкова, Михайловскаго, Некрасова включительно... Связей съ обычными литераторами у насъ никакихъ не было, за исключеніемъ знакомства съ редакторомъ „Знанія“, Гольмсмитомъ, который, впрочемъ, тоже относился къ группѣ либераловъ.

Только потомъ уже, по прекращеніи движенія въ народъ, на передовыхъ дѣятелей легальной литературы стали смотрѣть иначе.

„Нигилистами“ у насъ назывались всѣ ходящіе въ нечесанномъ и растрепанномъ видѣ, независимо отъ ихъ убѣжденій, а если кто-нибудь начиналъ проповѣдовать сумбуръ, то говорили, что у него

въ головѣ „анархія по Прудону". Но это нисколько не значило, чтобы къ Прудону и его анархическимъ идеаламъ относились отрицательно. Иногда ихъ дебатировали и соглашались, что, дѣйствительно, жить всѣмъ мирно и дружно, безъ всякихъ чиновниковъ и полиціи, имѣя все общее и всѣмъ дѣлясь по-братски, было бы очень хорошо.

При всѣхъ моихъ попыткахъ разобраться въ различныхъ соціальныхъ вопросахъ, которые меня интересовали, я ни отъ кого не получалъ помощи. Всѣ считали для себя обязательнымъ, какъ бы дѣломъ приличія, выражать сочувствіе къ соціалистическимъ идеаламъ и къ соціалистической литературѣ, но каждый разъ, какъ заходила рѣчь о деталяхъ будущаго общественнаго строя, всякое затрудненіе устранялось однимъ и тѣмъ же стереотипнымъ отвѣтомъ:

— Мы ничего не хотимъ навязывать народу... Мы вѣримъ, что, какъ только онъ получитъ возможность распорядиться своими судьбами, онъ устроитъ все такъ хорошо, какъ мы даже и вообразить себѣ не можемъ. Все, что мы должны сдѣлать,

это освободитъ его руки, и тогда наше дѣло будетъ закончено, и мы должны будемъ совершенно устраниться.

Такъ говорили всѣ наиболѣе искренніе представители этого движенія, по крайней мѣрѣ, имъ казалось въ такихъ случаяхъ, что они именно такъ думаютъ. Народъ же, т.-е. сѣрый деревенскій мужичекъ, представлялся имъ въ этомъ случаѣ идеаломъ совершенства.

Уже одна эта неопредѣленность воззрѣній показывала мнѣ еще тогда, что корни революціонаго движенія семидесятыхъ годовъ находились вовсе не въ однихъ соціалистическихъ идеяхъ, которыя дебатировались по временамъ среди моихъ новыхъ знакомыхъ. Чувствовалась какая-то другая скрытая пружина, которой они и сами не подозрѣвали. И эта пружина, какъ я глубоко убѣжденъ теперь, была не что иное, какъ полное несоотвѣтствіе существовавшаго у насъ самодержавнаго режима съ тѣмъ высокимъ уровнемъ умственнаго и нравственнаго развитія, на который уже успѣла подняться лучшая часть молодого поколѣнія того времени.

Насколько тутъ вліяла произведенная

тогда замѣна въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ живой науки классической мертвечиной, я не знаю. Большинство дѣятелей этого времени, мнѣ кажется, успѣло миновать греко-латинское горнило, чрезъ которое прошелъ я. Что же касается до меня, то введеніе классицизма сыграло очень важную роль въ моей судьбѣ, такъ какъ оно сразу придало мнѣ и всему нашему „Обществу естествоиспытателей" рѣзко революціонный оттѣнокъ. Но вообще для меня несомнѣнно, что стѣсненіе студенчества, выражавшееся въ ежегодныхъ „студенческихъ исторіяхъ", массовыхъ высылкахъ и преслѣдованіяхъ, сыграло здѣсь не послѣднюю роль.

Если бы кто-нибудь спросилъ меня, считаю ли я движеніе семидесятыхъ годовъ за проявленіе „борьбы общественныхъ классовъ", то я отвѣтилъ бы, что болѣе всего я склоненъ въ немъ видѣть борьбу русской учащейся, полной жизненныхъ силъ, интеллигенціи съ стѣсняющимъ ее правительственнымъ и административнымъ произволомъ. „Классъ русскаго студенчества", если позволено такъ выразиться, и рядъ „солидарныхъ съ нимъ" интелигент-

ныхъ слоевъ боролись за свою свободу, которую они сливали со свободой всей страны, за свое будущее, за живую науку въ университетахъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Не чувствуя за собой достаточно силъ, они обратились за помощью къ простому народу подъ первымъ попавшимся идеалистическимъ знаменемъ и сдѣлали изъ крестьянина себѣ бога. Какъ равнодушно встрѣтилъ ихъ народъ семидесятыхъ годовъ, показала исторія.

Я же лично никогда не вѣрилъ въ тогдашняго крестьянина, а только жалѣлъ его. Но я создалъ себѣ бога изъ этихъ самыхъ людей, такъ довѣрчиво обращавшихся къ народу, и пошелъ съ ними на жизнь и на смерть, на всѣ ихъ радости и на все ихъ горе. Какъ это произошло, я и долженъ разсказать теперь.

Съ наступленіемъ весны пульсъ жизни въ московскомъ революціонномъ кружкѣ сталъ биться все скорѣе и скорѣе. Члены кружка жили въ различныхъ мѣстахъ города, большею частью неподалеку отъ университета, хотя многіе и не были уже студентами, или принадлежали къ другимъ учебнымъ заведеніямъ, особенно къ Пет-

ровской Земледѣльческой Академіи, находившейся верстахъ въ десяти отъ Москвы, въ бывшемъ дворцѣ графа Разумовскаго, съ большимъ паркомъ, значительнымъ озеромъ и своеобразными флигелями для студентовъ, часть которыхъ жила, кромѣ того, въ прилегающей деревнѣ „Выселкахъ".

По воскресеньямъ лѣтомъ въ паркѣ собиралось гулять довольно значительное общество изъ Москвы, и я тамъ тоже бывалъ не разъ съ этой цѣлью. Тамъ былъ свой кружокъ „Петровцевъ", къ которому принадлежалъ Фроленко, тоже собиравшійся идти въ народъ и изрѣдка заходившій къ Алексѣевой. Небольшая типографія, гдѣ работало нѣсколько сочувствующихъ барышень, принялась въ это время набирать вмѣстѣ съ книгами легальнаго содержанія также и революціонныя брошюрки.

Въ кружкѣ или, скорѣе, салонѣ Алексѣевой, служившемъ какъ бы центральнымъ пунктомъ для взаимныхъ сношеній, въ это время все еще больше предавались великодушнымъ порывамъ и мечтамъ о будущей дѣятельности. Лишь немногіе члены завели, въ трактирахъ и харчевняхъ,

сношенія съ нѣсколькими молодыми рабочими, выдававшимися своимъ болѣе высокимъ развитіемъ.

Какъ сейчасъ помню мой первый дебютъ въ этой дѣятельности.

— Если хотите познакомиться съ бытомъ простого народа, пойдемте со мной въ харчевню обѣдать!—сказалъ мнѣ Кравчинскій.

— Очень хочу,—отвѣчалъ я,—но у меня нѣтъ рабочаго костюма!

— У меня есть. Я вамъ дамъ.

Я переодѣлся въ его запасной костюмъ, и мы отправились въ одну изъ самыхъ бѣдныхъ харчевень на окраинѣ Москвы. Нѣсколько извозчиковъ сидѣли тамъ за грязными столами. Мы скромно размѣстились между ними.

— Вамъ чего?—сказала намъ дюжая хозяйка, очевидно бой-баба, которая безъ труда сумѣла бы вышвырнуть за дверь неисправнаго посѣтителя.

— А что у васъ есть?—осторожно спросилъ Кравчинскій, не зная, что отвѣтить.

— Щи есть!

— Ну дайте щецъ!

— Съ солониной или щиковиной?

Я взглянулъ съ любопытствомъ на своего спутника. Что онъ скажетъ? Слово щиковина мнѣ еще совсѣмъ не было извѣстно.

— Со щиковинкой!—отвѣтилъ къ моему облегченію Кравчинскій такимъ убѣжденнымъ тономъ, какъ если бы всю жизнь ничего не ѣлъ, кромѣ этого блюда.

Намъ подали пылающія щи въ общей деревянной мискѣ и съ нею двѣ большихъ деревянныхъ ложки. Въ ней плавали накрошенные кусочки соленыхъ бычачьихъ щекъ, и только тутъ мы оба узнали, что значитъ щиковина!

— Только деньги впередъ! властнымъ тономъ заявила хозяйка.

Мы уплатили ей полагавшіяся съ каждаго изъ насъ, кажется, четыре копѣйки, съѣли не безъ страха щиковину и тотчасъ завели бесѣду на политическія темы съ сосѣдними извозчиками. Но въ этотъ разъ попытка сближенія была неудачна. Они торопились окончить свой обѣдъ и отвѣчали намъ лишь отрывистыми, односложными фразами.

Но рабочіе въ то время еще не привлекали къ себѣ особеннаго вниманія. Ихъ

считали уже испорченными городской жизнью и стремились въ деревню „къ настоящему идеальному неиспорченному народу“, который, „откликнется на призывъ не отдѣльными случайными лицами, а цѣлыми массами“.

Прежде всего считали нужнымъ научиться какому-нибудь бродячему ремеслу для того, чтобы имѣть предлогъ путешествовать по деревнямъ и останавливаться въ каждой, сколько нужно. Самое лучшее—казалось большинству въ кружкѣ Алексѣевой — сдѣлаться бродячими сапожниками.

— Но вѣдь учиться долго,—возражали имъ.

— Совсѣмъ нѣтъ! Хорошаго шитья народъ не требуетъ,—отвѣчали защитники этого ремесла,—было бы прочно, а потому и выучиться можно въ какія-нибудь двѣ—три недѣли.

Такъ и было рѣшено сдѣлать. Послали въ Петербургъ за однимъ сапожникомъ-финляндцемъ, сочувствовавшимъ дѣлу и уже учившимъ нѣкоторыхъ въ Петербургѣ, а въ ожиданіи его пріѣзда продолжали свои

мечты о наступающей дѣятельности въ деревняхъ.

Въ началѣ апрѣля, какъ первыя перелетныя птицы приближающейся весны, въ квартиру Алексѣевой начали прибывать одни за другими временные гости.

Большинство ихъ были совсѣмъ незнакомые люди съ рекомендательными записочками изъ Петербурга, или знакомые лишь съ двумя—тремя изъ находившихся въ Москвѣ, и всѣ они принимались, какъ братья, съ которыми не могло быть и рѣчи о своемъ или чужомъ. Началось движеніе въ народъ.

Въ продолженіе двухъ или трехъ недѣль съ каждымъ поѣздомъ изъ Петербурга пріѣзжало по нѣскольку лицъ, и на вопросъ: „Куда вы ѣдете?" получался всегда одинъ и тотъ же отвѣтъ:

— Въ народъ! Пора!

Нигдѣ не чувствовалось сильнѣе, чѣмъ въ этомъ пунктѣ, вся сила начинающагося движенія. Одинъ за другимъ, и отдѣльными лицами, и цѣлыми группами, являлись все новые и новые посѣтители, неизвѣстно какими путями получавшіе всегда одинъ

 и тотъ же адресъ—Алексѣевой. Пробывъ

сутки или болѣе, они уѣзжали далѣе, провожаемые поцѣлуями, объятіями и всякими пожеланіями, какъ старые друзья и товарищи, идущіе на опасный подвигъ, и затѣмъ безъ слѣда исчезали съ горизонта въ какой-то безпредѣльной дали. Настроеніе всѣхъ окружающихъ стало дѣлаться все болѣе и болѣе лихорадочнымъ.

— Нужно спѣшить и намъ, —говорили всѣ и торопили присылку изъ Петербурга сапожника, который почему-то все не ѣхалъ.

Наконецъ, явился и онъ — бѣлокурый добродушный финляндецъ, лѣтъ двадцати семи. Мы съ Алексѣевой побѣжали пріискивать квартиру для мастерской, пробѣгали напрасно почти цѣлый день по различнымъ улицамъ, не находя ничего подходящаго, какъ вдругъ на однѣхъ воротахъ увидили надпись: „сдается квартира подъ мастерскую", а надъ этой надписью „домъ г-жи Печковской".

— Вотъ,—говорю я,—было бы отлично, вѣдь это мать товарища, съ которымъ я живу. Если у дворника возникнутъ какія-нибудь подозрѣнія, онъ ей скажетъ, а она—сыновьямъ, и мы будемъ тотчасъ предупреждены.

Алексѣева тоже очень обрадовалась этому. Осмотрѣвъ немедленно квартирку, занимавшую второй этажъ и содержавшую три или четыре пустыхъ комнатки, мы сейчасъ же наняли ее. На слѣдующій день я побѣжалъ съ двумя—тремя изъ новыхъ своихъ знакомыхъ накупать всевозможные инструменты, колодки и кожи. Работы тотчасъ начались.

Я самъ не учавствовалъ въ нихъ въ первые дни, потому что переживалъ въ это время мучительный переломъ. Я уже говорилъ, что мое положеніе въ семьѣ не было скрѣплено тѣми узами, которые связываютъ членовъ другихъ семей помимо ихъ собственной воли. Я зналъ чувства моего отца, считавшаго „нигилистовъ" за шайку провокаторовъ и голяковъ, изъ зависти желающихъ устроить коммунизмъ для того, чтобы воспользоваться имуществомъ лучше обставленныхъ классовъ, и вовлекающихъ неопытныхъ юнцовъ во всевозможныя преступленія для того, чтобы эксплуатировать ихъ потомъ подъ угрозой доноса. Мнѣ казалось, что мое присоединеніе къ этой его „шайкѣ" будетъ равносильно полному и безвозвратному разрыву

съ семьей и приведетъ въ невыразимое отчаяніе мою мать. Въ отцѣ, казалось мнѣ, гордость заглушитъ ту любовь, которую онъ можетъ ко мнѣ чувствовать. Онъ навсегда запретитъ вспоминать мое имя и привыкнетъ къ мысли, что меня никогда не существовало. Но мать -не то. Я представлялъ ее себѣ плачущей навзрыдъ, уткнувъ лицо въ подушку, и этотъ образъ надрывалъ мнѣ душу.

Затѣмъ явились мысли о моей будущей естественно-научной дѣятельности, къ которой я стремился все душой и которой я придавалъ такое высокое значеніе для будущаго счастья человѣчества. Когда я взглядывалъ на свои коллекціи, обвѣшивавшія всѣ стѣны комнаты, на микроскопъ, на окна со сткляночками всевозможныхъ вонючихъ настоевъ для инфузорій, на ряды научныхъ книгъ надъ кроватью, на которыя шли за много лѣтъ почти всѣ мои карманныя деньги, мнѣ казалось, что со всѣмъ этимъ я не въ силахъ разстаться.

Вотъ что значитъ собственность!— думалъ я. Какъ она притягиваетъ къ себѣ человѣка, и какъ правы они, когда го-

ворятъ, что не человѣкъ владѣетъ собственностью, а она имъ.

Въ эти нѣсколько дней, когда я стоялъ одной ногой здѣсь, а другой тамъ, я совершенно измучился и похудѣлъ. Спать я почти совсѣмъ не могъ, и товарищи считали меня больнымъ. Ни съ кѣмъ я не совѣтовался. Я хотѣлъ рѣшить этотъ вопросъ одинъ, на свою личную отвѣтственность.

Когда я вспоминалъ о своей семьѣ, мнѣ приходило въ голову, что вѣдь у каждаго изъ нихъ есть тоже семья, и они жертвуютъ этимъ всѣмъ для освобожденія человѣчества. Когда я вспоминалъ о своихъ мечтахъ сдѣлать важныя открытія въ наукѣ и этимъ принести пользу всѣмъ будущимъ поколѣніямъ, мнѣ приходило въ голову, что вѣдь всѣмъ этимъ жертвуютъ и они и что вѣдь они ушли по научному пути гораздо дальше меня, на нѣсколько лѣтъ дальше. Сверхъ того, развѣ возможно заниматься наукой при окружающихъ условіяхъ, не сдѣлавшись человѣкомъ, черствымъ душою, а вѣдь черствому человѣку природа не захочетъ открыть своихъ тайнъ.

160 Значитъ, объ этомъ предметѣ теперь

нечего и думать. Если я равнодушно оставлю своихъ новыхъ друзей идти на гибель, я навсегда потеряю къ себѣ уваженіе и ни на что порядочное уже не буду способенъ. Голосъ Алексѣевой:

> Бурный потокъ,
> Чаща лѣсовъ,
> Голыя скалы—
> Вотъ мой пріютъ!—

звенѣлъ безъ конца у меня въ ушахъ.

Мнѣ представлялась партизанская война, которая, вѣроятно, начнется въ это лѣто, и я видѣлъ моихъ новыхъ друзей разсѣянными по лѣсамъ и не имѣющими другого пріюта, кромѣ обрывистыхъ береговъ потоковъ и голыхъ скалъ. Еще хуже! Я представлялъ ихъ въ тюрьмахъ, можетъ быть, въ пыткахъ, въ сырыхъ рудникахъ... А я буду въ это время спать въ своей мягкой постели — думалъ я. Лично я вовсе не чувствовалъ какой-либо боязни передъ тюрьмой и рудниками. Совершенно напротивъ: мысль объ опасности всегда имѣла для меня что-то жутко-привлекательное. Ночевки „въ чащѣ лѣсовъ" подъ деревьями нашего парка я постоянно устраивалъ себѣ каждое лѣто, тайно вылѣзая черезъ

окно изъ своей комнаты послѣ того, какъ мать уходила, попрощавшись со мной, и весь домъ погружался въ сонъ. Захвативъ съ собою на всякій случай заряженное ружье и кинжалъ и завернувшись въ плащъ, я ложился гдѣ-нибудь въ трущобѣ парка, и мнѣ было такъ хорошо тамъ спать подъ свѣтомъ звѣздъ на росистой мягкой травѣ!

А потомъ, когда меня будила свѣжесть утра, еще лучше было чувствовать вокругъ себя всеобщее пробужденіе жизни природы: щебетаніе птицъ и звуки насѣкомыхъ въ окружавшей меня розовой дымкѣ разсвѣта.

О тюрьмахъ я думалъ тоже не разъ, и онѣ меня нисколько не пугали. Я представлялъ себя въ мечтахъ брошеннымъ въ мрачное, сырое подземелье, на голый каменный полъ, съ обязательными крысами и мокрицами, ползающими по стѣнамъ, или въ высокой башнѣ, куда сквозь щель вверху пробивается лишь одинокій лучъ свѣта, представлялъ себя умирающимъ въ пыткахъ, никого не выдавъ, и это приводило меня только въ умиленіе. Я самъ себя хоронилъ заживо, какъ жертву за свободу...

— И никто объ этомъ не узнаетъ, — думалъ я...—Какъ все это хорошо! Это даже лучше, чѣмъ если бы всѣ узнали, потому что тогда я не могъ бы быть увѣреннымъ, что приношу себя въ жертву безкорыстно.

По временамъ, наоборотъ, я думалъ, что выберусь изъ крѣпости и внезапно предстану предъ своими друзьями, которые считали меня погибшимъ. Какъ они будутъ удивлены и обрадованы! Особенно, когда я покажу имъ знаки, оставленные кандалами на моихъ рукахъ и ногахъ, и, еще лучше, два — три оборванныхъ ногтя во время пытки, и разскажу имъ о своемъ удивительномъ освобожденіи...

Во всемъ, что я говорю теперь, я не измѣняю, не смотря на давность, ни единой іоты.

Всѣ эти мысли и мечты, навѣянныя, можетъ быть, массой прочитанныхъ мной романовъ, составляли основу моей внутренней интимной жизни. Я здѣсь не только ничего не преувеличиваю, но, наоборотъ, многаго не договариваю, потому что перечислять все, о чемъ я тогда мечталъ въ этомъ родѣ, и все, что мнѣ при-

ходило въ голову, значило бы исписать цѣлые томы въ духѣ Фенимора Купера, а это здѣсь было бы неумѣстно.

Всевозможныя мысли и чувства такого рода сразу нахлынули на меня и скучились въ моей головѣ въ эти критическіе три или четыре дня моей жизни. Наконецъ, совершился переломъ. Нѣсколько дней я ни разу не ходилъ къ моимъ новымъ друзьямъ-революціонерамъ—и вдругъ почувствовалъ, что больше я не въ состояніи ихъ не видѣть. Но видѣть ихъ—значило идти съ ними, другого выхода я не могъ себѣ представить. Дождавшись утра, я одѣлся, какъ обыкновенно, сѣлъ, какъ обыкновенно, пить чай съ Печковскимъ, котораго я уже познакомилъ съ Алексѣевой, и сказалъ ему, что въ эти дни я много передумалъ и рѣшилъ идти въ народъ со своими новыми товарищами.

— Я это зналъ, —отвѣтилъ онъ, и мнѣ показалось, что на его глазахъ навернулись слезы.

Еще ночью я рѣшилъ раздать товарищамъ по гимназіи всѣ мои коллекціи и имущество, чтобы ничто меня болѣе не

удерживало по эту сторону жизни, а книги отдать для основанія тайной библіотеки.

Напившись грустно чаю, мы встали и начали упаковывать мое имущество, распредѣляя, что кому отдать. Я роздалъ все, даже бѣлье и платье, оставивъ себѣ только кошелекъ съ деньгами, часы и револьверъ, потому что, для чего мнѣ было теперь все остальное?.. Роднымъ я рѣшилъ ничего не писать.

— Вѣдь столько людей тонутъ, проваливаются въ землю и вообще исчезаютъ безъ вѣсти! Пусть думаютъ, что погибъ и я.

Затѣмъ съ другимъ товарищемъ, Мокрицкимъ, сыномъ одного изъ московскихъ художниковъ, я пошелъ въ какіе-то ряды подобрать народный костюмъ и, прежде всего, началъ выбирать себѣ самый грубый.

— Тебѣ нельзя одѣваться въ подобное платье, — сказалъ Мокрицкій. — Возьми самый лучшій изъ рабочихъ костюмовъ, а то будетъ слишкомъ рѣзокъ контрастъ съ твоей физіономіей.

Я согласился съ этимъ, и мы выбрали суконный жилетъ съ двумя рядами бубенчиковъ, вмѣсто пуговицъ, весело побрякивавшихъ при каждомъ шагѣ, нѣсколько

ситцевыхъ рубахъ и штановъ, черную чуйку, фуражку и смазные сапоги необыкновенно франтовского вида: верхняя часть ихъ представляла лакированные отвороты, на которыхъ были вышиты круги и другіе узоры синими и красными нитками.

Затѣмъ, замѣтивъ, что мои волосы острижены не по народному, мы пошли къ Мокрицкому. Усадивъ меня подъ картиной какой-то нимфы, работы своего отца, онъ подстригъ мои волосы „въ скобку", какъ у рабочихъ, а шею подъ „скобкой" начисто выбрилъ отцовской бритвой. Потомъ намазалъ мнѣ волосы постнымъ масломъ и расчесалъ ихъ съ прямымъ проборомъ на обѣ стороны.

Въ этомъ костюмѣ и видѣ я тотчасъ же явился въ нашу сапожную мастерскую и, ранѣе, чѣмъ окружающіе успѣли опомниться, заявилъ имъ прямо:

— И я рѣшилъ тоже идти въ народъ!

Алексѣева, сидѣвшая посреди остальныхъ на деревянномъ обрубкѣ и разсмѣявшаяся сначала при видѣ моего переодѣванія, взглянула на меня при этихъ словахъ какъ-то особенно, и мнѣ показалось, что на лицѣ ея выразился испугъ... Но

тотчасъ же вспомнивъ про свои убѣжденія, она встала и, протягивая мнѣ обѣ руки, сказала:

— Какъ это хорошо съ вашей стороны!

Остальные всѣ тоже повскакали со своихъ мѣстъ. Санька Лукашевичъ первый, осмотрѣвъ меня со всѣхъ сторонъ съ критическимъ видомъ знатока, вдругъ разсмѣялся и сказалъ:

— Чортъ знаетъ что такое! Взглянешь сзади—настоящій рабочій, а взглянешь спереди—переодѣтая мужичкомъ актриса.

Я тоже смѣялся и повертывался во всѣ стороны, давая разсмотрѣть свой костюмъ во всѣхъ подробностяхъ. Затѣмъ я сейчасъ же выбралъ себѣ колодку и кожу и, подъ руководствомъ нашего „мастера", съ величайшимъ усердіемъ принялся вставлять щетину въ дратву и шить свой первый крестьянскій башмакъ.

О только что розданномъ имуществѣ и обо всемъ пережитомъ мною въ эти дни я никому ничего не сказалъ.

IV.

Первое путешествіе въ народъ.

ПРОШЛО три недѣли. Апрѣль кончался. Работы въ мастерской продолжались ежедневно, пока не начинало смеркаться. Онѣ смѣнялись времяотъ времени разговорами, пѣніемъ „Бурнаго потока" и множества другихъ пѣсенъ, которыя знала Алексѣева, учившаяся послѣ института еще въ консерваторіи, и звонкій ея голосъ будилъ эхо во всѣхъ углахъ. По временамъ всѣ пѣли хоромъ:

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумитъ оно.
Въ роковомъ его просторѣ
Много бѣдъ погребено.
Смѣло жъ, братья, вѣтромъ полный
Парусъ мой направилъ я,
Разсѣчетъ сѣдыя волны
Быстрокрылая ладья!
Облака бѣгутъ надъ моремъ,

Крѣпнетъ вѣтеръ, зыбь чернѣй,
Будетъ буря!—Мы поспоримъ
И поборемся мы съ ней!

И когда доходили до куплета:

Тамъ, за далью непогоды,
Есть блаженная страна;
Не темнѣютъ неба своды,
Не проходитъ тишина!..
Но туда выносятъ волны
Только сильнаго душой,—

мое сердце такъ и прыгало отъ радости.

Пѣли по временамъ и пѣсни юмористическаго характера, какъ, напримѣръ, извѣстную бурлацкую „Дубинушку", передѣланную Ельцинскимъ на радикальный манеръ и вызывавшую всегда взрывы смѣха.

Успѣхи большинства въ работѣ оказались совсѣмъ не блестящими, далеко ниже средняго уровня. Многіе, при первомъ предлогѣ къ разговору, оставляли, не замѣчая того, свои колодки и предавались, вмѣсто работы, спорамъ о грядущемъ общественномъ строѣ, основанномъ на равенствѣ, братствѣ и свободѣ, или обсужденію своей будущей дѣятельности. Замѣтивъ черезъ нѣкоторое время, что они ровно ничему не научились, многіе начали

разочаровываться въ самомъ предметѣ и говорили:

— Къ чему намъ учиться шить сапоги и башмаки, когда весь народъ ходитъ босой или въ лаптяхъ? Не лучше ли идти туда въ видѣ странниковъ или простыхъ чернорабочихъ?

— Совершенно вѣрно, — отвѣчали другіе.—Что общаго имѣетъ шитье сапогъ съ революціей?

— Своимъ ремесломъ, — прибавляли третьи, — мы только отобьемъ хлѣбъ у настоящихъ мастеровъ.

Впереди всѣхъ въ работахъ шелъ я, затѣмъ Алексѣева, старавшаяся не отставать отъ меня. Всѣ остальные были далеко позади въ сравненіи съ нами двоими. Наконецъ, я сдѣлалъ для Алексѣевой маленькіе полубашмачки изъ козловой кожи, и, когда она ихъ надѣла и стала съ торжествомъ всѣмъ показывать, Кравчинскій, работавшій нѣсколько лучше другихъ и давно замѣтившій, что изъ нашего сапожнаго предпріятія ничего не выйдетъ, сказалъ съ торжественностью, разводя руками:

— Послѣ этого намъ уже нечему учиться! Пора закрывать мастерскую!

Это и было сдѣлано. Мои полубашмачки оказались единственнымъ произведеніемъ, попавшимъ изъ нашей мастерской на человѣческую ногу.

Тѣмъ временемъ я жилъ, какъ птица небесная, не имѣя ничего своего и никакого опредѣленнаго мѣстопребыванія.

Я ночевалъ большей частью въ квартирѣ Алексѣевой, въ томъ самомъ памятномъ залѣ, куда меня привели въ первый разъ. Я спалъ тамъ на стульяхъ или на коврѣ посреди комнаты, одѣваясь, вмѣсто одѣяла, своей рабочей чуйкой и подкладывая подъ голову что попало. Вмѣстѣ со мной постоянно ночевали тутъ же Саблинъ, Кравчинскій, иногда Шишко и очень часто еще пять-шесть человѣкъ постороннихъ, направлявшихся изъ Петербурга въ народъ и не успѣвшихъ почему-либо найти другую квартиру. Алексѣева спала въ своемъ альковѣ, прилегавшемъ къ этой комнатѣ и отдѣленномъ отъ нея только драпировками, которыя она тщательно соединяла вмѣстѣ. Иногда мы, лежа на своемъ полу и стульяхъ, чуть не до разсвѣта дебатировали съ ней, уже улегшейся въ по-

стель, различные общественные или религіозные вопросы.

Если бы кто-нибудь сдѣлалъ въ это время на нее доносъ и насъ всѣхъ накрыли бы въ этой квартирѣ, то прокуроры и жандармы немедленно сдѣлали бы, конечно, изъ своей находки такой скандалъ на всю Россію, какого еще никогда не бывало. А между тѣмъ, по отношенію къ общепринятой въ современномъ обществѣ и доставшейся намъ въ наслѣдство отъ древнихъ христіанскихъ монаховъ морали, ни одна турчанка въ своемъ гаремѣ, подъ защитой десятка евнуховъ, не была въ большей безопасности, чѣмъ эта молодая и одинокая женщина, подъ нашимъ покровительствомъ.

Конечно, мы не были гермафродиты, и семейные инстинкты и влеченія, безъ которыхъ человѣкъ, будь онъ мужчина или женщина, становится простымъ нравственнымъ и физическимъ уродомъ, были и у насъ, какъ у всѣхъ нормально развитыхъ людей. Но идейная сторона совершенно обуздывала у насъ физическую. Въ это время мы всѣ сознавали себя людьми обреченными на гибель, и семейная жизнь

съ ея радостями казалась созданною не для насъ.

Когда я мысленно заглядываю въ этотъ періодъ своей жизни, я нахожу среди окружавшихъ меня лицъ не одну влюбленную парочку, и большинство изъ нихъ, въ концѣ концовъ, завершали свои влюбленныя отношенія бракомъ. Природа рано или поздно брала верхъ надъ убѣжденіями. Но конфликтъ между разумомъ и сердцемъ часто завершался совершенно оригинальнымъ образомъ. Влюбленная парочка попрежнему держалась мнѣнія, что супружеское счастье не для нея, но она сознавала, что ея будущее, очевидно, было страшно хрупко. Первый доносъ политическаго врага или простая болтовня какого-либо малодушнаго пріятеля — и оба влюбленные окажутся надолго разлученными другъ съ другомъ тюрьмой или ссылкой.

Необходимо было имѣть возможность навѣщать другъ друга въ заключеніи или сопровождать другъ друга въ ссылку и на каторгу. И вотъ, хотя ни тотъ ни другая не вѣрили въ церковныя таинства и отъ всей души ненавидѣли всякое притворство и лицемѣріе, оба рѣшали

обратиться къ священнику, чтобы повѣнчаться такъ называемымъ фиктивнымъ бракомъ, т.-е. быть по внѣшности мужемъ и женой, но оставаться на дѣлѣ въ братскихъ отношеніяхъ. Этотъ способъ брака казался особенно удобнымъ еще и тѣмъ, что устранялъ для робкихъ трудность предварительнаго объясненія въ любви.

Въ результатѣ же всегда происходило то, что послѣ нѣсколькихъ недѣль „фиктивнаго" сожительства парочка оказывалась въ настоящихъ супружескихъ отношеніяхъ.

Я разсказываю здѣсь всю свою жизнь съ ея радостями и печалями, съ успѣхами и неудачами, и это не потому, чтобъ я придавалъ ей особенно важное значеніе. Моя цѣль другая. Мнѣ хотѣлось бы описать внутреннюю, интимную, идеалистическую сторону революціоннаго движенія въ Россіи и его романтическую подкладку, притягивавшую къ нему съ непреодолимой силой всякую живую душу, приходившую въ соприкосновеніе съ его безкорыстными дѣятелями.

Конечно, въ движеніи этомъ участвовали люди всевозможныхъ характеровъ. Отличительными чертами одинхъ была скром-

ность и самотверженность, у другихъ обнаруживались и честолюбивыя черты, послѣ перваго періода безкорыстнаго увлеченія. Одни сознательно обрекали себя на гибель, а другіе надѣялись на успѣхъ и даже мечтали о выдающейся роли въ новомъ строѣ жизни. Но всѣ въ общемъ жили той же самой жизнью, какъ и я, а потому, разсказывая о себѣ, я этимъ самымъ даю характеристику интимной жизни очень многихъ, по крайней мѣрѣ тѣхъ, къ кому я былъ особенно близокъ.

У большинства моихъ товарищей того времени не было честолюбія и потому всякое главарство казалось намъ очень не симпатичнымъ.

— Зачѣмъ я буду посылать другихъ на всевозможныя опасныя и героическія дѣла, когда самъ могу въ нихъ участвовать?— думалось мнѣ часто въ этотъ періодъ времени, и я никакъ не могъ представить себѣ иного отношенія къ дѣлу.

Когда, послѣ закрытія мастерской, мнѣ предложили, въ виду незаподозрѣнности моего положенія и большихъ знакомствъ, остаться на лѣто вмѣстѣ съ Алексѣевой въ

 Москвѣ для того, чтобы мы могли служить

центромъ, черезъ который всѣ остальные, ушедшіе въ народъ, могли бы сноситься другъ съ другомъ, я началъ отбиваться отъ этой перспективы и руками, и ногами.

— Ни за что не останусь ни недѣли, — говорилъ я. — Если нельзя идти съ кѣмъ-либо изъ васъ, я все равно уйду одинъ...

Увидѣвъ, что мое рѣшеніе идти въ народъ неизмѣнно, меня придумали отправить въ Даниловскій уѣздъ, въ имѣніе помѣщика Иванчинъ-Писарева, гдѣ больше года уже велась пропаганда въ деревнѣ. На это я сейчасъ же согласился и, совершенно того не подозрѣвая, попалъ на самое крупное и самое успѣшное изъ всѣхъ предпріятій пропаганды среди крестьянъ. Ничего подобнаго не было ни до, ни послѣ этого, во все время движенія семидесятыхъ годовъ.

Въ первыхъ числахъ мая мы съ Саблинымъ уже мчались по Ярославской желѣзной дорогѣ и, пересѣвъ на Вологодскую, высадились на станціи Дмитріевской. Мы были одѣты въ рабочіе костюмы, съ крестьянскими паспортами въ карманахъ. Помню, что во все время пути меня особенно безпокоила мысль, какъ бы мнѣ не забыть

своего имени, какого-то Семена Вахрамѣева, если не ошибаюсь. Однако, все прошло благополучно, и при всѣхъ вопросахъ „какъ тебя зовутъ?", случившихся во время дороги раза три или четыре, я, ни мало не колеблясь, отвѣчалъ:

— Семенъ Вахрамѣевъ!

Саблинъ же, отличавшійся большой склонностью къ комизму, все время пути балагурилъ съ сосѣдями и разсказывалъ имъ о нашей жизни и работахъ въ Москвѣ всевозможныя небылицы. Когда, нанявши телѣжку на станціи, мы подъѣзжали черезъ часъ или полтора къ помѣщичьей усадьбѣ „Потапово", лежавшей особнякомъ на опушкѣ еловаго лѣса и еще издали указанной намъ возницей, какъ мѣсто нашего назначенія, Саблинъ до того развеселилъ этого сѣренькаго деревенскаго мужичка всевозможными юмористическими замѣчаніями и прибаутками, что тотъ, то и дѣло, хватался за ободокъ телѣги, чтобы не свалиться съ нея отъ смѣха.

— Небось, шибко жиренъ вашъ баринъ?—спрашивалъ Саблинъ.

— Не-е!—отвѣчалъ нашъ возница, заливаясь смѣхомъ.—Баринъ хорошій, тонкій.

— Вишь-ты, обѣщалъ намъ важный заработокъ. Не знаемъ только, не надуетъ ли.

— Нѣтъ, этотъ не надуетъ. Зачѣмъ надувать.

Прибытіе наше было объяснено ему тѣмъ, что баринъ, нуждаясь въ хорошихъ

мастерахъ для обученія крестьянъ въ устроенныхъ имъ столярныхъ мастерскихъ, послалъ за нами въ Москву и обѣщалъ намъ хорошій заработокъ.

На крыльцѣ усадьбы насъ встрѣтилъ
 бѣлокурый человѣкъ, лѣтъ двадцати пяти,

въ сѣромъ пиджакѣ, съ небольшой рыжеватой бородкой. Это и былъ Иванчинъ-Писаревъ.

Онъ весело поздоровался съ нами, какъ со знакомыми, такъ какъ его уже предупредили объ нашемъ пріѣздѣ письменно, затѣмъ ввелъ въ гостиную, убранную очень просто, и представилъ своей женѣ, тоже бѣлокурой молодой женщинѣ маленькаго роста съ веснушками на лицѣ.

Затѣмъ, осмотрѣвъ наши особы и платье, онъ засмѣялся и сказалъ:

— Это, господа, здѣсь не годится! Васъ всѣ узнаютъ съ перваго же взгляда, потому что у меня многіе изъ крестьянъ слышали, что студенты идутъ въ народъ. Нужно переодѣться въ обычное платье!

— Но у меня уже нѣтъ никакого другого, — отвѣтилъ я.

— Это пустяки! — возразилъ онъ. — Мы почти одинаковаго роста, и у меня найдется достаточно лишняго платья.

И вотъ мы пошли въ его спальню, гдѣ я снова превратился почти въ то самое, чѣмъ я былъ ранѣе. Только чистить мнѣ сапоги и платье было уже некому, кромѣ меня самого, потому что за исключеніемъ

кухарки, горничной и работника по хозяйству, въ усадьбѣ не было никакой прислуги. Такое же обратное переодѣваніе Писаревъ сдѣлалъ, къ моему облегченію, и съ Саблинымъ.

— Напрасно думаютъ, — говорилъ онъ при этомъ,—что для дѣятельности въ народѣ нужно непремѣнно переодѣваться мужикомъ. Въ своей средѣ крестьяне слушаютъ съ уваженіемъ только стариковъ, да отцовъ семейства. Если молодой, неженатый и особенно безбородый человѣкъ начнетъ проповѣдывать въ ихъ средѣ новыя идеи, его только высмѣютъ и скажутъ: „что онъ понимаетъ? Яйца курицу не учатъ". Совсѣмъ другое, когда человѣкъ стоитъ нѣсколько выше ихъ по общественному положенію, тогда его будутъ слушать со вниманіемъ.

Эти идеи шли настолько въ разрѣзъ съ тѣмъ, что говорилось и дѣлалось вокругъ насъ въ столицахъ, что мы оба сначала не знали, что и подумать. Однако, очевидная справедливость этихъ словъ била мнѣ въ глаза и вполнѣ соотвѣтствовала тѣмъ представленіямъ, какія я составилъ себѣ о крестьянахъ того времени. При томъ же, не-

редъ нами былъ не теоретикъ революціонной пропаганды, а практикъ, уже болѣе года работавшій съ успѣхомъ въ народѣ.

— Нѣтъ ничего лучше положенія помѣщика средней руки, въ своемъ собственномъ имѣніи,—продолжалъ онъ разсуждать,—или писаря въ своей волости, или учителя, уже прожившаго нѣкоторое время время въ деревнѣ и заслужившаго довѣріе окружающихъ крестьянъ. Что же касается до этого, добавилъ онъ, показывая на мой новый костюмъ франтоватаго рабочаго, то такое платье самое удобное для нашей мѣстности. Здѣсь большинство уходятъ на заработки въ Петербургъ или Москву и возвращаются въ совершенно такомъ же видѣ. Ничто не мѣшаетъ вамъ надѣвать этотъ костюмъ по временамъ, когда будете ходить къ знакомымъ крестьянамъ въ гости. Но ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ выдавать себя здѣсь за простого чернорабочаго.

Чѣмъ больше говорилъ онъ, тѣмъ больше вырисовывался въ немъ человѣкъ очень практичный и способный импонировать людямъ, приходящимъ съ нимъ въ близкое соприкосновеніе. Моего отца, какъ обна-

ружилось сейчасъ же, онъ зналъ немного, по службѣ съ его отцомъ въ ополченіи.

Черезъ недѣлю пребыванія мы всѣ были уже на „ты".

Писаревъ тотчасъ же познакомилъ насъ съ земскимъ врачемъ Добровольскимъ и акушеркой Потоцкой, жившими въ большомъ селѣ Вятскомъ, за пять верстъ отъ Потапова, и занимавшимися той же самой революціонной дѣятельностью. Познакомилъ затѣмъ съ десяткомъ молодыхъ парней своей столярной мастерской, перечитавшихъ уже всѣ печатавшіяся для народа за границей книги и выражавшихъ революціонерамъ свое полное сочувствіе, и, наконецъ, сводилъ въ ближайшія деревни къ нѣкоторымъ семейнымъ крестьянамъ.

Одно изъ этихъ семействъ особенно выдавалось среди всѣхъ остальныхъ. Это былъ зажиточный домъ. Его составляли сѣдой старикъ-отецъ, съ величественнымъ патріархальнымъ видомъ, и при томъ грамотный и даже любитель чтенія, добродушная старуха-мать, двѣ дочери и два сына.

Невольное вниманіе обращали на себя второй сынъ, Иванъ Ильичъ, и его старшая сестра Елена. Иванъ Ильичъ былъ

сначала лавочникомъ въ селѣ Вятскомъ, гдѣ жилъ земскій врачъ, но, придя къ идеѣ, что торговая прибыль не есть справедливый доходъ, онъ оставилъ это занятіе.

Его сестра Елена, высокая и очень стройная дѣвушка, лѣтъ девятнадцати, съ задумчивыми карими глазами и доброй привѣтливой улыбкой, тоже была затронута надвигающейся цивилизаціей. Она получала изъ Потапова и читала всевозможныя книги, не только народныя, но и журналы и романы.

Ея разговоры и всѣ манеры обнаруживали интеллигентную дѣвушку, и все это еще болѣе оттѣнялось ея замѣчательной скромностью. Мнѣ казалось, что такова была моя собственная мать, когда она жила въ домѣ своего крестьянина-отца въ деревнѣ, и потому я былъ всегда удвоенно внимателенъ къ этой дѣвушкѣ. Съ ней и ея братомъ мы скоро очень подружились и постоянно бѣгали другъ къ другу повидаться.

Всѣ остальные адепты потаповскихъ пропагандистовъ были очень добродушные, побывавшіе въ столицахъ, парни, но не

представляли для меня особеннаго интереса, такъ какъ не было замѣтно въ нихъ той внутренней психической жизни и дѣятельности, которая отличаетъ интеллигентнаго человѣка отъ простого, первобытнаго. Никакіе отвлеченные и неразрѣшимые вопросы, повидимому, не волновали ихъ души, и въ теоретическихъ разговорахъ они соглашались сейчасъ, не спрашивая дальнѣйшихъ разъясненій, со всѣмъ тѣмъ, что мы имъ говорили, хотя бы это и находилось въ противорѣчіи съ предыдущимъ.

Романтическіе вкусы, которые я наблюдалъ въ большинствѣ молодыхъ революціонныхъ дѣятелей конца семидесятыхъ годовъ, сейчасъ же проявились и здѣсь.

— Надо пріучаться къ жизни въ лѣсахъ, — сказалъ, черезъ нѣсколько дней, пріѣхавшій туда Ельцинскій. — Пойдемъ на ночь въ лѣсъ, заберемся въ самую глушь и переночуемъ у костра.

— Мы уже не разъ дѣлали это, — сказала Писарева и добавила, нѣсколько прозаически:

— И всегда пекли подъ костромъ картофель.

Она сейчасъ же поспѣшила въ кухню, набрала въ салфетку сырого картофеля, соли, масла и чернаго хлѣба. Вооружившись всѣмъ холоднымъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ, какое только оказалось въ усадьбѣ, мы, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, всѣ отправились въ самую глубину ближайшаго большого лѣса. Черезъ нѣсколько минутъ по приходѣ на небольшую лѣсную полянку картофель былъ слегка зарытъ въ землю, и огромный костеръ изъ натасканнаго нами хвороста пылалъ надъ нимъ своими красными языками пламени.

Большинство изъ насъ разлеглось около него, и начало обсуждать проекты будущихъ заговорщицкихъ предпріятій или разсказывать свои прежнія ночевки въ лѣсахъ и всякія приключенія. Я же прилегъ въ отдаленіи и съ восторгомъ наблюдалъ, какъ красиво блестѣли синеватыми отливами стволы трехъ или четырехъ ружей, прислоненныхъ къ окружающимъ высокимъ елямъ, и какъ на фонѣ непроглядной безлунной ночи, окружавшей освѣщенное пространство вокругъ костра, рѣзко и фантастично выдѣлялись живописныя фигуры моихъ новыхъ товарищей, съ кото-

рыми мнѣ предстояло итти въ борьбу за свободу, на жизнь и смерть. Нѣсколько звѣздочекъ смотрѣли на насъ съ высоты небесъ между вершинами деревьевъ и какъ будто говорили о насъ между собою. Таинственный мракъ рѣзко ограничивалъ собою освѣщенные половины головъ и плечь у сидящихъ напротивъ меня, и мнѣ невольно казалось, что они сливаются съ окружающей ихъ ночью въ одно неразрывное цѣлое.

Ельцинскій поднялъ съ земли еловую вѣтку и, полуоборотившись ко мнѣ, сказалъ:

— Вотъ, мы жжемъ эти вѣтки. А между тѣмъ, сколько въ каждой изъ нихъ удивительнаго! Каждая вѣтка выростаетъ такой, какой она должна быть у ели, а не какъ у березы, или сосны. Каждая оканчиваетъ свой ростъ, когда достигнетъ надлежащей величины, а затѣмъ отсыхаетъ и вмѣсто нея выростаютъ новыя, такія же. Развѣ это не чудесно?

И вдругъ я понялъ, что и у него въ душѣ—та же самая любовь къ природѣ, и мнѣ захотѣлось броситься на шею этому новому товарищу, котораго я считалъ до

 сихъ поръ исключительно занятымъ еще

новыми для меня общественными вопросами.

Но я, какъ это почти всегда бывало со мною, сдержалъ свой порывъ, и онъ его не замѣтилъ, какъ не замѣчали и другіе въ подобныхъ случаяхъ. И вотъ теперь я часто упрекаю себя за подобную сдержанность... Я не разъ замѣчалъ ее и у другихъ! И мнѣ часто приходитъ въ голову такая мысль: не лучше ли намъ быть совсѣмъ экспансивными въ своихъ добрыхъ и дружескихъ порывахъ и сдерживать себя по принципу во всѣхъ дурныхъ? А между тѣмъ сколько людей поступаютъ какъ разъ наоборотъ и этимъ отравляютъ жизнь и себѣ, и другимъ!

Несмотря на мое обратное превращеніе въ „барина" (хотя о томъ, кто я такой, знали лишь немногіе избранные), я сейчасъ же снова началъ переодѣваться въ свое рабочее платье и принимать участіе въ жизни окружающихъ крестьянъ и ихъ работахъ. Мнѣ не столько хотѣлось проповѣдывать новыя общественныя и политическія идеи, сколько изучать народныя массы, войти лично въ ихъ трудовую

жизнь и опредѣлить, наконецъ, самому, дѣйствительно ли крестьянство можетъ оказать интеллигенціи какую-либо помощь въ ея трудной борьбѣ за свѣтъ и свободу.

Еще съ первыхъ дней своего пребыванія я попробовалъ пахать съ однимъ крестьяниномъ и занимался этимъ дня два, послѣ чего лѣвая рука, оттянутая сохой, заболѣла у меня такъ сильно, что я долженъ былъ прекратить свое земледѣліе. Я быстро выучился косить траву, поставлялъ ее ежедневно для двухъ нашихъ коровъ, и каждое утро рубилъ дрова для кухни. Потомъ я крылъ крыши соломой на крестьянскихъ избахъ вмѣстѣ съ Иваномъ Ильичемъ, и положеніе на высотѣ мнѣ чрезвычайно нравилось въ этой работѣ.

Въ Потаповѣ начали даже добродушно подшучивать надъ такимъ моимъ усердіемъ.

— Аннушка видѣла, какъ онъ тайно ходитъ къ рѣчкѣ, обливаетъ себѣ лицо водой и ложится затѣмъ на солнечномъ припекѣ, чтобы жаръ ободралъ ему кожу и сдѣлалъ его болѣе похожимъ на мужика, — говорилъ обо мнѣ Писаревъ, шутливо поглядывая на меня за чаемъ.

— А я видѣлъ — добавилъ Саблинъ, съ самымъ серьезнымъ видомъ, — какъ онъ, сидя на крыльцѣ, третъ свои ладони о ступени для того, чтобы онѣ сдѣлались жесткими.

Это несерьезное, какъ мнѣ казалось, отношеніе къ дѣлу сильно меня огорчало, но я ясно видѣлъ, что ко мнѣ лично они всѣ относятся очень хорошо и что эти шутки объясняются лишь веселымъ характеромъ моихъ новыхъ товарищей.

Особенная склонность къ своеобразному балагурству проявлялась у Саблина, любившаго во время серьезнаго разговора пускать постороннія остроты, сбивавшія разговаривавшихъ съ первоначальной темы. Его остроты не всегда были очень высокой пробы, какъ обыкновенно случается, когда люди шутятъ ежедневно. Это были большею частью каламбуры въ родѣ, напримѣръ, неожиданнаго замѣчанія, что слово либералъ происходитъ отъ того, что какой-то нѣмецъ Либъ на одномъ собраніи чревычайно много оралъ. Всѣ смѣялись, принимались разбирать, какимъ образомъ несходящаяся гласная *о* могла перейти въ *е*, и разговоръ перескакивалъ

на новый предметъ раньше окончанія прежняго.

Все это мнѣ казалось не соотвѣтствующимъ серьезности нашего положенія борцовъ за свободу, добровольно обрекшихъ себя на гибель. Я былъ тогда еще слишкомъ молодъ для того, чтобы понять, что можно приносить себя въ жертву и съ видомъ беззаботности. Но я уже и тогда угадывалъ инстинктомъ, что подъ этой напускной внѣшностью вѣчно шутящаго человѣка скрывалась у Саблина, глубоко преданная дѣлу и любящая душа.

Мало-по-малу передо мною стало выясняться положеніе дѣла въ этой мѣстности, и его результаты постепенно начали принимать въ моихъ глазахъ все болѣе и болѣе грандіозные размѣры. Десятокъ рабочихъ-крестьянъ, съ которыми я познакомился, жили по различнымъ деревнямъ волости и служили какъ бы опорными пунктами для проведенія въ народъ новыхъ общественныхъ и политическихъ идей.

Для одного изъ нихъ Писаревъ выхлопоталъ у начальства разрѣшеніе быть книгоношей, т.-е. ходячимъ продавцемъ по деревнямъ народныхъ изданій. Вверху

его короба лежали различныя божественныя книжки, а внизу—революціонныя воззванія къ народу и брошюры, издаваемыя для народа заграницей. Тамъ были всѣ запрещенныя изданія, разносившіяся пропагандистами въ это лѣто и въ другихъ мѣстахъ Россіи. Изъ нихъ интеллигенціи (а не крестьянамъ) больше всѣхъ нравилась „Сказка о четырехъ братьяхъ", гдѣ разсказывалось, какъ четыре брата-крестьянина, родившіеся въ глухомъ лѣсу и потому жившіе все время по природѣ, не зная ни начальства, ни привилегированныхъ лицъ, вдругъ вышли изъ этого лѣса и съ удивленіемъ увидѣли новый, совершенно непонятный для нихъ общественный и политическій строй. Они пошли на четыре разныя стороны Россіи для того, чтобы познакомиться съ этимъ удивительнымъ для нихъ образомъ жизни, и начали уговаривать народъ возвратиться къ „первобытной справедливости", но всѣ попали за это въ руки властей и встрѣтились по Владимірской дорогѣ въ кандалахъ на пути въ Сибирь.

Въ народѣ, какъ я замѣтилъ, эта сказка да и вообще всѣ произведенія въ сказоч-

номъ тонѣ, производили менѣе впечатлѣнія, чѣмъ прямыя обращенія, въ родѣ прокламаціи Шишко, начинавшейся словами: „Чтой-то, брацы, плохо живется народу на святой Руси!“ Кромѣ этихъ произведеній разносились изъ Потапова сборники революціонныхъ стихотвореній, передѣлки общеизвѣстныхъ народныхъ пѣсенъ на революціонный ладъ, чѣмъ особенно занимался Елыцинскій, и брошюрки псевдо-религіознаго содержанія, въ родѣ сказки о Николаѣ Чудотворцѣ, возмутившемся (кажется, уже на небѣ) совершающимися на землѣ несправедливостями и отправившимся на нее проповѣдывать революцію. Меня особенно смѣшило тогда, что на внутренней сторонѣ обложекъ у всѣхъ такихъ изданій было напечатано:

„Одобрено цензурой“.

А на книжкахъ псевдо-религіознаго содержанія, въ родѣ Николая Чудотворца:

„Съ благословенія Святѣйшаго Сѵнода“.

Всѣ эти книги распространялись книгоношей въ значительномъ числѣ по всему уѣзду. Остальные „избранные“ изъ крестьянъ проповѣдывали по своимъ деревнямъ

и старались сдѣлаться центрами отдѣльныхъ кружковъ деревенской молодежи.

На лугу передъ усадьбой были выстроены различныя качели и карусели, вмѣстѣ съ приспособленіями для гимнастическихъ упражненій и даже домашней музыкой. Благодаря такимъ приманкамъ, каждое воскресенье собиралась въ Потаповѣ вся деревенская молодежь изъ окрестностей, человѣкъ до пятисотъ и болѣе. Вездѣ кругомъ пѣли пѣсни, водили хороводы. Молодые парни качали на каруселяхъ деревенскихъ дѣвицъ, и все было поставлено вольно, безъ стѣсненія.

Когда Писаревъ и Саблинъ замѣшивались по временамъ въ эту огромную толпу со своими шутками и веселыми разсказами, то мѣсто ихъ нахожденія всегда легко было опредѣлить по неумолкаемымъ взрывамъ хохота. Настоящей пропаганды здѣсь избѣгали, но эти сборища служили прекраснымъ способомъ для завязыванья знакомствъ, и потому потаповская колонія пропагандистовъ ими особенно дорожила. Передѣлки же народныхъ пѣсенъ, гдѣ осмѣивались власти и самодержавные порядки, и весь остальной запрещенный во-

кально - музыкальный репертуаръ были здѣсь пущены въ полный ходъ.

Съ особеннымъ воодушевленіемъ пѣла толпа извѣстный революціонный варьянтъ приволжской бурлацкой „дубинушки“. Среди общаго смѣха и гула такъ и гремѣли ея куплеты:

Ой, ребята, плохо дѣло!
Наша барка на мель сѣла!

. . . нашъ бѣлый кормщикъ пьяный!
Онъ завелъ насъ на мель прямо!

Чтобы барка шла ходчѣе,
Надо кормщика въ три шеи.
. . . .

И каждый куплетъ стоголосая толпа сопровождала обычнымъ припѣвомъ:

Ой, дубинушка, ухнемъ,
Ой, зеленая, сама пойдетъ, подернемъ, подернемъ, да ухнемъ!

Такія задирательныя противоправительственныя пѣсни особенно соотвѣтствовали народному вкусу и вызывали въ крестьянской публикѣ неудержимый смѣхъ. Онѣ тотчасъ заучивались и разносились присутствовавшими далѣе по деревнямъ. Какъ далеко это распространялось, было трудно

даже опредѣлить. Только неожиданностью для провинціальныхъ властей движеніе въ народъ и объяснилось то обстоятельство, что на все это въ продолженіе почти двухъ лѣтъ не обращали никакого вниманія.

Въ тотъ моментъ, когда мы съ Саблинымъ пріѣхали въ Потапово, главная работа въ этой мѣстности казалась совершено законченной. Черезъ двѣ или три недѣли пребыванія мнѣ стали уже закрадываться въ душу вопросы:

— Для чего же живу здѣсь я? Что могу я прибавить къ тому, что уже сдѣлано?

Семейныя воспоминанія и все, что было пережито мной при рѣшеніи идти въ народъ, стали пробуждаться въ душѣ съ новой силой.

— Оправдывается ли этой моей жизнью все то горе, которое я причинилъ у себя дома? Вѣдь, можетъ быть, въ это самое мгновеніе и мать моя, и всѣ другіе воображаютъ обо мнѣ всевозможные ужасы, а я живу здѣсь, какъ ни въ чемъ не бывало, почти такъ же, какъ и у нихъ въ Боркѣ!

Романтическая сторона моей природы, жаждущая опасностей и приключеній и

побуждавшая меня пойти въ это движеніе въ надеждѣ попасть прямо въ партизанскую войну,—если не войну народа, то тѣхъ, которые въ него пошли,—снова заговорила. Если всѣ пустились въ такую подготовительную работу, то никакой партизанской войны не будетъ много лѣтъ. Кругомъ разсуждаютъ лишь о томъ, какъ каждый подготовитъ нѣсколько человѣкъ, а эти, въ свою очередь, еще нѣсколько и такъ далѣе до безконечности! А я еще никого не подготовилъ...

Писаревъ спросилъ меня однажды:

— Какъ ты думаешь, скоро ли будетъ революція?

— Не знаю!—отвѣтилъ я ему печально.— Можетъ быть, лѣтъ черезъ десять, а можетъ быть, и болѣе.

— Ну, нѣтъ! — отвѣчалъ онъ. — Болѣе, чѣмъ на четыре года, я не согласенъ.

Съ этимъ крайнимъ срокомъ мирились и остальные. Но о томъ, что революція можетъ случиться въ этомъ самомъ году, никому не приходило въ голову.

Въ одинъ прекрасный день, не выдержавъ далѣе этой праздной жизни, потому
 что бѣганіе по избамъ крестьянъ, болтов-

ня о будущей дѣятельности и работа съ крестьянами перестали меня удовлетворять, я прямо сказалъ всѣмъ за утреннимъ чаемъ:

— Я чувствую, что дѣла стоятъ здѣсь уже на прочной ногѣ. Для новыхъ лицъ не останется достаточной работы. Уйду на Волгу въ бурлаки.

Сначала всѣ приняли это за простое размышленіе и разсмѣялись, стараясь вообразить мою фигуру въ такой новой роли. Потомъ, увидѣвъ, что я дѣйствительно не удовлетворяюсь своей жизнью при чужомъ дѣлѣ, Писаревъ вдругъ уѣхалъ куда-то на нѣсколько часовъ и, возвратившись, сказалъ:

— Ну, я тебя устроилъ. Въ двѣнадцати верстахъ отсюда есть деревня Коптево, въ совершенно глухой мѣстности, посреди болотъ и лѣсовъ и наполненная старовѣрами. Думаю, что это какъ разъ придется тебѣ по вкусу. Тамъ у меня есть знакомый кузнецъ, и онъ согласенъ взять тебя ученикомъ. Я сказалъ ему, что ты сынъ крестьянина, московскаго дворника, выросъ въ столицѣ и учился три года въ городскомъ училищѣ, но этой весной твои родители

внезапно умерли отъ тифа, оставивъ тебя безъ всякихъ средствъ къ существованію, и что тебѣ особенно хочется выйти въ кузнецы.

Это мнѣ понравилось. „Въ такомъ положеніи, думалъ я, мнѣ можно будетъ, по крайней мѣрѣ, узнать, что же такое представляетъ изъ себя этотъ народъ? Если вести пропаганду и лучше въ привилегированномъ положеніи, то изучать народъ несравненно удобнѣе въ видѣ простого рабочаго. Не будутъ, по крайней мѣрѣ, сейчасъ же соглашаться со всѣмъ, что я говорю, въ то время какъ, можетъ быть, въ душѣ думаютъ совсѣмъ другое".

На другой день меня привезли по назначенію, въ моемъ рабочемъ костюмѣ и въ расшитыхъ сапогахъ, но только уже безъ жилета съ бубенчиками, который не требовался и въ этой глухой мѣстности. Былъ также и запасъ запрещенныхъ изданій въ моемъ дорожномъ мѣшкѣ.

Насъ встрѣтилъ почтенный старикъ, кузнецъ, съ длинной, полусѣдой бородой, и старая женщина, его жена, спокойныя и привѣтливыя манеры которой внушали невольное уваженіе. Отрекомендовавъ меня,

какъ будущаго ученика, Писаревъ попросилъ готовить для меня, какъ избалованнаго столичной жизнью, какое-нибудь дополнительное блюдо на его счетъ, въ родѣ, напримѣръ, яичницы на молокѣ. А затѣмъ, потолковавъ съ ними о безразличныхъ

предметахъ съ четверть часа, онъ уѣхалъ обратно, оставивъ меня одного.

Старикъ и старуха повели меня прежде всего въ небольшую „лѣтнюю избу“, или клѣть, построенную въ нѣсколькихъ ша-

гахъ отъ ихъ избы, на задворкахъ деревни, и разгороженную сѣнями на двѣ комнаты. Въ обѣихъ царилъ полумракъ, такъ какъ, вмѣсто оконъ, въ нихъ было продѣлано между двухъ смежныхъ бревенъ лишь одно отверстіе, которое можно было заклеить полулистомъ писчей бумаги. Оно затыкалось на случай нужды деревяннымъ засовомъ.

На полу въ углу лежала куча сѣна. Никакой мебели не было.

— Вотъ здѣсь ты будешь жить лѣто, пока тепло,—сказалъ мнѣ кузнецъ,—а въ другой горницѣ ночуетъ нашъ сынъ.

Я положилъ свой мѣшокъ въ уголъ, и хозяева ушли, сказавъ:

— На работу тебя возьмутъ завтра, а теперь тебѣ можно отдохнуть.

Черезъ полчаса пришелъ ко мнѣ ихъ сынъ, помощникъ кузнеца, уже женатый мужичокъ, съ русой бородкой, и, поздоровавшись со мной за руку, повелъ меня обратно въ главную избу обѣдать со всѣмъ семействомъ. Прежде, чѣмъ сѣсть за столъ, я началъ по обязательному крестьянскому обычаю креститься и кланяться вмѣстѣ съ другими на иконы.

Я уже думалъ, что исполнилъ все требуемое отъ меня новымъ міромъ, но это оказалось не вѣрно. Я забылъ, что находился у старовѣровъ.

— Щепотью крестишься, милый! Какъ соль берешь! Не такъ! сказала мнѣ старуха, подойдя ко мнѣ со спокойнымъ достоинствомъ, по окончаніи молитвы.

И, сложивъ мою руку такимъ образомъ, чтобы указательный и средній палецъ были рядомъ вытянуты впередъ, какъ если бы я указывалъ ими на кого-нибудь, она сжала всѣ остальные мои пальцы въ кулакъ и заставила меня перекреститься три раза этимъ новымъ способомъ. Я охотно исполнилъ ея желаніе, такъ какъ мнѣ это было рѣшительно все равно, или, скорѣе, даже интересно, и съ тѣхъ поръ всегда сталъ креститься двумя перстами, по старовѣрски.

— Умѣешь что нибудь ковать? Спросилъ меня старикъ послѣ обѣда.

— Нѣтъ! Я только сапоги шить умѣю, да и то плохо.

— Чтожъ и сапоги дѣло хорошее. Пригодится. Вотъ теперь и ковать выучишься. — Онъ началъ распрашивать меня на-

счетъ „потаповскихъ господъ“, но изъ осторожности я на первый разъ отвѣчалъ уклончиво, сказавъ только:

— Они стоятъ за нашего брата противъ начальства.

Раннимъ утромъ на слѣдующій день мы принялись уже за работу въ маленькой закоптѣлой кузницѣ при дорогѣ у въѣзда въ деревню. Меня начали обучать дѣлать гвозди. Въ остальное время пришлось раздувать мѣхи у горна и совершать другія незначительныя вспомогательныя работы.

Дѣло пошло такъ успѣшно, что кузнецъ остался чрезвычайно доволенъ мною и потомъ постоянно хвалилъ мое усердіе и способность къ работѣ. Впрочемъ, и было за что хвалить. Я относился къ работѣ съ такой серьезностью, какъ будто отъ этого зависѣла моя жизнь. Однажды, когда мы сваривали шину, кусокъ раскаленнаго желѣза, величиной съ большую горошину, отскочилъ изъ-подъ молота и упалъ мнѣ за голенище сапога. Я почувствовалъ страшную боль въ ногѣ, когда онъ съ шипѣньемъ проникалъ мнѣ въ тѣло, но моя рука, бившая въ то время пяти-фунтовымъ молотомъ, не сдѣлала ни одного

невѣрнаго движенія. И только когда все было кончено, я быстро сбросилъ сапогъ, и изумленный кузнецъ увидѣлъ прожженное углубленіе на моей ногѣ величиной съ половину боба.

Въ первый же день моихъ работъ у входа въ кузницу собралась толпа народа, какъ будто по собственнымъ дѣламъ, толкуя между собой и лишь изрѣдка обращаясь къ намъ съ тѣмъ или другимъ вопросомъ.

Нѣкоторые присѣли по близости на различныхъ предметахъ, въ родѣ старыхъ колесъ, требовавшихъ обшивки шинами. Несмотря на это кажущееся невниманіе, было очевидно, что всѣ они собрались здѣсь поглазѣть на мою особу и обсудить ее потомъ между тобою.

Появленіе новаго человѣка, да при томъ столичнаго, было большимъ событіемъ въ этой глухой деревнѣ. Однако, въ виду того, что я не имѣлъ въ ихъ глазахъ никакого привилегированнаго положенія и, по ихъ мнѣнію, не могъ быть въ жизни ничѣмъ инымъ, какъ кузнецомъ, или мастеровымъ, ко мнѣ относились, какъ къ человѣку своего круга, не стѣсняясь. Въ

слѣдующіе же дни у меня начали завязываться и разговоры съ этой толпой, ежедневно собиравшейся въ извѣстные часы около кузницы.

Предметы разговоровъ были чрезвычайно разнообразны, но большей частью философскаго характера.

Разъ, одинъ изъ окружающихъ крестьянъ, пожилой мужичекъ, завелъ рѣчь о томъ, что телеграфистъ на ближайшей станціи желѣзной дороги говоритъ, будто Бога нѣтъ.

— Какъ вы думаете объ этомъ?—обратился онъ добродушно ко мнѣ (слово вы уже было занесено даже въ эту глухую мѣстность).

Очень заинтересованный узнать, что они сами думаютъ, я отвѣчалъ уклончиво:

— И въ Москвѣ говорятъ, будто нѣтъ, да не знаю, что и подумать? Говорятъ, будто никто никогда его не видалъ.

— И то правда, замѣтилъ одинъ,—никто никогда его не видалъ.

— А по моему,—вмѣшалась старуха, моя хозяйка, тоже присутствовавшая при разговорѣ,—есть онъ или нѣтъ, а молиться

 ему все же нужно, и по правиламъ, какъ

положено. Если его нѣтъ, немного времени пропадетъ, а если есть, то онъ за все воздастъ сторицею.

Съ этимъ сейчасъ же согласились всѣ.

Такія вѣянія времени, прорвавшіяся въ лѣсную глушь черезъ станцію желѣзной дороги, и оригинальное, чисто практическое отношеніе этихъ простыхъ людей къ своей религіи чрезвычайно меня поразили. Глядя на народъ сверху внизъ и наслушавшись въ интеллигенціи рѣчей, что не нужно затрагивать при сношеніяхъ съ крестьянами религіозныхъ вопросовъ изъ опасенія сразу возбудить ихъ противъ себя, я считалъ русскихъ крестьянъ, въ особенности раскольниковъ, очень нетерпимыми въ отношеніи вѣры, а потому спросилъ, помолчавъ немного:

А что же телеграфистъ, который говоритъ, что Бога нѣтъ, какой онъ человѣкъ?

— Хорошій человѣкъ! — отвѣчали мнѣ нѣсколько голосовъ:—такой простой да ласковый со всѣми!

Заходила рѣчь и о помѣщикахъ, и о начальствѣ. И здѣсь, въ качествѣ человѣка изъ простого сословія, я многое узналъ,

чего не могъ бы узнать въ другомъ положеніи.

Всѣ старые люди жаловались на новыя времена и говорили, что при помѣщикахъ было лучше. Молодежь же, едва помнившая крѣпостное право, поголовно относилась къ помѣщикамъ изъ дворянъ (конечно, исключая отдѣльныхъ, знакомыхъ имъ лицъ) наполовину враждебно, наполовину пренебрежительно. Особенно ясно подмѣтилъ я эту черту пренебреженія уже впослѣдствіи, когда мнѣ пришлось, получивъ порядочный навыкъ въ народной рѣчи и народныхъ правилахъ приличія, ходить въ народъ по Курской и Воронежской губерніямъ, а затѣмъ по Московской, Ярославской и Костромской.

Нигдѣ въ крестьянскомъ мірѣ уже не думали, что манифестъ 19 февраля 1861 года былъ подмѣненъ помѣщиками. Ничего подобнаго, по крайней мѣрѣ мнѣ, не приходилось слышать. Всѣ смотрѣли на него, какъ на пинокъ, данный царемъ дворянству по причинѣ какихъ-то таинственныхъ взаимныхъ несогласій („чѣмъ-то надоѣли ему“), но всѣ были недовольны, что царь не отобралъ земель цѣли-

комъ и даромъ, а назначилъ выкупъ и нѣкоторые были даже прямо враждебно настроены противъ самого царя...

— Что бы они могли съ нимъ подѣлать?—приходилось мнѣ слышать не разъ. —Баринъ-татаринъ ходитъ павлиномъ, а пни его хорошенько ногой, глядишь—и присмирѣетъ.

Этотъ періодъ пренебрежительнаго отношенія обусловливался, какъ мнѣ кажется, тѣмъ, что въ глазахъ народа дворяне, какъ классъ, потеряли всякій престижъ именно потому, что не сумѣли отстоять своего первоначальнаго положенія. Можетъ быть, я и ошибаюсь, но мнѣ всегда бросался въ глаза контрастъ въ отношеніяхъ болѣе молодыхъ крестьянъ къ помѣщикамъ, съ одной стороны, и къ мѣстной администраціи—съ другой. Къ первымъ, какъ я уже сказалъ, отношеніе было враждебно-пренебрежительное, а ко вторымъ -враждебно-боязливое.

— Что подѣлаешь, говорили мнѣ потомъ у дверей этой самой кузницы, на мои слова, что народу надо взять управленіе страною въ свои руки, какъ въ иноземныхъ государствахъ.—Что подѣлаешь? У

начальства сила, а у насъ всѣ врозь. Никто другого не поддержитъ, всѣ разбѣгутся.

И мнѣ невольно припомнился тотъ самый мужичокъ, который пустился бѣжать во всю прыть, когда я позвалъ его на помощь къ Шанделье, послѣ того, какъ его переѣхала тройка.

Я большею частью разсказывалъ имъ о порядкахъ правленія въ иностранныхъ государствахъ и какъ была добыта тамъ свобода. Это мнѣ казалось наиболѣе цѣлесообразнымъ средствомъ, потому что приходилось изображать не какой-нибудь еще неиспытанный проектъ, а уже существующій образецъ. Книжки распространять мнѣ совершенно не пришлось, такъ какъ вся деревня оказалась поголовно безграмотной, и въ слѣдующее же воскресенье я отнесъ обратно въ Потапово весь свой тюкъ, за исключеніемъ одного экземпляра каждаго изданія.

Болѣе другихъ сблизился я съ сыномъ моего кузнеца, тоже совершенно безграмотнымъ мужикомъ, но съ философскимъ оттѣнкомъ ума. Въ свободные часы онъ
 постоянно забѣгалъ ко мнѣ въ „клѣть“ и

тамъ, валяясь на сѣнѣ, мы вели съ нимъ всевозможные философскіе разговоры.

Я сталъ замѣчать, что по немногу онъ очень привязывался ко мнѣ, и что его прямо влечетъ ко мнѣ потолковать. Это очень меня радовало, и при первомъ же случаѣ я началъ читать ему различныя революціонныя изданія, такъ настоятельно рекомендованныя на обложкахъ и цензурой и святѣйшимъ синодомъ. Но тутъ же мнѣ пришлось совершенно разочароваться. Въ словесныхъ разговорахъ мой ученикъ былъ человѣкъ, кӑкъ человѣкъ, и спрашивалъ и отвѣчалъ осмысленно. Но какъ только доходило до чтенія, въ какой формѣ ни предлагалось бы оно —въ видѣ сказки или проповѣди, имъ сейчасъ же начинала овладѣвать непреодолимая зѣвота или страшная разсѣянность.

Каждую отдѣльную фразу или двѣ, какъ я очень хорошо замѣчалъ, перемежая свое чтеніе словесными замѣчаніями, онъ понималъ совершенно отчетливо, но общая связь ихъ другъ съ другомъ совершенно была недоступна для его головы: одна идея выталкивала другую изъ узкаго горизонта его мышленія, какъ въ микроскопѣ раз-

сматриваніе одной части водяной капли неизбѣжно влечетъ за собою удаленіе съ поля зрѣнія всѣхъ остальныхъ частей, такъ что потомъ ихъ уже трудно снова разыскать и сопоставить съ другими. Сколько ни передвигай пластинку, никогда не получишь сразу всего цѣлаго...

Такую же самую черту абсолютной неспособности охватывать соотношеніе между различными, связанными другъ съ другомъ идеями приходилось мнѣ встрѣчать и въ головахъ людей, неразвитыхъ предварительнымъ обученіемъ.

Однажды мнѣ пришлось читать этому простому человѣку замѣчательно трогательное мѣсто въ прокламаціи: „Чтой-то братцы“... Я самъ очень увлекся и былъ взволнованъ. Взглянувъ на него, чтобы узнать произведенное впечатлѣніе, я вдругъ съ радостью замѣтилъ, что на лицѣ моего слушателя выражается какая-то особенная озабоченность и какъ бы желаніе задать мнѣ вопросъ по поводу прочитаннаго. Это, при чтеніи книгъ тогдашнимъ крестьянамъ, была для меня такая рѣдкость, что я весь просіялъ отъ удовольствія.

— Что такое? — спрашиваю я, прервавъ чтеніе.

— Какіе у тебя хорошіе сапоги,—сказалъ онъ, указывая на расшитыя красными и синими шнурами голенища на моихъ ногахъ, — чай, дорого далъ?

Этотъ неожиданный вопросъ такъ меня огорчилъ и сразу открылъ глаза на безполезность систематическаго чтенія совершенно безграмотному человѣку, что я болѣе не повторялъ своихъ попытокъ и ограничивался устными разговорами. И, однако, этотъ человѣкъ, какъ оказалось потомъ, очень привязался ко мнѣ и готовъ былъ для меня на многое.

Моя пропаганда не ограничивалась одними политическими и соціальными вопросами. Едва я попалъ въ деревню, какъ насильно запрятанное мною въ наиболѣе удаленные уголки моей души давнишнее влеченіе изучать природу и ея вѣчные законы, вдругъ дало себя знать. Убѣгая въ свободныя минуты въ окружающіе лѣса и болота, я тащилъ оттуда въ свою клѣть всевозможные лишайники, мхи, древесные грибы, вмѣстѣ съ образчиками камней и окаменѣлостей, которыхъ тоже удалось

найти нѣсколько штукъ въ этой мѣстности.

Все это очень заинтересовало моего пріятеля, и я объяснялъ ему въ популярной формѣ различныя явленія природы. Я задумалъ даже понемногу обучать его и чтенію, несмотря на его поздній возрастъ,—ему было лѣтъ двадцать шесть,—но моимъ планамъ не суждено было осуществиться.

Въ одинъ памятный полдень мы всѣ работали въ своей кузницѣ надъ свариваньемъ большого куска желѣза. Яркій солнечный лучъ врывался черезъ дверь въ полумракъ нашей избушки на курьихъ ножкахъ, гдѣ не было никакихъ оконъ, и освѣщалъ подъ нашими ногами часть чернаго отъ сажи земляного пола. Сплошь закопченыя стѣны оставались совершенно мрачными, и только въ глубинѣ горна пылали на грудѣ угольевъ желтые, красные и фіолетовые языки пламени.

Мы работали въ своихъ крестьянскихъ пестрядевыхъ рубахахъ и грубыхъ фартукахъ въ три молота, такъ что наши удары, быстро слѣдующіе другъ за другомъ, отбивали на раскаленномъ кускѣ металла одну непрерывную дробь. Тысячи желѣз-

ныхъ искръ вылетали отдѣльными струями изъ-подъ нашихъ молотовъ и брызгали въ стѣны и въ наши фартуки, и подъ каждымъ ударомъ вспыхивали, какъ бы зарницы пламени.

Я былъ въ полномъ увлеченіи и ни на что другое не обращалъ вниманія.

— Ахъ, какъ хорошо! Да это чудо, что такое! вдругъ раздался въ дверяхъ голосъ Алексѣевой.

Пораженный такой неожиданностью, такъ какъ она, по моимъ соображеніямъ, должна была находиться въ Москвѣ, я обернулся, не докончивъ работы, и, дѣйствительно увидѣлъ ее, бьющую въ ладоши, въ дверяхъ кузницы, въ сопровожденіи Саблина и Писаревыхъ.

— Здравствуйте, Анна! Какъ вы сюда попали?—воскликнулъ я, бросаясь къ ней навстрѣчу.

— Не утерпѣла, — объявила она мнѣ,— пріѣхала къ вамъ.

Мы всѣ радостно поздоровались и хотѣли тотчасъ же пригласить гостей къ себѣ въ избу, но Алексѣева, которую особенно привели въ восторгъ сыпавшіеся
 изъ-подъ трехъ молотовъ потоки искръ, ни

за что не хотѣла идти, пока мы не сваримъ при ней еще новаго куска желѣза. Сдѣлавъ ей это удовольствіе, мы всѣ отправились сначала къ кузнецу, а затѣмъ и въ мою „клѣть“, необычайное устройство которой, безъ всякихъ оконъ, тоже вызвало всеобщее одобреніе.

— Вотъ бы гдѣ жить, — восторгалась Алексѣева; совсѣмъ какъ хижина дяди Тома!

Я угостилъ ихъ приготовленной для меня молочной яичницей въ латкѣ, съ чернымъ хлѣбомъ, и затѣмъ вся компанія обратно уѣхала изъ деревни, строго наказавъ мнѣ каждое воскресенье и праздникъ непремѣнно приходить къ нимъ.

Но, какъ говорится въ Библіи, „время уже исполнилось“ для нашей революціонной дѣятельности въ этой мѣстности. Не успѣлъ я и двухъ разъ побывать у нихъ, какъ Писаревъ получилъ предупрежденіе изъ Петербурга, что ему грозитъ арестъ.

Какъ оказалось впослѣдствіи, бывшій раскольничій попъ, Тимофей Ивановъ, раздосадованный тѣмъ, что его сынъ попалъ въ потаповскую артель столяровъ-пропагандистовъ, чѣмъ причинилъ большой

ущербъ его собственной мастерской,—рѣшилъ сдѣлать доносъ.

— И барину отомщу,—говорилъ онъ,—и сына спасу,—да еще, какъ Комиссаровъ, награду получу отъ царя.

Онъ вообразилъ, что, при политическихъ доносахъ, доносчикъ получаетъ отъ царя все имѣніе преданнаго имъ человѣка. Опасаясь, что, если онъ донесетъ кому-либо изъ подначальныхъ лицъ, у него перехватятъ награду, и онъ останется ни съ чѣмъ, онъ, будто бы, прямо отправился въ Зимній дворецъ и изъявилъ желаніе видѣть царя по очень важному дѣлу. На вопросъ объ этомъ дѣлѣ онъ отказался отвѣчать кому бы то ни было, кромѣ царя.

Его, конечно, отправили въ „Третье Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи" и посадили въ одиночное заключеніе, пока не скажетъ всего. Ивановъ нѣсколько дней упирался, требуя царя, но потомъ, отчаявшись въ своемъ дѣлѣ, разсказалъ все.

Писаревъ, Саблинъ, Ельцинскій и умершій потомъ медикъ, Львовъ, работавшій въ этой мѣстности, сейчасъ же уѣхали въ столицу. Въ домѣ остались только Писа-

рева, какъ не участвовавшая въ революціонныхъ предпріятіяхъ мужа, и Алексѣева, въ качествѣ ея гостьи. Я тоже объявилъ, что не уѣду, потому что прежде всего нагрянуть въ Потапово, и я въ своей отдаленной деревнѣ буду предупрежденъ ранѣе, чѣмъ до меня успѣютъ добраться. Остался также и докторъ Добровольскій въ своемъ селѣ, предполагая, что доносъ, безъ сомнѣнія, относится только къ Иванчину-Писареву, а не къ нему.

V.

Нѣтъ болѣе возврата.

ПРОШЛО дня три. На четвертый, когда мы, кузнецы, всѣ работали вмѣстѣ, къ намъ въ кузницу вдругъ явился съ ружьемъ въ рукахъ одинъ изъ извѣстныхъ мнѣ крестьянъ, на котораго у насъ полагались почти такъ же, какъ на Ивана Ильича. Сдѣлавъ видъ, что совершенно меня не знаетъ, онъ обратился къ старику хозяину съ просьбой починить курокъ его ружья, и, пока тотъ, повернувшись къ свѣту, разсматривалъ порчу, потихоньку сунулъ мнѣ въ руку, кивнувъ таинственно головой, маленькую бумажку.

Я вышелъ за уголъ кузницы и прочелъ буквально слѣдующую записку Алексѣевой:

„Бѣгите, бѣгите скорѣе! Все погибло,

все пропало! Добровольскій и Потоцкая арестованы. Писарева и я сидимъ подъ домашнимъ арестомъ. Кругомъ дома полиція и засады на случай возвращенія кого-либо изъ васъ. Бѣгите, бѣгите скорѣе, сейчасъ пріѣдутъ къ вамъ. Ваша Липа".

Все это было написано спѣшно карандашемъ на клочкѣ бумаги.

Когда я теперь вспоминаю свои ощущенія при полученіи этой записки, то могу сказать лишь одно: извѣстіе это рѣшительно не вызвало у меня ни малѣйшаго страха за себя, а только безпокойство за другихъ.

Я возвратился въ кузницу и принялся за прерванную работу. Предупредившій меня уже ушелъ. Отбивая молотомъ ударъ за ударомъ по желѣзу, я обдумывалъ тѣмъ временемъ, какъ мнѣ теперь быть? Бѣжать, не попытавшись выручить Иванчину-Писареву и Алексѣеву, казалось мнѣ совершенно немыслимымъ. Надо что-нибудь придумать для ихъ спасенія. Прежде всего я сообразилъ, что словамъ Алексѣевой „сейчасъ пріѣдутъ къ вамъ" нельзя придавать буквальнаго значенія. Она, очевидно, была слишкомъ взволнована, когда писала.

 — Едва ли пріѣдутъ раньше ночи,—ду-

малъ я,—но все же надо поглядывать по временамъ на дорогу на всякій случай, прислушиваться и не зѣвать.

Затѣмъ я вспомнилъ о томъ, какъ, начитавшись когда-то мальчикомъ Майнъ-Рида, я изображалъ индѣйцевъ и искусно пробирался въ травѣ ползкомъ куда угодно, пугая взрослыхъ неожиданностью своего появленія.

— Нужно, — думалъ я, пробраться въ Потапово по способу краснокожихъ, а тамъ увидимъ, что дѣлать.

Но для этого было необходимо дождаться вечера. И, вотъ, я работалъ и работалъ безъ перерыва, обдумывая детали.

Когда, наконецъ, наступило время отдыха, я вызвалъ въ свою клѣть сына-кузнеца и сразу во всемъ ему признался. Я сказалъ ему, что въ столицахъ и другихъ большихъ городахъ среди молодыхъ людей, занимающихся науками и пишущихъ книги, появилось много такихъ, которымъ счастье простого народа стало дороже своего, и они, бросивъ все, что дорого каждому обычному человѣку — богатство, личное счастье и родныхъ, пошли въ деревни, въ крестьяне и рабочіе, чтобы жить ихъ жизнью

и раздѣлять ихъ трудъ и помочь народу устроить свою жизнь такъ, какъ это сдѣлано давно во всѣхъ иностранныхъ государствахъ, гдѣ народъ самъ управляетъ своей судьбой черезъ выбранныхъ имъ людей.

Я сказалъ ему, что такіе люди ходятъ теперь по всей Россіи, что Писаревъ, Добровольскій и всѣ, кто жили въ Потаповѣ, и я самъ принадлежимъ къ ихъ числу. Но правительство, не желая такого ограниченія своей власти, преслѣдуетъ насъ и ссылаетъ въ Сибирь и на каторгу, какъ бунтовщиковъ.

— Въ Потапово полиція сегодня уже нагрянула въ усадьбу, но Писаревъ успѣлъ скрыться,—закончилъ я,—доктора схватили и пошлютъ въ Сибирь, а за мной пріѣдутъ сегодня ночью или завтра.

Все это его сильно огорчило и обезпокоило.

— Какъ же теперь тебѣ быть?—сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

— Ночью уйду отсюда тайкомъ, а ты предупреди затѣмъ всѣхъ въ деревнѣ, чтобъ ничего не разсказывали начальству о моихъ разговорахъ съ вами. Учился, молъ, работать, а больше ничего.

— Не бѣги въ города,—сказалъ онъ мнѣ со слезами на глазахъ:—поймаютъ и погубятъ... Вотъ что лучше сдѣлай. По деревнямъ здѣсь живетъ много бѣгуновъ (религіозная секта, не признающая властей и потому скрывающаяся въ глухихъ мѣстахъ Россіи), я знаю многихъ, и для меня они сдѣлаютъ все. У нихъ есть тайныя отдѣльныя комнаты при избахъ и подвалы. Никакое начальство тебя въ нихъ не разыщетъ.

Идея попасть въ этотъ новый для меня, таинственный міръ показалась мнѣ очень заманчивой. Но, вспомнивъ, что прежде всего мнѣ нужно спасать двухъ бѣдныхъ плѣнницъ въ Потаповѣ, я ему сказалъ:

— Поговори съ ними на всякій случай, чтобъ все было готово, если я приду къ тебѣ, но прежде всего мнѣ нужно повидаться со своими: можетъ, приду, а можетъ—и нѣтъ...

Наступалъ уже вечеръ. Я уложилъ свои небогатые пожитки въ дорожный мѣшокъ и взвалилъ его на плечи. Мы обнялись, поцѣловались три раза со слезами на глазахъ, и вотъ я скрылся за задворками деревни въ спускающемся сумракѣ. Никто

не видѣлъ моего ухода, кромѣ этого товарища по работѣ, который стоялъ на околицѣ деревни и провожалъ меня взглядомъ до тѣхъ поръ, пока я скрылся.

Послѣдній разъ взглянулъ я на свою кузницу. Она стояла, въ вечерней полутьмѣ унылая и безлюдная подъ своей березой. За ней виднѣлось поле и нигдѣ не было видно ни души.

Я приспособилъ свой путь такимъ образомъ, чтобы подойти къ Потапову около одиннадцати часовъ, когда будетъ совершенная ночь.

Планъ мой состоялъ въ слѣдую-

щемъ. Усадьба находилась, со стороны дороги, на открытомъ лугу. Но домъ прилегалъ однимъ бокомъ къ крутому обрыву, подъ которымъ лежало русло небольшой рѣчки или, скорѣе, ручья. За домомъ былъ маленькій садикъ съ нѣсколькими клумбами цвѣтовъ, грядами клубники и рѣдкими яблоновыми деревьями. Обнесенъ онъ былъ густымъ частоколомъ изъ острыхъ кольевъ, и одна сторона этой ограды шла какъ разъ на границѣ обрыва, такъ что за частоколъ трудно было пробраться, не рискуя свалиться въ ручей съ значительной высоты.

По другую сторну ручья шелъ густой еловый лѣсъ.

Стража, приставленная къ дому, думалъ я, едва ли будетъ наблюдать за этимъ мало доступнымъ мѣстомъ, а между тѣмъ, во время моей жизни въ усадьбѣ я открылъ здѣсь въ частоколѣ, маленькую лазейку и, какъ любитель всякаго карабканья (да и на всякій случай), спускался черезъ нее не разъ по обрыву въ русло ручья, гдѣ находилась узкая полоса песчанаго берега. Съ нея я перепрыгивалъ легко и на другой берегъ.

Вскарабкавшись по этому мѣсту, соображалъ я, мнѣ будетъ возможно пробраться и въ садъ, а изъ него черезъ террасу со стеклянной дверью и черезъ одно изъ оконъ проникнуть какъ-нибудь и въ домъ.

Все дальнѣйшее я предоставлялъ обстоятельствамъ. Одно только сильно безпокоило меня. При домѣ была собака, дворняжка Шарикъ. Изъ всѣхъ моихъ враговъ она представлялась мнѣ самымъ опаснымъ въ данномъ случаѣ: подниметъ лай и выдастъ. Однако, дѣлать было нечего,—приходилось отдаться на волю случая.

Когда я подошелъ, избѣгая по возможности дороги и обойдя встрѣчающіяся двѣ-три деревни, къ еловому лѣсу, прилегающему къ усадьбѣ, наступила давно темная ночь, и было трудно что-нибудь разобрать на разстояніи двухсотъ или трехсотъ шаговъ. Передъ входомъ въ лѣсъ пришлось идти по большому открытому лугу. Эта часть представлялась мнѣ наиболѣе неудобной, и потому я прямо пошелъ не по травѣ, а по прилегающей

тутъ проселочной дорогѣ, разсчитывая на случай неожиданной встрѣчи съ полиціей прикинуться деревенскимъ парнемъ, идущимъ въ одну изъ сосѣднихъ деревень.

И, дѣйствительно, вдали показалась во мракѣ человѣческая тѣнь, двигавшаяся прямо мнѣ навстрѣчу. Чувствуя рѣшительный моментъ, я уже старался придать своему голосу особенно непринужденный и веселый тонъ, какъ вдругъ фигура, оказавшаяся, къ моему великому облегченію, въ женскомъ платьѣ, обратилась ко мнѣ съ вопросомъ:

— Вы куда?

— Въ Вятское,—отвѣчалъ я.

— Господи! Николай Александровичъ!—вдругъ тихо воскликнула женщина съ испугомъ:—Да развѣ вы не получили записки?

Только тутъ я понялъ, что передо мной находилась горничная Аннушка, посвященная во все, и у меня вдругъ стало такъ легко на душѣ, что и сказать нельзя.

— Аннушка!—воскликнулъ я полушепотомъ, пожимая дѣвушкѣ руку. Конечно получилъ! Оттого и пришелъ!

И я разсказалъ ей весь свой планъ проникнуть въ домъ, прося ее только убрать собаку и сказать барынѣ, чтобы держала незапертой балконную дверь. Оказалось, что подъ арестомъ держали только Писареву и Алексѣеву, а Аннушкѣ, какъ горничной, можно было свободно входить и выходить изъ дому по хозяйству. Полицейскіе и земскіе стражники не входили внутрь дома и въ садъ, а стерегли снаружи у входной двери и время отъ времени ходили осматривать ближайшія окрестности.

Аннушка была очень веселая и смѣтливая дѣвушка, и, когда ея первоначальное волненіе нѣсколько улеглось, она очень хорошо усвоила мой планъ.

Черезъ нѣсколько минутъ я былъ уже въ лѣсу, пробрался къ одному изъ болѣе далекихъ мѣстъ ручья, спряталъ тамъ свой мѣшокъ такъ, чтобы потомъ его легко было найти въ темнотѣ, пробрался въ непосредственную близость дома по другую сторону ручья и услышалъ оттуда, какъ Аннушка кричала съ крыльца:

— Шарикъ! Шарикъ!

Затѣмъ дверь дома хлопнула, и все смолкло.

Не прошло и двухъ минутъ, какъ я уже вскарабкался на обрывъ, прошелъ въ садъ и лежалъ въ немъ плотно на землѣ, между двумя грядками, наблюдая окрестности. Все было тихо, только въ домѣ было очевидное движеніе. Два освѣщенные окна быстро стали закрываться шторами. Огни въ сосѣдней комнатѣ погасли, и затѣмъ балконная дверь пріотворилась.

Я въ это время проползъ уже подъ самую террасу и, видя, что вблизи и за прозрачной оградой садоваго частокола нѣтъ никакой подозрительной фигуры, однимъ прыжкомъ очутился въ комнатѣ, послѣ чего беззвучно притворилъ за собою дверь.

— Сумасшедшій! Что вы дѣлаете!—поспѣшнымъ шопотомъ сказала мнѣ Алексѣева, и въ ея голосѣ были и страхъ, и радость.

— Пришелъ спасать васъ обѣихъ!—не задумываясь, отвѣтилъ я,—и вотъ увидите, все это я сдѣлаю.

— Но какъ же вы уйдете отсюда?

— Такъ же, какъ я пришелъ!

Въ это время она уже протащила меня за руку въ ту комнату, окна которой

только что были плотно закрыты занавѣсками. Тамъ сидѣла хозяйка дома. На обѣихъ было больно смотрѣть: такія были у нихъ печальныя и разстроенныя лица.

Я предложилъ имъ сейчасъ же одѣваться въ какія-нибудь простенькія платья, чтобы я могъ спустить ихъ въ оврагъ и затѣмъ провести лѣсами въ Ярославль, находящійся верстахъ въ сорока отсюда, или на ближайшую станцію желѣзной дороги раньше, чѣмъ ихъ успѣютъ хватиться.

Хозяйка дома потрясла отрицательно головой.

— Мнѣ нельзя бѣжать,—сказала она.— У меня дѣти. Кромѣ того, относительно меня не можетъ быть никакихъ обвиненій. Я занималась исключительно школой, и отецъ мой пользуется большимъ вліяніемъ.

Я зналъ, что эта некрасивая собою и скромная молодая женщина, дочь одного изъ богатыхъ помѣщиковъ сосѣдней губерніи, очень любила своего мужа, и мнѣ ее стало невыразимо жалко.

Алексѣева сначала не знала, что ей дѣлать. Ей, видимо, очень хотѣлось убѣжать со мною черезъ лѣса и болота. Романтическая сторона ея натуры жаждала

приключеній, но у нея дома, подъ покровительствомъ старой няни, было двое крошечныхъ дѣтей, а бѣгство было бы вѣчной разлукой съ ними.

Мы всѣ сѣли у столика и начали обсуждать положеніе дѣла. Алексѣева, торопясь, разсказала мнѣ всю исторію.

Послѣдніе три дня они жили спокойно, и въ тотъ самый день, утромъ, она ушла провѣдать доктора въ село Вятское. Это было большое ярмарочное село, гдѣ помѣщалось волостное правленіе и былъ врачебный пунктъ. Двѣ комнаты больничнаго помѣщенія занималъ докторъ Добровольскій, а рядомъ съ этими комнатами жила акушерка Потоцкая. При входѣ въ домъ, Алексѣева замѣтила какое-то необычное движеніе, а когда вошла на площадку, то натолкнулась на часового съ ружьемъ, стоявшаго передъ ближайшей изъ двухъ дверей доктора. Онъ преградилъ ей дорогу и сказалъ:

— Нельзя!

Тогда она повернула къ Потоцкой и застала ее сидящею въ слезахъ. Потоцкая въ волненіи разсказала ей, что Добровольскій въ эту ночь былъ вызванъ далеко

къ больному. Въ его отсутствіе пришли становой, исправникъ и полицейскіе съ солдатами. Не найдя доктора, они запечатали обѣ его двери и, приставивъ къ нимъ часового, ушли обратно къ становому, а солдаты остались внизу.

— Хуже всего то,—добавила она,—что въ комнатѣ доктора находится нѣсколько десятковъ запрещенныхъ книжекъ. Онъ думалъ, что раньше пойдутъ въ Потапово.

Потоцкая была совершенно въ безпомощномъ состояніи, но Алексѣева сейчасъ же начала дѣйствовать. Увидѣвъ, что комната акушерки отдѣлялась отъ комнаты доктора лишь промежуточной стѣной, въ которой находилась запертая дверь, заставленная большимъ шкафомъ, она сейчасъ же принялась отодвигать его и, стараясь всѣми силами, дѣйствительно успѣла въ этомъ.

Ключъ отъ комнаты Потоцкой какъ разъ пришелся къ этой двери, и отперевъ ее, Алексѣева проникла въ комнаты Добровольскаго, такъ сказать, за спиной у ничего не подозрѣвавшаго часового. Она забрала всѣ запрещенныя книжки, завернула ихъ въ шаль Потоцкой и,

замкнувъ обратно дверь и заслонивъ ее по прежнему шкафомъ, вышла со своей ношей вонъ и отправилась изъ села черезъ поле по направленію къ Потапову.

Но не успѣла она отойти и версты, какъ по дорогѣ за нею выѣхали одна за другою двѣ тройки. Въ передней сидѣлъ становой и двое какихъ-то незнакомцевъ въ офицерскихъ пальто, а въ задней—нѣсколько полицейскихъ и солдатъ. Что тутъ дѣлать? Поле было ровное и гладкое, скрыться некуда. Оставалось лишь продолжать свою дорогу.

Когда экипажи поравнялись съ нею, становой, который видѣлъ ее въ Потаповѣ съ недѣлю тому назадъ, остановилъ тройки и окликнулъ ее по имени:

— Куда это вы идете?

— Домой въ усадьбу,—отвѣчала она.

— Такъ садитесь къ намъ: мы васъ подвеземъ,—услужливо предложилъ онъ ей.

Алексѣева уже сочла себя арестованной и не считала возможнымъ сопротивляться. Но, замѣтивъ любезный тонъ станового, все-таки попробовала уклониться:

— Мой узелъ можетъ васъ стѣснить,—замѣтила она,—его некуда будетъ положить.

— Пустяки,—сказалъ становой,—мы его положимъ на дно экипажа!—Принявъ шаль у нея изъ рукъ, онъ положилъ узелъ въ глубину экипажа и предложилъ ей руку, чтобъ подсадить.

Не оставалось ничего, какъ согласиться. Немедленно она была представлена становымъ исправнику и жандармскому офицеру, какъ гостья Писаревой, недавно пріѣхавшая къ ней, а затѣмъ начались обычныя объясненія:

— Мы ѣдемъ по очень печальному порученію. Что дѣлать—служба. Приказано изъ Петербурга сдѣлать въ Потаповѣ обыскъ. Какой-то доносъ,—мы ничего не знаемъ.

— Относительно васъ лично,—замѣтилъ одинъ изъ спутниковъ,—у насъ нѣтъ никакихъ распоряженій, и надѣемся, что и не будетъ. Но все же намъ придется попросить васъ не выѣзжать изъ усадьбы до дальнѣйшихъ распоряженій.

Такъ разговаривая, проѣхали они четыре версты до Потапова и остановились передъ крыльцомъ. Алексѣева выскочила первая и, взявъ немедленно свой узелокъ, вбѣжала внутрь дома. Начальство тѣмъ вре-

менемъ оцѣпило его снаружи. Положеніе Алексѣевой было ужасно: жилище Писаревыхъ было тщательно освобождено отъ всякихъ запрещенныхъ вещей, и вотъ онѣ внесены въ него ею!

Хозяйка была въ такомъ обезкураженномъ состояніи, что ничѣмъ не могла помочь. Но Алексѣева, обѣжавъ кругомъ всѣ комнаты и не найдя мѣста, гдѣ спрятать, увидѣла, наконецъ, посреди кухни корзину съ мокрымъ, только что выстиранным бѣльемъ. Она подбѣжала къ ней, приподняла бѣлье, сунула на дно корзины содержимое своей шали и затѣмъ прикрыла все снова мокрымъ бѣльемъ.

Полиція перевернула вверхъ дномъ весь домъ. Все было разобрано и пересмотрѣно, а корзина такъ и осталась стоять посреди кухни.

Составили протоколъ, что не было найдено ничего подозрительнаго, и начальство уѣхало, посадивъ обѣихъ дамъ подъ домашній арестъ.

Можно себѣ представить мой восторгъ, когда я услышалъ все это!

— Такъ вы рѣшительно не хотите бѣ-

жать со мною?—спросилъ я послѣ того, какъ выразилъ ей все свое восхищеніе.

— Нѣтъ, въ виду того, что меня считаютъ простой гостьей, я думаю лучше выждать, когда сами выпустятъ.

Несмотря на страстное желаніе освободить ее, я не могъ не согласиться съ этимъ.

— Значитъ, мнѣ придется уходить одному. А мнѣ такъ хотѣлось вмѣстѣ съ вами!

— Но какъ же вы теперь пройдете черезъ лѣса ночью?—спросила Алексѣева.

Я, смѣясь, вынулъ изъ кармана часы и показалъ дамамъ маленькій компасикъ, вдѣланный въ циферблатъ рядомъ съ секундной стрѣлкой. Я разсказалъ имъ, что съ этимъ компасомъ я исходилъ всѣ окрестности Москвы и почти весь нашъ уѣздъ по совершенно незнакомымъ мѣстамъ, ничего не имѣя, кромѣ географической карты, и никогда еще не приходилъ, куда не слѣдуетъ.

— А теперь дѣло еще проще,—прибавилъ я.—Мнѣ нужно только постоянно держаться на западъ, и, несмотря ни на какіе обходы, я пересѣку гдѣ-нибудь полотно Вологодской желѣзной дороги, и оно приведетъ меня прямо въ Ярославль.

Всѣ эти разсказы и удачи мало-по-малу такъ развеселили насъ, что будущее стало представляться намъ совсѣмъ не въ такомъ печальномъ видѣ. Вѣдь нигдѣ ничего не нашли. На окрестныхъ крестьянъ, казалось, можно было положиться. Авось все уляжется, а затѣмъ, можетъ быть, возможно будетъ возвратиться и самому Писареву. Относительно моего успѣшнаго ухода изъ дому не оставалось почти и сомнѣнія.

— Если я могъ войти въ него, — говорилъ я, — такъ почему же не сумѣю выйти?

Даже хозяйка дома пріободрилась. Мы стали смѣяться надъ засадами и сторожами. Они и не подозрѣваютъ, что вмѣсто двухъ заключенныхъ теперь у нихъ трое, а черезъ часъ или полтора снова останутся только двое.

— Ни за что не уйду отъ васъ, пока не начнетъ свѣтать! — объявилъ я.

Намъ приготовили яичницу и самоваръ, и послѣ маленькой прощальной пирушки мнѣ начали упаковывать на дорогу пирожки и другіе припасы. Когда небо на востокѣ начало слегка блѣднѣть, все было готово.

Мы всѣ, не исключая и горничной Аннушки, нѣжно обнялись и поцѣловались. Затѣмъ мы осмотрѣли въ щелки занавѣсокъ мѣстопребыванія сторожей. Какъ только они прошли по дорогѣ за частоколомъ и скрылись за угломъ дома, дверь на террасу беззвучно пріотворилась. Я выскользнулъ, какъ ужъ, по способу американскихъ индѣйцевъ, и мгновенно исчезъ въ межѣ, среди грядокъ. Затѣмъ дверь тихо затворилась за мною, и все снова пришло въ первоначальный видъ.

Работая локтями и колѣнками, я доползъ до своей лазейки, тихо соскользнулъ по обрыву на берегъ ручейка и, попавъ ногами прямо въ лужу, перескочилъ черезъ него. Добравшись до своего мѣшка, я взвалилъ его на плечи и пошелъ далѣе по лѣсу, не уведя съ собой, какъ мнѣ мечталось, плѣнницъ, но за то съ облегченнымъ сердцемъ относительно ихъ возможной участи и съ сознаніемъ, что я не остановился бы ни передъ чѣмъ для того, чтобы ихъ спасти.

Идти пришлось опять по направленію къ моей кузницѣ, такъ какъ она лежала ближе къ желѣзной дорогѣ, хотя ея окрест-

ности и были очень глухи сравнительно съ мѣстностью, гдѣ было Потапово.

Я пробирался по лѣсамъ и болотамъ, постоянно оглядываясь по сторонамъ и чутко прислушиваясь ко всякому шуму, во избѣжаніе непріятныхъ встрѣчъ. Вдругъ

сзади послышался стукъ ѣдущихъ экипажей. Въ это время я шелъ не по самой дорогѣ, а параллельно ей по лѣсу, и, спрятавшись за кустами, могъ видѣть, какъ по направленію къ моей деревнѣ, Коптеву, ѣхали рысцой, одна за другой, двѣ тройки

безъ колокольцевъ, совершенно такія, какъ ихъ описывала Алексѣева, но лицъ, сидящихъ въ экипажахъ я не могъ разобрать за отдаленіемъ, хотя и было совсѣмъ свѣтло.

Я сообразилъ, что это ѣдутъ за мной и потому, обогнувъ подальше Коптево, пошелъ самыми глухими мѣстами.

Ближайшій поѣздъ Ярославской желѣзной дороги приходилъ лишь на слѣдующее утро, и я рѣшилъ провести весь день, лежа гдѣ-нибудь въ особенно густой чащѣ, тѣмъ болѣе, что я не спалъ всю ночь. Попавъ, наконецъ, въ какую-то топь, которая мнѣ чрезвычайно понравилась, я выбралъ въ ней сухое мѣстечко и растянулся спиной на мягкомъ мху. Положивъ голову на мѣшокъ, я предался мечтамъ о своихъ дальнѣйшихъ приключеніяхъ въ томъ же романтическомъ родѣ, отбиваясь отъ роевъ комаровъ и мошекъ, не дававшихъ мнѣ ни на минуту заснуть.

Но никакихъ приключеній, къ сожалѣнію, не оказалось впереди. На слѣдующую ночь, руководясь своимъ компасомъ, разсматривать который въ лѣсу часто приходилось при помощи зажженной спички, я

вышелъ, наконецъ, какъ и ожидалъ, прямо на полотно желѣзной дороги и направился къ югу. Я еще не зналъ, удобно ли мнѣ будетъ сѣсть въ вагонъ на ближайшей станціи, или придется пѣшкомъ добраться до Ярославля, но, подходя къ какому-то полустанку и замѣтивъ, что на немъ все тихо и спокойно, я легъ вдали, на лѣсной опушкѣ. Когда показася поѣздъ, я быстро вошелъ на станцію, взялъ билетъ и черезъ минуту былъ уже въ вагонѣ третьяго класса, посреди такихъ же сѣрыхъ, какъ я, мужиковъ и мастеровыхъ.

Дальнѣйшій путь совершился безъ всякихъ приключеній, и черезъ сутки, разыскавъ въ Москвѣ Саблина, Ельцинскаго и другихъ, я уже разсказывалъ имъ о происшедшей катастрофѣ. О поведеніи Алексѣевой въ этомъ дѣлѣ я наговорилъ всѣмъ тысячу восторговъ. Черезъ три дня неожиданно явилась и она сама, отпущенная на всѣ четыре стороны, какъ случайная гостья въ Потаповѣ, и наговорила всѣмъ тысячу восторговъ о моемъ поведеніи... Мы до того хвалили окружающимъ другъ друга въ эти дни, и въ глаза, и еще болѣе за глаза, что нѣкоторые, съ Кравчинскимъ

во главѣ, зачислили насъ, наконецъ, въ „нѣжную парочку“ (Алексѣева была лишь на три-четыре года старше меня) и, при распредѣленіи различныхъ предпріятій, старались насъ не разлучать.

На дѣлѣ, какъ можетъ видѣть всякій, читающій эти воспоминанія, я влюбился въ нее съ перваго же дня знакомства, позабывъ молоденькую гувернантку своихъ младшихъ сестеръ, которой я былъ вѣренъ около двухъ лѣтъ. Но такова, мнѣ кажется, судьба всякой чисто платонической любви, или, по крайней мѣрѣ, такой, которая не кончилась форменнымъ обрученіемъ или признаніемъ взаимности съ обѣихъ сторонъ. Такая любовь бываетъ иногда очень сильна, но, долго не раздѣленная или затаенная въ душѣ, она легко перескакиваетъ у здоровыхъ людей на другой предметъ, какъ пламя костра, не нашедшаго себѣ достаточной пищи на прежнемъ мѣстѣ. О прежнемъ предметѣ остаются лишь нѣжныя и дружескія воспоминанія...

Съ Алексѣевой у меня никогда не было форменнаго объясненія въ любви. Я считалъ себя человѣкомъ, обреченнымъ на гибель, не имѣющимъ права на личное

счастье, и притомъ же, во всѣхъ отношеніяхъ недостойнымъ ея. Наши отношенія носили все время лишь характеръ самой нѣжной дружбы.

Въ первые же дни по пріѣздѣ я поспѣшилъ разыскать также и своихъ товарищей по естественно-научнымъ занятіямъ. Но почти всѣ они разъѣхались въ свои имѣнія или по дачамъ. Къ одному изъ первыхъ я отправился къ Шанделье, въ пробирную палату. Генерала не было дома, а madame Шанделье встрѣтила меня очень грустная.

— Вы, видно, не знаете еще, что случилось съ Сережей?—спросила она, когда мы усѣлись на диванъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я.

— Это ужасно. Получилъ гдѣ-то неизлѣчимую венерическую болѣзнь еще до вашего отъѣзда. Онъ ничего не говорилъ вамъ объ этомъ?

На моемъ лицѣ, должно быть, выразился такой испугъ, что бѣдная женщина начала тихо плакать.

— Дайте мнѣ его адресъ,—воскликнулъ я, полный огорченія,—я сейчасъ же пойду

навѣстить его. Мнѣ и въ голову не приходило ничего подобнаго!

— Но развѣ вы не боитесь заразиться? Мы взяли для него комнату въ лѣчебницѣ, чтобъ не заразилъ весь домъ.

Я сильно трусилъ въ душѣ, но чувствовалъ всѣмъ существомъ, что колебаться въ отвѣтѣ въ такихъ случаяхъ нельзя.

— Нѣтъ, — говорю, — вѣдь доктора не боятся же.

Я принялся утѣшать ее тѣмъ, что въ настоящее время медицина сильно идетъ впередъ и болѣзни, неизлѣчимыя сегодня, могутъ оказаться излѣчимыми завтра. Взявъ затѣмъ у нея адресъ, я тотчасъ же отправился въ лѣчебницу.

Я засталъ Шанделье сидящимъ въ своей комнатѣ на диванѣ и читающимъ какой-то романъ. Онъ очень изумился и сконфузился при моемъ внезапномъ появленіи. Онъ сразу почувствовалъ, что я все знаю, такъ какъ самое названіе лѣчебницы обнаруживало все.

Чувствуя опять, что избѣгать соприкосновенія съ нимъ было невозможно, не нанеся обиды, я прямо подошелъ къ нему и протянулъ ему руку.

— Развѣ ты не боишься?—спросилъ онъ, уже достаточно обезкураженный тѣмъ, что всѣ родные не хотѣли къ нему прикасаться.

— Нисколько: такъ вѣдь почти никто не заражается,—отвѣтилъ я, хотя въ глубинѣ души и боялся такой заразы несравненно больше, чѣмъ тюрьмы. Тутъ, вѣдь, не было ничего романтическаго!

Я сѣлъ на стулъ по близости и спросилъ:

— Какъ это случилось съ тобой?

— Все это за то,—отвѣтилъ онъ печально и серьезно,—что я тебя обманулъ.

Я былъ такъ удивленъ, что могъ только смотрѣть на него во всѣ глаза! И тутъ онъ разсказалъ мнѣ событіе, о которомъ я и не подозрѣвалъ.

Въ то время, когда я только что познакомился съ Алексѣевой и стоялъ одной ногой въ ея кружкѣ, а другой въ своемъ „Обществѣ естествоиспытателей", ректоръ московскаго университета, уже упомянутый не разъ геологъ Щуровскій, встрѣтилъ Шанделье въ геологическомъ кабинетѣ, наканунѣ двухъ какихъ-то праздниковъ. Онъ сказалъ ему, что на берегу Оки, около Рязани открыты новыя интересныя обна-

женія, и, очевидно, желая постепенно пріучать насъ къ будущей геологической дѣятельности, предложилъ ему съѣздить туда вмѣстѣ со мной на развѣдку.

— Я дамъ вамъ карту,—сказалъ онъ,— нанесите на нее обнаженіе, соберите какъ можно больше окаменѣлостей и представьте мнѣ вмѣстѣ съ подробнымъ описаніемъ поѣздки.

На дорогу онъ предложилъ, кажется, тридцать рублей съ тѣмъ, что мы не будемъ возвращать ему остатка, а употребимъ, если онъ окажется, на наемъ мѣстныхъ мальчишекъ, чтобъ помогли при развѣдкѣ, какъ это дѣлается въ подобныхъ случаяхъ.

Шанделье, конечно, съ восторгомъ согласился и тутъ же, получивъ деньги, помчался ко мнѣ. Но я былъ у Алексѣевой. По первому импульсу, онъ хотѣлъ оставить мнѣ записку, но потомъ ему пришла лукавая мысль уѣхать, оправдываясь моимъ отсутствіемъ, одному, произвести единолично всю развѣдку и этимъ сразу выдвинуться въ ученомъ мірѣ.

Такъ онъ и сдѣлалъ. Онъ пріѣхалъ въ Рязань, нанялъ на остаточныя деньги много

мальчиковъ, осмотрѣлъ весь берегъ далеко за указанными ему предѣлами, но не нашелъ ничего интереснаго, такъ что и отчетъ его вышелъ блѣденъ. Въ довершеніе всего онъ попалъ въ рязанской гостиницѣ въ руки къ какой-то мѣстной сиренѣ, которая и отпустила его съ такимъ подаркомъ.

— Если бъ ты былъ со мною, — закончилъ онъ свой разсказъ, — ничего подобнаго не случилось бы.

И это была правда. Въ нашихъ постоянныхъ блужданіяхъ подъ Москвою мы уже не разъ подвергались на пути такимъ атакамъ, но я, какъ нѣсколько старшій, всегда успѣшно отклонялъ ихъ одной и той же фразой, чтобы не обидѣть:

Извините, пожалуйста! Намъ теперь некогда. Мы очень заняты!

Эта фраза всегда казалась Шанделье чрезвычайно смѣшной, и всю дорогу потомъ имъ овладѣвали взрывы неудержимаго хохота.

Впослѣдствіи, уже черезъ четыре года, я встрѣтилъ Шанделье студентомъ горнаго института. Всѣ внѣшніе признаки болѣзни были залѣчены, но онъ остался какимъ-то вялымъ и хилымъ, и все его

прежнее увлеченіе наукой совсѣмъ исчезло. Онъ умеръ черезъ нѣсколько лѣтъ, не успѣвъ сдѣлать ничего для геологіи.

Въ той же самой лѣчебницѣ для венерическихъ больныхъ я узналъ отъ Шанделье, что засѣданія нашего общества происходили лишь два раза послѣ моего отъѣзда, а затѣмъ рефераты прекратились какъ-то сами собой, и вечеринки у Печковскаго превратились въ простыя вечернія собранія для того, чтобы потолковать о различныхъ предметахъ и, главнымъ образомъ, объ общественныхъ вопросахъ. Журналъ нашъ болѣе не выходилъ.

Такъ кончило свои дни „общество естествоиспытателей", разбитое бурей жизни.

Черезъ нѣсколько дней, найдя, наконецъ, Печковскаго, я узналъ отъ него, что и всѣ остальныя мои связи со старымъ міромъ оказались ликвидированными.

Вскорѣ послѣ моего отъѣзда въ Потапово произошло въ Москвѣ нѣсколько арестовъ, и мое имя было произнесено кѣмъ-то, какъ имя человѣка, уже давно занимающагося пропагандой среди учащейся молодежи. На то, что пропаганда

 эта на девять десятыхъ состояла изъ при-

влеченія всѣхъ окружающихъ къ занятіямъ естественными науками, въ которыхъ я тогда видѣлъ все спасеніе человѣчества, не было обращено никакого вниманія. Властямъ не было до этого никакого дѣла. Всѣ онѣ поголовно хлопотали лишь о томъ, чтобы упрочить свою собственную карьеру, выставить себя на показъ высшему начальству и для этого старались хватать какъ можно больше и больше людей, пользуясь всякимъ предлогомъ. Притомъ же, занятія естественными науками вмѣстѣ съ ношеніемъ очковъ и длинныхъ волосъ считалось тогда главнѣйшимъ признакомъ неблагонамѣренности.

Въ одинъ прекрасный день, какъ мнѣ разсказалъ Печковскій, въ гимназію, гдѣ я учился, явились жандармы и забрали мои документы. Въ угоду жандармамъ я былъ тотчасъ исключенъ, по приказу попечителя учебнаго округа, безъ права поступать въ какія бы то ни было учебныя заведенія Россіи. Нашъ законоучитель произнесъ противъ меня громовыя рѣчи въ двухъ старшихъ классахъ, а затѣмъ и въ церкви. Онѣ взволновали съ верху до низу всю нашу огромную гимназію, гдѣ было болѣе

шестисотъ воспитанниковъ, и, какъ мнѣ говорили потомъ товарищи, вызвали ко мнѣ всеобщее сочувствіе.

Мой отецъ, обезпокоенный тѣмъ, что я не ѣду на каникулы, прислалъ мнѣ по адресу Печковскаго двѣ телеграммы, но, не получая никакого отвѣта, пріѣхалъ самъ. Печковскій сказалъ ему, что я уѣхалъ куда-то на урокъ, не оставивъ адреса, но отецъ этому не повѣрилъ и, явившись къ директору гимназіи, узналъ отъ него все.

Руководясь своимъ представленіемъ о вожакахъ „нигилистовъ", какъ о людяхъ, завлекающихъ неопытную молодежь въ рискованныя предпріятія подъ прикрытіемъ возвышенныхъ цѣлей, и затѣмъ, когда они достаточно скомпрометированы, показывающихъ имъ вдругъ свои когти и начинающихъ эксплоатировать ихъ или распоряжаться ими, какъ пѣшками, подъ угрозой доноса, онъ сейчасъ же подумалъ, что этой участи подвергся и я. Затѣмъ, по этимъ же самымъ своимъ соображеніямъ, онъ дошелъ до вывода, что я, какъ человѣкъ неглупый, уже успѣлъ увидѣть, въ чемъ тутъ дѣло, но отступать было поздно.

 Надѣясь на свои связи, онъ сейчасъ же

поѣхалъ хлопотать къ разнымъ вліятельнымъ знакомымъ и, получивъ нѣсколько рекомендацій, отправилъ ихъ съ посыльнымъ къ Слезкину, тогдашнему представителю III Отдѣленія въ Москвѣ, приложивъ къ посылкѣ свою предводительскую визитную карточку и записку, что онъ пріѣдетъ поговорить по моему дѣлу на слѣдующій день.

Слезкинъ, какъ я узналъ потомъ, встрѣтилъ его чрезвычайно любезно, заявилъ, что, въ виду такихъ протекцій, на мое дѣло постараются посмотрѣть сквозь пальцы, хотя оно и серьезнѣе, чѣмъ можно было бы подумать, судя по моему возрасту.

— Но, прежде всего, его надо разыскать! — сказалъ онъ и просилъ отца содѣйствовать ему въ этомъ, для моей же пользы.

Отецъ ему повѣрилъ и обѣщалъ содѣйствовать, совершенно и не подозрѣвая, какое отчуждающее вліяніе будетъ имѣть на меня это обѣщаніе, когда мнѣ придется потомъ узнать о немъ отъ допрашивающихъ меня жандармовъ.

Но въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, я ничего еще и не подозрѣвалъ объ этихъ

хлопотахъ и переговорахъ. Я зналъ только одно, что отцу теперь все извѣстно, а слѣдовательно, и вся моя семья знаетъ уже причину моего исчезновенія и понимаетъ, почему я имъ не могу писать. Все это вызвало во мнѣ сначала приливъ какихъ-то смѣшанныхъ ощущеній, въ которыхъ трудно было разобраться.

Несмотря на раздачу своего имущества и полную готовность идти съ новыми друзьями на смерть, я все-таки чувствовалъ до сихъ поръ, что предо мной еще не закрыты дороги къ прошлому и къ влекущей меня попрежнему научной дѣятельности.

Я понималъ въ глубинѣ души, что, если я внезапно вернусь въ родную семью, то радость всѣхъ отъ моего неожиданнаго появленія заглушитъ даже и въ отцѣ чувство оскорбленной гордости. Если онъ, какъ я былъ увѣренъ, pour sauver les apparences, и пригласитъ меня прежде всего въ свой кабинетъ, чтобы выслушать мои объясненія, а затѣмъ дастъ мнѣ своимъ сдержаннымъ голосомъ невыгодную оцѣнку моего поведенія съ его собственной

точки зрѣнія, то все же, навѣрное, закончитъ свою рѣчь словами:

— Ну, поцѣлуй меня и болѣе никогда не напоминай объ этомъ!..

Теперь все это было кончено. Дороги къ прошлому были отсѣчены, и отсѣчены не мною, а посторонней силой, помимо моей собственной воли. Несмотря на свою молодость, я слишкомъ много читалъ, чтобы не знать, что нигдѣ въ мірѣ, за исключеніемъ нашей родины, не сочли бы возможнымъ губить всю жизнь человѣка и посылать его въ тюрьму и ссылку изъ-за того только, что онъ, получивъ противоправительственную книжку отъ своего пріятеля, не побѣжалъ сейчасъ же въ полицію предать своего друга на распятіе, а скрылъ книжку у себя или, еще хуже, одобривъ ея содержаніе, далъ ее на прочтеніе другому своему пріятелю. Во всей своей жизни и дѣятельности я еще не видѣлъ ничего такого, за что меня было бы можно сажать въ тюрьму.

— Если бы я попался, — думалъ я, — съ оружіемъ въ рукахъ въ партизанской войнѣ, тогда другое дѣло. Противъ оружія, каждый имѣетъ право употребить оружіе

или, захвативъ врага въ плѣнъ, заключить его въ тюрьму. Но ничего подобнаго я до сихъ поръ не сдѣлалъ и, даже живя въ народѣ, больше наблюдалъ и изучалъ его, чѣмъ призывалъ къ борьбѣ, а между тѣмъ, теперь для меня уже не оказывалось болѣе никакой другой дороги, кромѣ продолженія той, на которую я только что сталъ.

Конечно, въ глубинѣ души я зналъ, что и безъ этого обстоятельства я уже не могъ бы оставить своихъ новыхъ друзей, но мысль, что теперь правительство само снимало съ моей головы отвѣтственность за горе, которое я причинилъ своей семьѣ, и принимало эту вину на свою голову, была для меня невыразимымъ облегченіемъ.

— Пусть же оно теперь и отвѣчаетъ за все, — повторялъ я самъ себѣ. — Ну, какъ теперь я могъ бы возвратиться, когда меня прежде всего посадятъ въ тюрьму и, если не заморятъ въ ней, то сошлютъ Богъ знаетъ куда. Всѣ мои родные должны понимать это.

Я зналъ, что сочувствовать мнѣ они не могутъ, потому что и мать имѣла о „нигилистахъ“ тѣ же понятія, какъ и отецъ и

все окружающее ихъ общество.—Но меня думалъ я—они достаточно знаютъ, чтобы не приписывать мнѣ дурныхъ побужденій!

Притомъ же, я надѣялся, что гувернантка моихъ сестеръ, хорошенькая и умная двадцатилѣтняя дѣвушка съ институтскимъ образованіемъ и до того симпатичная, что имѣла вліяніе даже на моего отца, не останется въ этомъ дѣлѣ молчаливой слушательницей.

Мы съ ней были очень дружны. Всего за два года передъ этимъ она окончила институтъ и поступила къ намъ въ имѣнье гувернанткой моихъ сестеръ. Это была та самая гувернантка, въ которую я влюбился, возвратившись домой на лѣтнія каникулы, съ перваго же взгляда, которой я потихоньку ставилъ на окно въ стаканѣ букеты васильковъ, потому что ея фамилія была м-lle Васильковская, и свято хранилъ въ своей шкатулкѣ всевозможныя брошенныя ею ленточки и найденные мною гдѣ либо обрывки отъ ея костюма и башмаковъ...

Въ институтѣ она сильно увлекалась Писаревымъ и Добролюбовымъ, и мы часто на каникулахъ дебатировали съ ней разные общественные вопросы. Мы даже

завели особый шифръ для переписки, и она, зная, что я былъ въ нее влюбленъ, написала мнѣ въ эту самую зиму шифрованнное письмо, гдѣ самымъ трогательнымъ образомъ умоляла меня не вступать ни въ какія тайныя общества, „такъ какъ, кромѣ гибели, изъ этого ничего не выйдетъ"...

— Значитъ, дѣло вовсе ужъ не такъ плохо,—думалъ я.—Даже въ нашемъ домѣ найдется человѣкъ, который способенъ показать моимъ роднымъ, что я вовсе не преступникъ, а это—самое главное!..

Всѣ эти мысли приносили мнѣ громадное облегченіе. Главная тяжесть, заключавшаяся въ томъ, что мнѣ не кого было винить въ нашемъ семейномъ горѣ, кромѣ себя, постепенно спадала съ моей души, по мѣрѣ того какъ улегался во мнѣ сумбуръ разнообразныхъ ощущеній, вызванныхъ этими новостями. Какъ человѣкъ, только что пережившій переломъ въ тяжелой и продолжительной болѣзни, чувствуетъ въ себѣ необыкновенный приливъ жизненныхъ силъ, такъ чувствовалъ себя и я, когда мчался чрезъ нѣсколько часовъ

 отъ Печковскаго на Моховую, на новую

квартиру Алексѣевой, гдѣ снова устроился салонъ по прежнему образцу.

— Вотъ и для меня теперь нѣтъ никакого пріюта, кромѣ „чащи лѣсовъ“ и „голыхъ скалъ“, какъ пѣла Алексѣева,— думалъ я, и, проходя мимо каждаго городового, мысленно говорилъ ему, какъ и въ первый разъ, когда несъ запрещенныя книги: „Что сказалъ бы ты, блюститель, если-бъ зналъ, кто я теперь сталъ? Но какъ можешь ты даже и подозрѣвать объ этомъ?!“

Не знаю, какъ это случилось, но въ тотъ моментъ, когда я подходилъ къ дому Алексѣевой, какое-то новое чувство безграничной свободы, какъ будто послѣ только что выдержанныхъ выпускныхъ экзаменовъ, вдругъ овладѣло мною, и, вбѣжавъ въ ея гостиную, гдѣ засѣдала вся наша компанія, я объявилъ имъ всѣмъ съ сіяющимъ видомъ:

— Знаете? Меня также разыскиваетъ полиція!

Всѣ шумно столпились вокругъ меня съ разспросами. Я имъ разсказалъ все, что узналъ. Алексѣева, улучивъ минуту, когда никто не смотрѣлъ на насъ, крѣпко и поры-

висто пожала мнѣ руку, а черезъ минуту уже сидѣла у рояля и пѣла съ радостью смотря на меня, какъ въ день первой встрѣчи.

Чистый и сильный, раздавался ея голосъ, какъ звукъ серебрянаго колокольчика. Она пѣла мнѣ свою любимую пѣсню о приволжскомъ утесѣ-великанѣ, которому старинный народный вождь, Разинъ, завѣщалъ хранить свои послѣднія думы о низверженіи московскихъ царей.

И вотъ дошла она до моего любимаго мѣста въ этой легендѣ:

Но за то, если есть
На Руси хоть одинъ,

Кто съ корыстью житейской не знался,

Кто неправдой не жилъ,
Бѣдняка не давилъ,

Кто свободу, какъ мать дорогую, любилъ,
И во имя ея подвизался,

Тотъ пусть смѣло идетъ,
На утесъ онъ взойдетъ,

Чуткимъ ухомъ къ нему онъ приляжетъ,

И утесъ великанъ.
Все, что думалъ Степанъ

 Все тому смѣльчаку перескажетъ.

И мнѣ грезилось, что скоро, скоро я, преслѣдуемый и гонимый за любовь къ свѣту и свободѣ, буду ночевать одинъ на этомъ утесѣ и услышу все, что говорятъ ему своимъ плескомъ волны могучей Волги...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

НИКОЛАЙ МОРОЗОВЪ.

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

Откровеніе въ Грозѣ и Бурѣ. Исторія возникновенія Апокалипсиса. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. В. М. Саблина. Москва, 1907 г. Ц. 1 р. 50 к.

Періодическія Системы Строенія Вещества. Теорія возникновенія современныхъ химическихъ элементовъ. Изд. И. Д. Сытина. Москва, 1907 г. Ц. 3 р.

Изъ Стѣнъ Неволи. Шлиссельбургскія и др. стихотворенія. Изд. Н. Е. Парамонова „Донская Рѣчь". Петербургъ. 1906 г. Ц. 25 к.

Менделѣевъ и значеніе его періодической системы для химіи будущаго. Двѣ публичныя лекціи. Изд. И. Д. Сытина. Москва, 1907 г. Ц. 75 к.

Въ началѣ Жизни. Какъ изъ меня вышелъ революціонеръ вмѣсто ученаго. Изд. В. М. Саблина. Москва. 1907 г. Ц. 1 р.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Основы Качественнаго Физико-Математическаго Анализа и новые физическіе факторы, обнаруживаемые имъ въ различныхъ явленіяхъ природы.

Книгоиздательство В. М. САБЛИНА.

МОСКВА,

Петровка, д. Обидиной (ходъ съ Крапивенскаго пер.).

Телефонъ 131-34.

I ОТДѢЛЪ.

Политическая библіотека.

В. Вильсонъ. Государство. Прошлое и настоящее конституціонныхъ учрежденій. М. 1906 г. Цѣна 3 р. 75 к.

Предисловіе Максима Ковалевскаго. Переводъ подъ редакціей А. С. Ященко, съ приложеніемъ текста конституціонныхъ актовъ.

Ольстонъ. Краткій очеркъ современныхъ конституцій, съ приложеніемъ очерка конституціи Англіи. М. 1905 г. Ц. 15 к.

Георгъ Мейеръ. Избирательное право, въ 2-хъ част. Историческая и общая части. Съ предисловіемъ Георга Іеллинека. М. 1905 г. Цѣна 3 руб.

Собраніе конституцій. 19 конституціонныхъ актовъ. М. 1906 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Собраніе конституцій. Выпускъ I. Конституціи Франціи, Германіи, Пруссіи, Швейцаріи. Декларація правъ. М. 1905 г. Цѣна 30 к.

Собраніе конституцій. Выпускъ II. Конституціи: Австро-Венгерской имперіи, Австріи, Венгріи и Соединенныхъ Штатовъ. М. 1905 г. Цѣна 30 коп.

Собраніе конституцій. Выпускъ III. Конституціи: Швеціи, Норвегіи. Актъ Уніи. М. 1905 г. Цѣна 30 к.

Собраніе конституцій. Выпускъ IV. Конституціи: Болгаріи, Греціи, Румыніи и Сербіи. М. 1905 г. Цѣна 30 к.

Собраніе конституцій. Выпускъ V. Конституціи: Австраліи, Японіи и Бельгіи. М. 1906 г. Цѣна 30 к.

Г. Брандесъ. Великій человѣкъ. (Начало и цѣль цивилизаціи.) Лекція, читанная въ Высшей Русской школѣ въ Парижѣ. Переводъ Н. Эфроса. М. 1905 г. Цѣна 40 к.

Тардъ. Отрывки изъ исторіи будущаго. Переводъ Н. Н. Полянскаго. М. 1906 г. Ц. 40 к.

Г. Іеллинекъ. Право меньшинства. Докладъ, читанный въ юридическомъ Обществѣ въ Вѣнѣ. М. 1906 г. Изданіе 2-е. Цѣна 20 к.

А. А. Титовъ. Изъ воспоминаній о студенческомъ движеніи. Москва въ 1901 г. М. 1906 г. Цѣна 30 к.

Декабристы и тайныя общества въ Россіи въ началѣ XIX вѣка. Слѣдствіе. Судъ. Приговоръ. Амнистія. Оффиціальные документы. М. 1906 г. Цѣна 1 р.

М. Ковалевскій. Ученіе о личныхъ правахъ. М. 1906 г. Изданіе 2-е. Цѣна 40 к.

Н. Полянскій. Свобода стачекъ. Исторія завоеванія коалиціонной свободы во Франціи. М. 1906 г. Цѣна 40 к.

Мильо. Тактика соціализма въ рѣшеніяхъ международныхъ конгрессовъ. М. 1906 г. Цѣна 75 к.

Рѣчь Робеспьера о свободѣ печати, произнесенная въ якобинскомъ клубѣ 11 мая 1807 г. и повторенная въ Національномъ Собраніи 2 августа того же года. М. 1906 г. Цѣна 10 к.

А. И. Герценъ. Къ развитію революціонныхъ идей въ Россіи. М. 1906 г. Цѣна 50 к.

Бебель. Женщина и соціализмъ. Полный переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія. М. 1906 г. Цѣна 1 р.

Процессъ 193-хъ. М. 1906 г. Цѣна 1 р.

Процессъ 50-ти. М. 1906 г. Цѣна 1 р.

Симагинъ. Отвѣтственность министровъ. М. 1906 г. Цѣна 10 коп.

Хроника соціалистическаго движенія. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Тунъ. Исторія революціонныхъ движеній въ Россіи. М. 1906 г. Цѣна 35 к.

Ольшевскій. Бюрократія. М. 1906 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Науманъ. Демократія и императорская власть. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

К. Диль. Соціализмъ, коммунизмъ и анархизмъ. Полный переводъ съ нѣм. изд. М. 1907 г. Цѣна 75 к.

Рѣчи и біографіи участниковъ процесса 193-хъ и 50-ти. М. 1907 г. Цѣна 1 руб.

Дамашке. Земельная реформа. М. 1907 г. Цѣна 75 к.

П. Луи. Рабочій и государство. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 75 к.

Орландо. Принципы конституціоннаго права. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

И. И. Поповъ. Дума народныхъ надеждъ. М. 1907 г. Ц. 85 к.

Викторъ Обнинскій. Лѣтопись русской революціи. Выпускъ 1-ый. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Викторъ Обнинскій. Лѣтопись русской революціи. Выпускъ 2-ой. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Петрашевцы. Процессы Николаевской эпохи. М. 1907 г. Ц. 1 р.

Декабристы. Процессы Николаевской эпохи. М. 1907. Ц. 1 р.

М. Штирнеръ. Единственный и его достояніе. М. 1907 г. Цѣна 75 коп.

А. А. Лопухинъ (бывш. директоръ департамента полиціи). Изъ итоговъ служебнаго опыта. М. 1907 г. Цѣна 50 к.

Проф. Оршанскій. Первый шагъ (мысли о еврейскомъ вопросѣ). М. 1907 г. Цѣна 25 коп.

II ОТДѢЛЪ.

Научная библіотека.

Д-ръ Котикъ. Эманація психо-физической энергіи. М. 1907 г. Цѣна 60 к.

А. Риги. Современная теорія физическихъ явленій (радіоактивность, іоны, электроны). М. 1906 г. Цѣна 80 к.

Э. Жаваль. Среди слѣпыхъ. Практическіе совѣты для лицъ, потерявшихъ зрѣніе. Переводъ Г. Г. Оршанскаго. М. 1905 г. Цѣна 60 к.

В. Оствальдъ. Школа химіи. Первая часть, переводъ Евг. Раковскаго. М. 1904 г. Цѣна 1 р.

В. Оствальдъ. Школа химіи. Вторая часть. М. 1905 г. Ц. 1 р.

Сельско-хозяйственный анализъ. Составили: пр. Сельско-хоз ственнаго Института Демьяновъ, ассистенты Виноградовъ и Егоро Часть 1-ая Почва. М. 1907 г. Цѣна 2 руб.

Сельско-хозяйственный анализъ. Составили: проф. Демьяно ассистенты Виноградовъ и Егоровъ. Часть 2-я. Удобренія и кормо вещества. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Штарке. Опытное ученіе о физикѣ. М. 1907 г. Цѣна 2 руб.

III ОТДѢЛЪ.

Библіотека художественной литературы.

Князь С. Д. Урусовъ. Записки губернатора. М. 1907 г. 1 р 50

Н. А. Морозовъ. Откровеніе въ грозѣ и бурѣ. 2-ое изданіе зн чительно дополненное. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

А. Н. Радищевъ. Полное собраніе сочиненій, т. 1-ый. М. 1907 Цѣна 2 р.

А. Н. Радищевъ. Полное собраніе сочиненій, т. 2-ой. М. 1907 Цѣна 2 р. 50 к.

Проф. Д. Овсянико-Куликовскій. Исторія русской интеллиген (Итоги художественной литературы въ XIX вѣкѣ.) 2-е изданіе. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Проф. Д. Овсянико-Куликовскій. Исторія русской интеллиге ніи. Часть вторая. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Проф. Люблинскій. Итоги современнаго искусства и литерату М. 1906 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Артуръ Шницлеръ. Полное собраніе сочиненій, томъ I, съ по ретомъ автора и критической статьей Г. Брандеса. М. 1906 г. Ц. 1

Содержаніе: Сказка, драма.—Смерть, новелла.—Мгнове жизни, драма.—Литература, комедія.

Артуръ Шницлеръ. Полное собраніе сочиненій, томъ II. 2-е и М. 1906 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе.: Завѣщаніе, драма.—Поручикъ Густель, новелла. Анатоль, діалоги.—Роковой вопросъ. Рождественскій подаро Эпизодъ. Сувениръ. Прощальный ужинъ. Агонія. Утро Анато передъ свадьбой. Жена философа. Послѣднее свиданіе. Бенефи Цвѣты. Мертвые молчатъ.

Артуръ Шницлеръ. Полное собраніе сочиненій, т. III. 2-е изданіе. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Трилогія: Парацельсъ. Подруга. Зеленый попугай.—Покрывало Беатриче.—Одинокой тропой.

Артуръ Шницлеръ. Полное собраніе сочиненій, т. IV. 2-е изданіе. М. 1907 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Берта Гарланъ. Храбрый Касьянъ. Канунъ Новаго года. Общая добыча.

Артуръ Шницлеръ. Полное собраніе сочиненій, т. V. М. 1906 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Забава, драма.—Интермеццо, драма.—Разсказы.

Артуръ Шницлеръ. Забава, драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ, переводъ В. М. Саблина. М. 1899 г. Цѣна 50 к.

Артуръ Шницлеръ. Общая добыча (Пощечина), драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ, переводъ Н. Е. Эфроса. М. 1904 г. Цѣна 50 к.

Морисъ Метерлинкъ. Полное собраніе сочиненій, т. I. Драмы, съ портретомъ и предисловіемъ автора. 2-е изданіе. М. 1907 г. Ц. 1 р.

Содержаніе: Принцесса Маленъ. Вторженіе смерти. Аглавена и Селизета. Слѣпые. Аріана и Синяя Борода. Intérieur.

Морисъ Метерлинкъ. Полное собраніе сочиненій, томъ II. 2-е изданіе. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Драмы: Пеллеасъ и Мелизанда. Смерть Тентажиля. Алладина и Паломидъ. Семь принцессъ. **Сестра Беатриса.** Монна Ванна. Жуазель.

Морисъ Метерлинкъ. Полное собраніе сочиненій, томъ III. М. 1905 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Сокровище смиренныхъ. Мудрость и Судьба.

Морисъ Метерлинкъ. Полное собраніе сочиненій, томъ IV. М. 1905 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Сокровенный храмъ. Правосудіе. Эволюція тайны. Царство матеріи. Прошлое. Счастье. Будущее. Жизнь пчелъ.

Морисъ Метерлинкъ. Слѣпые, драма. Переводъ В. М. Саблина. Рисунки и заставки В. Я. Суреньянцъ. М. 1905 г. Цѣна 75 к.

Морисъ Метерлинкъ. Вторженіе, драма. Переводъ В. М. Саблина. М. 1905 г. Рисунки и заставки В. Я. Суреньянцъ. Цѣна 75 к.

Морисъ Метерлинкъ. Внутри, драма. Переводъ В. М. Саблина. М. 1905 г. Рисунки и заставки В. Я. Суреньянцъ. Цѣна 50 к.

Морисъ Метерлинкъ. Двѣнадцать пѣсенъ. Переводъ Георгія Чулкова. Обложка, рисунки, заставки работы Дудлэ. Нумерованные экземпляры 5 р., ненумерованные—3 р.

Ст. Пшибышевскій. Полное собраніе сочиненій, томъ I. Съ предисловіемъ автора и его портретомъ. М. 1905 г. Цѣна 1 р. 75 к.

Содержаніе: Поэмы (Аметисты. Въ долинѣ слезъ. Въ часъ чуда. Городъ смерти. Introibo. Рапсодія 1. Epipsychidion. Рапсодія 2. Свѣтлыя ночи. Рапсодія 3. У моря). Cupio Dissolvi.

Ст. Пшибышевскій. Полное собраніе сочиненій, томъ II. Съ предисловіемъ автора. М. 1905 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Сыны земли (Малярія. Сумерки. Ultima Thule).

Ст. Пшибышевскій. Полное собраніе сочиненій, т. III. Съ портретомъ автора. М. 1905 г. Цѣна 2 р.

Содержаніе: Homo Sapiens.

Ст. Пшибышевскій. Полное собраніе сочиненій, т. IV. Съ критической статьей автора „О драмѣ и сценѣ". М. 1905 г. Цѣна 2 р.

Содержаніе: Драмы (Пляска любви и смерти. Золотое руно. Счастье. Мать. Гости. Снѣгъ).

Ст. Пшибышевскій. Полное собраніе сочиненій, т. V. Съ портретомъ автора. М. 1905 г. Цѣна 1 р. 75 к.

Содержаніе: Критика (Къ психологіи индивидуума: Шопенъ и Ницше. Ола Гансонъ. Путями души. Вступленіе. Афоризмы и Прелюдіи. Эдвардъ Мунхъ. Густавъ Вигеландъ. Шопенъ. Пламенный. Памяти Юлія Словацкаго. Съ Куявскихъ полей).

Ст. Пшибышевскій. Полное собраніе сочиненій, т. VI. М. 1906 г. Цѣна 2 р.

Содержаніе: Дѣти сатаны. De profundis.

Ст. Пшибышевскій. Полное собраніе сочиненій, т. VII. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Заупокойная месса. Стихотворенія въ прозѣ. **Вѣчная сказка.**

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ I. Повѣсти и разсказы. М. 1905 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Рабы любви. Сынъ солнца. Закхей. По ту сторону океана. Отъявленный плутъ. Отецъ и сынъ. Царица Савская. Дама изъ Тиволи. Тайное горе. Кольцо. На улицѣ. Енъ Тру. По-

чтовая лошадь. Рождественская игрушка. Сочельникъ въ горной хижинѣ. Шкиперъ Рейерсенъ. На отмели близъ Нью-Фаундленда. Парижскіе этюды.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ II. М. 1905 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Редакторъ Линге, романъ.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ III. Повѣсти и разсказы. 2-ое изд. М. 1907 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Голосъ жизни. Маленькія приключенія: (Страхъ смерти. Уличная революція. Въ преріи. Привидѣніе. Гастроль). Завоеватель. Викторія.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ IV. 2-ое изд. Повѣсти и разсказы. М. 1907 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Голодъ. У царскихъ вратъ,—драма въ 4-хъ д.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ V. 2-ое изд. Повѣсти и разсказы. М. 1907 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Панъ,—романъ. Вечерняя заря,—драма въ 4-хъ д.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ VI. М. 1907 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Въ сказочной странѣ—романъ.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, т. VII. М. 1907 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе. Новь—романъ.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій. Томъ VIII. М. 1907 г. Цѣна 1 руб.

Содержаніе: Фантазеръ. Въ странѣ полумѣсяца.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій. Томъ IX. М. 1907 г. Цѣна 1 руб.

Содержаніе: Загадки и тайны.

Оскаръ Уайльдъ. Полное собраніе сочиненій, томъ I. М. 1906 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Сказки и разсказы.

Оскаръ Уайльдъ. Полное собраніе сочиненій, томъ II. 2-е изданіе. М. 1907 г. Цѣна въ переплетѣ 2 р., безъ переплета—1 р. 50 к.

Содержаніе: Портретъ Доріана Грея, романъ.

Оскаръ Уайльдъ. Полное собраніе сочиненій, томъ III. М. 1906 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Сказки. Стихотворенія въ прозѣ. Саломея. De profundis (тюрьма).

Оскаръ Уайльдъ. Полное собраніе сочиненій, т. IV. 2-ое изд. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: О соціализмѣ. Герцогиня Падуанская. **Вѣеръ леди Уайндермеръ.**

Казимиръ Тетмайеръ. Сочиненія, переводъ съ польскаго В. Тучапской. 2-е изданіе. М. 1907 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: **Отрывки.** Гимнъ Аполлону. Тріумфъ. Двойная смерть. Заколдованная княжна. Карьера попугая. Гробы. Дождь. Недоразумѣніе. Гордость. Изъ афоризмовъ. Ледяная вершина. Монархъ. Кукла. Изъ воспоминаній художника. Къ небу. **Стихотворенія въ прозѣ.** Воспоминаніе. Судъ. Тѣнь. Любовь. Роза. На Везувіѣ. Черный мотылекъ. Надъ потокомъ. Счастье. Журавли. Ель. Къ женщинѣ. Тяжелое будущее. Къ смерти. За стеклянной стѣной. Одна изъ сказокъ. **Бездна.**

Казимиръ Тетмайеръ. Сочиненія. Переводъ А. Торскаго. М. 1907 г. Цѣна 1 руб.

Содержаніе: Революція—драма.

О. Мирбо. Собраніе сочиненій, т. 2-ой. М. 1907 г. Цѣна 1 руб.

Содержаніе: Садъ пытокъ—романъ.

Анатоль Франсъ. Полное собраніе сочиненій. Томъ 2-й. М. 1907 г. Цѣна 1 руб.

Содержаніе: Таисъ, Кліо.

Анатоль Франсъ. Полное собраніе сочиненій. М. 1907 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Господинъ Бержере въ Парижѣ.

Германъ Зудерманъ. Да здравствуетъ жизнь! — Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. Переводъ, съ разрѣшенія автора, В. М. Саблина. 2-е изд. М. 1902 г. Цѣна 75 к.

Гергартъ Гауптманъ. Эльга, переводъ В. М. Саблина. Ц. 75 к.

Гергартъ Гауптманъ. Красный пѣтухъ. Переводъ В. М. Саблина. М. 1901 г. Цѣна 60 к.

Максъ Гальбе. Потокъ, драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ, литографированное изданіе для театровъ. Переводъ В. М. Саблина. М. 1904 г. Цѣна 50 к.

Генрикъ Ибсенъ. Женщина съ моря, драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. Переводъ В. М. Саблина. М. 1901 г. Цѣна 40 к.

Э. Лабишъ и Делакуръ. Копилка, комедія - шутка въ 5-ти дѣйствіяхъ, переводъ В. М. Саблина. М. 1902 г. Цѣна 40 к.

Роде. Гауптманъ и Ницше. Критическій очеркъ. М. 1903 г. Ц. 40 к.

Поль Эрвье. Пессимизмъ и современный театръ. Критическій очеркъ. М. 1902 г. Цѣна 30 к.

Треплевъ. Фактъ и возможность. Этюдъ о М. Горькомъ, съ портретомъ М. Горькаго. М. 1904 г. Цѣна 30 к.

Треплевъ. Молодое сознаніе, этюдъ о Вл. Г. Короленко, съ портретомъ В. Г. Короленко. М. 1904 г. Цѣна 40 к.

Треплевъ. Три этюда. М. 1904 г. Цѣна 50 к.

Содержаніе: Радость земли. Механизмъ. Бѣгство отъ земли.

Георгій Чулковъ. Кремнистый путь, стихотворенія и поэмы. М. 1904 г. Цѣна 1 р.

С. Выспянскій. Варшавянка,—драма. Переводъ В. А. Высоцкаго. М. 1906 г. Цѣна 40 к.

Э. Кей. Вѣкъ ребенка. Первый полный переводъ Е. К.—М. 1906 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Э. Кей. Очерки. М. 1907 г. Цѣна 1 р.

Э. Кей. Любовь и бракъ. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Танъ. Мужики въ Государственной Думѣ. М. 1907 г. Цѣна 10 к.

Танъ. На тракту,—повѣсть. М. 1907 г. Цѣна 10 к.

Танъ. Красное и черное. Очерки. М. 1907 г. Цѣна 1 руб.

Содержаніе: Опять на родинѣ. Христосъ на землѣ, фантазія. Сонъ тайнаго совѣтника. На тракту, очерки изъ жизни петербургскихъ рабочихъ. Дни свободы, повѣсть изъ московскихъ событій. По губерніи безпокойной. Крестьянскій союзъ. Первый крестьянскій съѣздъ въ Москвѣ. Совѣщаніе въ Гельсингфорсѣ. Мужики въ Думѣ. Долго ли? Легенда о счастливомъ островѣ.

Берентъ. Гнилушки,—романъ. М. 1907 г. Цѣна 2 р.

Печатаются и скоро поступятъ въ продажу:

Ригеръ-Налковская. Женщины.

Пшибышевскій. Полное собраніе сочиненій, т. VIII.

Н. А. Морозовъ. Въ началѣ жизни.

А. Шницлеръ. Полное собраніе сочиненій, т. VI.
М. Метерлинкъ. Полное собраніе сочиненій, т. V.
Сизеранъ. Англійская живопись.
С. Лагерлефъ. Разсказы и легенды.

IV ОТДѢЛЪ.

Дѣтскія книги.

Бр. Гриммъ. Сказки и легенды въ переводѣ А. Федорова-дова. 2-ое изданіе Уч. К. М. Н. П. **одобрено** въ средн. и низ зав. Т.т. 1-ый и 2-ой. Цѣна за два тома 3 руб., въ коленко 4 руб.

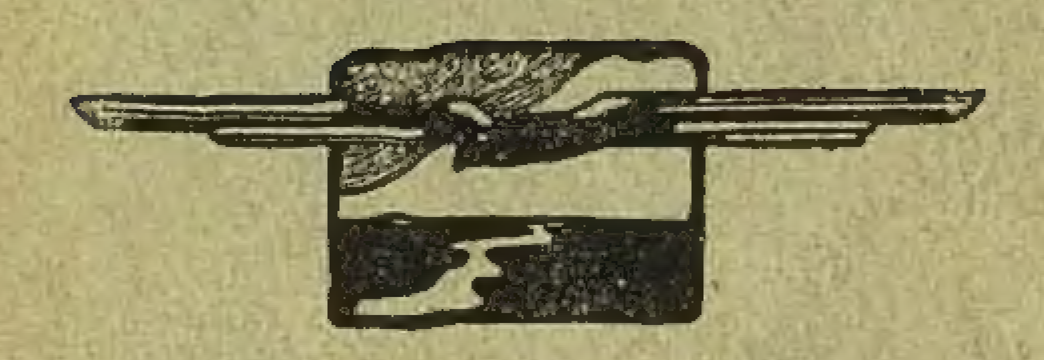
Японскія сказки. Переводъ В. Ф. Коршъ. М. 1906 г. Ц. 40

С. Лагерлефъ. Легенды о Христѣ. Роскошное изд. въ пер съ рисунками. Цѣна 2 руб.

Печатаются и скоро поступятъ въ продажу:

Г. Хр. Андерсенъ. Сказки. 3 тома.
Э. Сетонъ-Томпсонъ. Мои дикіе знакомые.
Э. Сетонъ-Томпсонъ. Животныя-герои.
Э. Сетонъ-Томпсонъ. По слѣдамъ оленя.
Лонгъ. Младшій братецъ медвѣдя.
Перри-Робинзонъ. Черный медвѣдь.
Р. Киплингъ. Вотъ такъ сказки!
Р. Киплингъ. Джунгли, 2 тома.
Г. Кеннеди. Индѣйскія сказки.
Макманусъ. Ирландскія сказки.
Волховской. Дюжина сказокъ.
О. Уайльдъ. Сказки.
С. Лагерлефъ. Сказки и легенды.
Н. Готорнъ. Книга чудесъ.
Гау. Маленькій искатель приключеній.

80 коп.

ИЗДАНІЕ В. М. САБЛИНА.

Москва, Петровка, д. Обидиной.

Телефонъ 131-34.